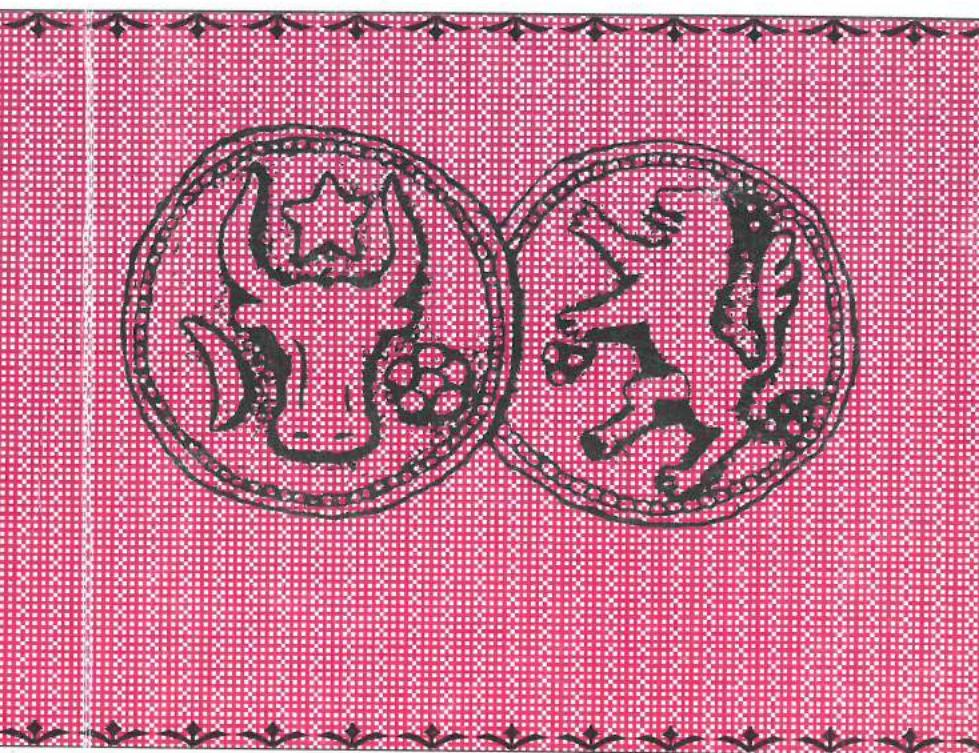

RELATIILE MOLDO-BULGARE
probleme de cercetare

**Chișinău
2007**

**RELATIILE
MOLDO-BULGARE:
PROBLEMELE DE
CERCETARE**

Онгари Банареску
заб. Новаков б.3
21.04.11 Нодж.

UNIVERSITATEA DE STAT TARACLIA
UNIVERSITATEA PEDAGOGICĂ DE STAT „ION CREANGĂ”
SOCIETATEA ȘTIINȚIFICĂ DE BULGARISTICĂ DIN R.M.

ТАРАКЛИЙСКИ
ДЪРЖАВЕН
УНИВЕРСИТЕТ
ДЪРЖАВЕН
ПЕДАГОГИЧЕСКИ
УНИВЕРСИТЕТ
„ЙОН КРЯНГА”
НАУЧНО ДРУЖЕСТВО НА
БЪЛГАРИСТИТЕ В
РЕПУБЛИКА МОЛДОВА

ТАРАКЛИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
КИШИНЕВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. И. КРЯНГЭ
НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
БОЛГАРИСТОВ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

RELATIILE MOLDO-BULGARE: PROBLEMELE DE CERCETARE

Redactor responsabil – d-r hab. în istorie Nicolai CERVENCOV

**МОЛДОВСКО -
БЪЛГАРСКИ
ВРЪЗКИ:
ПРОБЛЕМИ НА
ИЗСЛЕДВАНИЯ**

Отговорен редактор –
д.и.н. Николай ЧЕРВЕНКОВ

**МОЛДАВСКО -
БОЛГАРСКИЕ
СВЯЗИ:
ПРОБЛЕМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Ответственный редактор –
д-р хаб. Николай ЧЕРВЕНКОВ

CHIȘINĂU, S.Ş. B., 2007

КИШИНЕВ, С.Ş.В., 2007

CUPRINS
СЪДЪРЖАНИЕ
СОДЕРЖАНИЕ

INTRODUCERE
ПРЕДГОВОР
ПРЕДИСЛОВИЕ

ЦВИРКУН В. ТРАДИЦИИ МОЛДАВСКО-БОЛГАРСКИХ
СВЯЗЕЙ И БОЛГАРИСТИКА В МОЛДОВЕ.
Tvircun V. Relațiile moldo-bulgare: realizări și probleme. 11

ЧЕРВЕНКОВ Н. ПЕРСПЕКТИВЫ БОЛГАРИСТИКИ В
МОЛДОВЕ И ЗАДАЧИ ТАРАКЛИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
Cervencov N. Perspectivele bulgaristicii în Moldova și obiectivele
Universității de Stat din Taraclia 21

GONȚA Gh. ȚĂRILE ROMÂNE ȘI MIȘCAREA DE ELIBERARE DIN
BALCANI ÎN A DOUA JUMĂTATE A SEC. AL XVI-LEA.
Румънските държави и освободителното движение на Балканите
във втората половина на XIX век. 31

РУССЕВ Н. СОВМЕСТНЫЕ МОЛДАВСКО-БОЛГАРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ).
Russev N. Cercetări comune moldo-bulgare ai monumentelor arheologice
a Dunării de Jos (unele rezultate și perspective). 37

CIUBOTARU N. IDEALUL NAȚIONAL ÎN VIZIUNEA
EMIGRANȚILOR BULGARI DIN ROMÂNIA ÎN A II-A
JUMĂTATE A SECOLULUI AL XIX-LEA.
Чуботару Н. Националния идеал в концепцията на българските
емигранти в Румъния във втората половина на XIX век. 45

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII

Relațiile moldo-bulgare: Problemele de cercetare / Univ. de Stat
Taraclia, Univ. Pedagogică de Stat «Ion Creangă», Soc. Șt. de
Bulgaristică din RM; red. resp.: Nicolai Cervencov. – Ch.: SSB, 2007
(Tipogr. «Business-Elita» SRL). – 177 p.

Texte: lb. rom., bulg., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art.
ISBN 978-9975-9568-4-0
500 ex.

327(478)+327(497.2)(091)=135.1=161.1=163.2

В основу геральдической композиции на обложке
положены изображения на монетах молдавского господаря
Петру Мушата (1375 - 1392) и болгарского царя Ивана
Шишмана (1371 - 1395)

LISNIC A. REFLECȚII ISTORIOGRAFICE ASUPRA TERITORIULUI DE SUD AL BASARABIEI ÎN LITERATURA DE EPOCA (SECOLUL AL XIX-LEA).	
Лисник А. Историографические размышления върху южной территории на Бесарабия.	51
ЖАРКУЦКИЙ И. ГРАМОТНОСТЬ БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕССАРАБИИ И ТИРАСПОЛЬСКОГО УЕЗДА ВО II ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.	
Jarcuțchi I. Știința de carte în rîndul bulgarilor din Basarabia și județul Tiraspol în a II jumătate din sec. al XIX-lea: analiză retrospectivă. Lansarea discuției.	57
ЧАПЛЫГИНА Н. ОТРАЖЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ДЕСАНТА НА ЮГЕ БЕССАРАБИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ.	
Ciaplighina N. Respinger a desantului turc la sudul Basarabiei în timpul primului război mondial.	77
КАРА Н. БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В МОЛДОВЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ.	
Cara N. Limba bulgară în Moldova și problemele cercetării a ei.	91
КОНДОВ В. БЪЛГАРО-РУМЪНСКИ ЕЗИКОВИ ВРЪЗКИ ПРЕЗ ВЕКОВЕТЕ: ПРОБЛЕМИ НА ИЗСЛЕДВАНЕТО.	
Condov V. Legăturile lingvistice bulgaro-romane pe parcursul secolelor. Probleme de cercetare.	101
ПАСЛАР М. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА НА ОБЩИЯ РЕЧНИКОВ ФОНД В БЪЛГАРСКИЯ И РУМЪНСКИЯ ЕЗИК.	
Paslar M. Caracteristica lexico-semantică a fondului lexical comun în limba bulgară și romană.	103
АЛЕКСАНДРОВ А. ЧЛЕНУВАНЕТО В БЪЛГАРСКИЯ И РУМЪНСКИЯ ЕЗИК.	
Alexandrov A. Acordul în limbile bulgară și romană.	117
РАЦЕЕВА Е. ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОЛДОВЕ КАК СРЕДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.	
Rațeeva E. Particularitățile studierii literaturii bulgare în Moldova ca mijloc de cunoaștere a identității etnoculturale.	125
ТАРАБУРКА Е. «ЧУЖДЕНЕЦЪТ» В КОНЦЕПЦИЯТА ЗА ЧОВЕКА НА Й. РАДИЧКОВ И Й. ДРУЦА.	
Taraburca E. „Străinul” în concepția despre om a lui I. Radicikov și I. Druță.	145
ПОПАЗ - КУЛА Н. ПРЕДСТАВА ЗА РОДНОТО В ТВОРЧЕСТВОТО НА ХУДОЖНИКА И ПОЕТА ДИМИТЪР ПЕЙЧЕВ.	
Popaz-Cula N. Imaginea despre în creații pictorului și poetului Dimităr Peicev.	155
ХАНГАНУ Л. ТЕМАТА ЗА БОЖЕСТВЕНОТО ДЕТЕ В БЪЛГАРСКАТА И РУМЪНСКАТА ТРАДИЦИОННА КУЛТУРА.	
Hanganu L. Tema copilului divin în cultura tradițională bulgară și română.	161

INTRODUCERE

În culegerea dată au fost incluse o parte din materialele conferinței științifice cu tema „Relațiile moldo-bulgare: probleme de cercetare”, ce a avut loc pe 8 octombrie 2005 la Universitatea de Stat Taraclia, de curînd înființată, în cadrul celebrării Zilei instituției respective. Participanții la întrunire au fost salutați de către Victor Tvirčun, ministrul educației și tineretului, Nicolai Chiciuș, decanul Facultății de Istorie și Etnopedagogie a Universității Pedagogice de Stat „I Creanga”, Ion Bodrug, directorul Institutului de cercetări interne al A.Ş.M.

Conferința a fost organizată de Facultății de Istorie și Etnopedagogie a Universității Pedagogice de Stat „I Creanga” și Societatea Științifică de bulgaristică din Moldova. Cu mai mult de zece ani în urmă aceleași instituții au petrecut o conferință internațională de bulgaristică, comunicatele căruia au fost editate în culegarea „Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă” (Chișinău, 1998).

Universitatea recent instituită își propune continuarea reuninilor cu această tematică de importanță majoră în activitatea sa științifică. În special, se preconizează cercetarea relațiilor moldo-bulgare în domeniul culturii, lingvisticii, precum și dezvoltarea colaborării între țările noastre la etapa contemporană. În vederea studierii acestei problematici vor fi implicați colegii de breaslă din diverse organizații științifice și culturale din Moldova, dar și din Bulgaria, România, Ucraina și Rusia.

Realizarea reunirii științifice și editarea acestei culegeri au fost posibile datorită mijloacelor financiare, alocate Universității de Stat Taraclia de către Ministerul invățămîntului și științei din Bulgaria, în conformitate cu Acordul între Guvernul Moldova și cel al Bulgariei, semnat la 30 septembrie 2004.

Toate articolele culegerii se prezintă în redacția autorilor.

Redactor responsabil

ПРЕДГОВОР

Този сборник включва материали от научната конференция „Молдовско-български връзки: проблеми на изследвания”, която се състоя на 8 октомври 2005 г. в щом създадения Тараклийски държавен университет в рамките на празника Денят на ВУЗа. Участниците бяха приветствани от министъра на образованието и младежда на Република Молдова доцент Виктор Цвиркун, декана на историко-етнопедагогически факултет на Кишиневския държавен педагогически университет „Йон Крянга“ доцент Николай Кикуш, директора на Института за междуетнически изследвания към АНМ доктор по история Ион Бодруг.

В нейното провеждане приеха участие преподавателите от историко-етнопедагогически факултет на Кишиневския държавен педагогически университет „Йон Крянга“ и членовете на Научното дружество на българистите в Република Молдова. Преди десет години тези институции бяха организатори на международна конференция, докладите и съобщенията на която бяха издадени в отделен сборник – „Молдовско-български отношения през средновековието и новото време“ (Кишинев, 1998).

Новият университет има амбиция да продължи срещите на учените по тази тематика, която е приоритетна в научните планове на ВУЗа. Предполага се, в частност, да се обсъдят молдовско-българските връзки в областта на културата, езика, развитието на сътрудничеството между двете държави на съвременния етап. Предстои по-широко да се включат в проучването на тази проблематика колегите от различни научни и културни институции от Молдова, а също България, Румъния, Украйна, Русия и други държави.

Провеждането и издаването на този сборник станаха възможни благодарение на средствата от Министерството на образованието и науката на Република България, предоставени на Тараклийския държавен университет в съответствие със Спогодбата между правителствата на Молдова и България от 30 септември.

Всичките статии са представени в авторска редакция.

Отговорен редактор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник составлен из материалов научной конференции „Молдавско-болгарские связи: проблемы исследования”, которая состоялась 8 октября 2005 г. в только что созданном Тараклийском государственном университете в рамках празднования Дня этого вуза. Участников встречи приветствовали министр образования и молодежи Республики Молдова доцент Виктор Цвиркун, декан историко-этнопедагогического факультета Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ доцент Николай Кикуш, директор Института межэтнических исследований АНМ доктор истории Ион Бодруг.

В ее проведении приняли участие преподаватели историко-этнопедагогический факультет Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ и члены Научного общества болгаристов Республики Молдова. Более десяти лет назад ими была организована международная конференция по болгаристике, доклады и сообщения которой были изданы отдельным сборником – „Молдавско-болгарские отношения в средние века и новое время” (Кишинев, 1998).

Новый вуз на юге республики намерен продолжить встречи ученых по данной тематике, которая является ведущей в научных планах университета. Предполагается, в частности, обсудить молдавско-болгарские связи в области культуры, языков, развитие сотрудничества между двумя странами на современном этапе. Предстоит шире привлечь к изучению этой проблематики коллег из различных научных и культурных учреждений Молдовы, а также Болгарии, Румынии, Украины, России и других государств.

Проведение конференции и издание настоящего сборника стали возможными благодаря средствам Министерства образования и науки Болгарии, предоставленным в соответствии с Соглашением между правительствами Молдовы и Болгарии от 30 сентября 2004 года Тараклийскому государственному университету.

Все тексты статей даются в авторской редакции.

Ответственный редактор

Виктор ЦВИРКУН,
министр просвещения и молодежи
Республики Молдова

ТРАДИЦИИ МОЛДАВСКО-БОЛГАРСКИХ СВЯЗЕЙ И БОЛГАРИСТИКА В МОЛДОВЕ

Следует искренне приветствовать и одобрить тот факт, что едва начавший свою деятельность Тараклийский государственный университет организует такой представительный научный форум. Привлекает тема конференции. Она является естественным продолжением проблем, обсуждавшихся на международной конференции „Молдавско-болгарские отношения в средние века и новое время”, организованной в 1996 г. Научным обществом болгаристов РМ. Важно и то, что в сегодняшней встрече активное участие принимают и мои бывшие коллеги по историко-этнопсихологическому факультету Кишиневского педагогического государственного университета им. И. Крянгэ. Думаю, что такой тандем двух вузов республики послужит развитию болгаристики, ее различных направлений в Молдове.

Открывая конференцию, я бы хотел остановиться на двух аспектах: напомнить о сотрудничестве народов Молдовы и Болгарии и определить тенденцию развития болгаристики в нашей стране.

Известно, что связи наших стран имеют многовековые традиции. Около двух десятков лет кочевали в буджакских степях праболгары. Отсюда их предводитель хан Аспарух – создатель Первого болгарского царства – совершил во второй половине VII в. набеги за Дунай. В материальной культуре народов, населявших территорию Пруто-Днестровского междуречья, археологи обнаружили значительное влияние культуры Первого болгарского царства, которое благотворно сказалось на последующем развитии края, заселки государственной и церковной жизни

которого уходят своими корнями в ту эпоху. Проникновение сюда, начиная с X в., христианства сопровождалось распространением богослужения на старославянском языке. Величайшее творение просветителей Кирилла и Мефодия – славянская письменность – становилось достоянием населения этих земель и способствовало эволюции его духовной культуры.

В развитие молдавской культуры внесли значительный вклад видные болгарские книжники, прежде всего Григорий Цамблак, прославившийся в Молдове своими проповедями и оригинальным памятником древнемолдавской культуры – «Житие Ионна Нового». Значительными были связи между монастырями. В качестве примера может служить Кэприянский монастырь, который был преклонен (подчинялся) известному Зографскому болгарскому монастырю на Святом Афоне. В восстановлении данной обители после пожара оказал помочь молдавский господарь Штефан чел Маре.

Начиная с раннего средневековья устанавливаются торговые связи и взаимовыгодный товарообмен между Болгарией и территорией будущего молдавского государства. Они усиливаются и расширяются с появлением в середине XIV в. самостоятельного Молдавского княжества.

В борьбе против общего поработителя – Османского государства – складывалось и крепло боевое содружество народов Болгарии и Молдавии. Часто молдавские гайдуки переходили через Дунай и вели совместную борьбу против османов.

К северу от Дуная переселенцы имели возможность мирно жить, экономически и культурно развиваться, сохранять свою религию, содействовать борьбе за освобождение своих земель. С середины XVII в. в Молдавии и Валахии при дворах господарей находил прибежище болгарский политический деятель Петр Парчевич, который в качестве господарского полномочного представителя и посланца объездил ряд стран Европы, добиваясь поддержки угнетенных народов балканского региона.

Важной страницей связей является переселение на территорию Бессарабии выходцев из болгарских земель (болгар, гагаузов, албанцев и т. д.), которые стали покидать родные места сразу же после нашествия на их страну османских завоевателей. Они искали спасения в землях, где гнет сultанской Турции был менее тяжелым. В результате в крае были основаны десятки болгарских и гагаузских сел.

Длительное общение между молдаванами и болгарами, их проживание в бессарабских пределах привели к хозяйственным, бытовым, фольклорным, языковым заимствованиям. Все это, естественно, сближало и роднило эти народы.

Молдавский народ гордится тем, что в Бессарабии находили приют и имели возможность служить своему народу такие видные болгарские патриоты, как Георгий Раковский, Иван Селиминский, Христо Ботев, Филипп Тотю, Панайот Хитов и многие другие. Здесь создавались учебные заведения, организации, издавались газеты и книги, которые сыграли значительную роль в процессе национального возрождения болгарского народа.

Повсеместно в нашем kraе собирались пожертвования участникам героического Апрельского восстания в Болгарии 1876 г. Многие из активных борцов находили здесь прибежище. Напомню, что именно в Кишиневе зародилось Болгарское ополчение, ставшее основой Болгарской армии. Здесь 12 (24) апреля 1877 г. был оглашен манифест об объявлении России войны Османской Порте, в результате которой Болгария получила освобождение. За ее национальную свободу в рядах русской армии сражалось около 8 тысяч уроженцев края. Полки, в которых они служили, принимали участие в сражениях на различных участках театра военных действий.

Эти памятные события отмечены мемориальными знаками, обелиском Болгарским ополченцам, памятником Христо Ботеву в Кишиневе, бюстами Васила Левского в Твардице, Олимпия Панова в Тараклии и т. д.

Болгария была среди тех стран, которые первыми признали независимость Республики Молдовы. Она оказывала ей поддержку на международной арене. Политические преобразования в Болгарии не остаются без внимания в нашей стране. Демонтаж прежнего авторитарного режима, оформление правовых основ новой демократической системы, проведение первых демократических выборов в парламент, учреждение новой политической структуры и институтов произошло очень быстро. Это стало возможным благодаря достигнутому консенсусу между частью старой политической элиты и новой относительно направлений политических и экономических реформ. Однако налаживание функционирования современных политических институтов в соответствии с демократическими нормами

ми и процедурами оказалось сложным и длительным процессом, который продолжается до сих пор.

Происшедшие политические изменения создали новые условия для углубления связей между нашими странами. Во многом этому содействовали встречи лидеров двух стран и подписание договора о сотрудничестве между Молдовой и Болгарией. Начинает восстанавливаться экономическое сотрудничество, имеющее хорошие традиции и перспективы на будущее.

Продолжается и культурный обмен. С начала 90-х годов действует протокол о сотрудничестве между двумя странами в области образования, в результате которого несколько десятков этнических болгар Молдовы могут каждый год поступать в болгарские вузы. Сложилась добрая традиция ежегодно отмечать на общереспубликанском уровне День славянской письменности.

Заметное развитие получили контакты местных болгар со своей исторической родиной – Болгарией. Одновременно в Молдавии был принят ряд специальных документов (Указ Президента Республики Молдова “О некоторых мерах по развитию болгарской национальной культуры” от 30 марта 1992 г. и Постановление Правительства Молдовы “О мерах по обеспечению развития болгарской национальной культуры в Республике Молдова” от 23 июня 1992 г.), которые создали благоприятные условия для решения многоаспектных культурно-национальных проблем болгар республики, наметили конкретные мероприятия.

Тем самым в настоящее время сотрудничество между молдавским и болгарским народами стало добной традицией и помогает успешно решать стоящие перед ними задачи. Оно развивается и крепнет, содействуя благополучию и процветанию обеих стран. Однако предстоит осмыслить его тенденции, определить факторы, препятствующие его дальнейшему развитию.

В этом направлении многое могут сделать специалисты, занимающиеся изучением связей молдавского и болгарского народов. Ведь традиции в этой сфере у нас существуют очень давно. В Молдове всегда был велик интерес к Болгарии, болгарской культуре. Еще Дмитрий Кантемир, известный молдавский господарь, писал о болгараах. Мало известно, что классик молдавской литературы Б. П. Хашдеу посвятил ряд своих научных и публицистических работ болгарам, их истории, языку и литературе. Следует особо упомянуть труды Александра Яцимирского,

Полихрония Сырку, которые рассматривали различные аспекты молдавско-болгарского культурного сотрудничества.

В советское время в республике этой темой сначала занимались отдельные исследователи, например Иван Мещерюк, Евгений Руссов. В 70-е гг. XX века в рамках Института истории Молдавской академии наук сформировалась группа болгаристов, которая занималась прежде всего проблемами Болгарского возрождения, российско-болгарскими связями. В ее рамках были подготовлены монографии Константина Поглубко, Ивана Забунова, Лилии Степановой, Ивана Грека, Николая Червенкова. Тогда коллектив авторов (Яков Копанский, Самсон Мадиевский, Михаил Мунтян и Константин Поглубко) издали первую обобщающую работу о молдавско-болгарских связях под редакцией члена-корреспондента АНМ Е. Руссева – „Листая летопись дружбы” (Исторические связи народов Молдавии и Болгарии) (1970).

В период, последовавший после провозглашения независимости Республики Молдова, сложились государственные и общественные центры, занимающиеся проблемами болгаристики. Это прежде всего Отдел болгаристики Института межэтнических исследований АНМ и Научное общество болгаристов РМ. К ним в последние годы активно присоединились Высшая антропологическая школа, Кишиневский государственный педагогический институт им. И. Крянгэ и Тараклийский государственный университет.

С самого начала проблематика исследований указанного отдела была довольно обширной: история, этнография, языкознание и фольклор. Учитывая, что его основу составили уже сформировавшиеся научные-болгаристы, здесь рано стали выходить монографические работы, сборники. Первым в отделе был издан сборник “Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и на Украине”. Важным моментом явилось публикация монографии Ивана Грека “Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX века” (1993). Это первая удачная попытка специального исследования истории становления и развития школьного дела в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи первой половины XIX в. Хронологически эту проблему продолжила изучать Екатерина Челак, которая в 1999 г. издала интересную монографию “Школьное дело и культурно-просветительская жизнь болгарских переселенцев Бессарабии во второй половине XIX в.” В 1994 г. под

редакцией Ивана Грека и Екатерины Челак была переиздана книга К. И. Мыславского “Исторический очерк гимназии “Император Александр III” в Болграде”.

Повышенный интерес болгарской общественности к своей истории, самой Болгарии к своим согражданам был отчасти удовлетворен книгой Ивана Грека и Николая Червенкова “Болгары Украины и Молдовы: прошлое и настоящее” (на болгарском языке). Это первая обобщающая работа об отдельной национальной диаспоре в Молдове. Она с интересом была встречена у нас, в Украине и Болгарии.

С созданием в 1994 г. Научного общества болгаристов Республики Молдова многие работы подготавливаются совместно с отделом болгаристики. Среди них – сборник “История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины” (1999) (науч. ред. Иван Грек), который не только раскрывает научный вклад известного молдавского болгариста Ивана Мещерюка, но и освещает его общественно-политическую деятельность. Тем самым открылись новые аспекты национально-культурного движения болгар и гагаузов в советский период.

Многие проблемы проясняет монография Савелия Новакова “Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских поселений Южной Бессарабии второй половины XIX – начала XX века”, которая имеет не только чисто научное значение, но и дает возможность сориентироваться, как вести сельскохозяйственную деятельность в Буджаке и в нынешних условиях перехода к рыночным отношениям. Все эти работы вносят важный вклад в раскрытие различных сторон молдавско-болгарских связей.

Этапным в изучении связей Молдовы и Болгарии является сборник „Молдавско-болгарские отношения в средние века и новое время” (1998), в который вошли материалы упомянутой научной конференции под тем же названием. Место и значение Молдовы в борьбе болгарского народа за свое освобождение отражены в сборниках „Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – 25 лет”, „Бессарабия и освобождение Болгарии” (2004), которые включают материалы конференций, проведенных в Кишиневе. Вторая была проведена под патронажем президента Молдовы Владимира Воронина и президента Болгарии Георгия Пырванова.

Болгаристы успешно занимаются краеведческими проблемами. Савелий Новаков и Николай Гургуров издали книгу “Страницы истории села Кортен” (1995). Краевед Георгий Аствацатуров опублико-

вал „Очерки истории Паркан” в двух книгах (1995, 1997). Также в двух томах вышло генеалогическое исследование Петра Кайряка “Родословные древа Тараклии” (1999, 2001), пока единственное подобного рода издание, посвященное изучению болгарских родов в республике.

Многие современные проблемы болгарского населения – его национально-культурное развитие, связи со своей диаспорой – раскрыты в публицистических и политологических статьях И. Грека, а также Н. Червенкова. Первый рассматривает и вопросы национальных меньшинств в прошлом и настоящем в контексте политического развития бессарабского и молдавского общества. Уже наступило время собрать эти статьи и опубликовать их отдельным изданием.

Значительным достижением молдавской болгаристики явился капитальный труд – библиографический указатель И. Грека “Болгары Молдовы и Украины: вторая половина XVIII в.–1995 г.” (2003), составителями которого явились также И. Грек, И. Шпак, Е. Челак и Н. Червенков. Здесь представлено более 8 тыс. работ, изданных в различных странах и на разных языках. Это первое в нашей республике подобное издание, представляющее относительно полную библиографию об отдельной национальной диаспоре.

Важны социологические исследования, проводившиеся в отделе болгаристики по темам “Проблемы сохранения культурной самобытности болгарской общины в СССР” (1990–1991), “Актуальные социальные проблемы болгарской диаспоры на Украине и в Молдове” (1992), “Бессарабские болгары – традиции и перемены” (1994) и др. На их основе написаны научные обобщения, составлены рекомендации, опубликован сборник “Бессарабские болгары о себе” (1996).

Получили общественный резонанс многие научные конференции, такие как “Функционирование болгарского языка в Молдове”, “60 лет болгаристу Константину Поглубко”, “И. И. Мещерюк: история и современность” “Бессарабия и освобождение Болгарии” и др. Результаты исследований сотрудников отдела были также представлены на многих республиканских и международных научных форумах, в том числе в Болгарии, Румынии, России, Украине, Венгрии. Особенно показательно участие молдавских болгаристов в тематических конференциях в Велико Тырново “Болгары Северного Причерноморья”.

Как можно было заметить, основная проблематика наших болгаристов связана с проблемами болгарского населения, связей народов

Молдовы и Болгарии. Однако они продолжают изучать различные аспекты истории болгарского народа. Это прежде всего выражается в издании научно-популярной работы “Васил Левски” (Н. Червенков), общетеоретических статей о болгарском Возрождении и Пресвящении И. Грека, Е. Челак. Работы Н. Червенкова о формировании программных идей болгарского национально-освободительного движения стали основой первой в республике диссертации на учennuу степень доктора хабилитат по проблеме болгаристики. Была опубликована серия статей о развитии политической ситуации в Болгарии (Н. Червенков).

Как видим, в республике в целом накопилось значительное количество работ, отражающих прошлое и настоящеe болгарской диаспоры в Молдове, связи молдавского и болгарского народов. На их основе необходимо, в частности, разработать пособие для учителей по проблемам болгарской диаспоры.

Встречаясь сегодня в учебном заведении, нельзя обойти вопрос о преподавании истории. Приходится постоянно повторять, что учебная аудитория не является ареной борьбы идеологических взглядов, а кафедра – не трибуна политических ораторов. В равной мере сказанное относится к учебникам и учебным пособиям истории. Они должны явиться почвой для воспитания молодых людей в духе толерантности и уважения к соседним народам и культурам. Учебник должен излагать материал в доступной форме и включать сюжеты как политической, так и социальной, культурной и интеллектуальной истории. В настоящее время идет медленный процесс перехода учебной литературы от этноцентризма к включению национальной истории во всемирный контекст.

Хотелось бы отметить, что последующее развитие исторической науки в целом, как и тематики, которая на сегодняшней конференции находится в центре нашего внимания, невозможно без дальнейшего расширения источников базы. Конечно, это должно осуществляться прежде всего за счет болгарских документальных материалов и наших архивных источников. Естественно, нам трудно обойтись без традиционных богатых архивохранилищ России. Однако следует, наконец, приступить к изучению разнообразных материалов из турецких архивов, в которых в той или иной степени нашли отражение как все проблемы прошлого молдавской и болгарской истории, так и взаимоотношения государств.

Думаю, что мы еще недостаточно полно используем материалы из архивохранилищ соседних с нами стран – Румынии и Украины. Последние публикации ученых-балканистов этих государств свидетельствуют об их большом потенциале. Нам необходимо готовить специалистов как с исторической, так и с филологической подготовкой, которые бы могли работать с латинскими, древнегреческими, старотурецкими, староболгарскими и другими документами.

Надеюсь, что встречи, подобные сегодняшней, станут традиционными. Тараклийский университет имеет все необходимые условия, чтобы сформироваться как важный центр по изучению проблем болгаристики, молдавско-болгарских связей. Особенно актуальным и перспективным представляется изучение истории южного региона республики. В связи с этим я бы призвал коллег из Тараклийского университета активнее поддерживать краеведов. Известно, что весьма часто по качеству их работы не уступают исследованиям профессионалов. Более того, эти люди, увлеченные поиском, находят интересные факты в архивах и газетных подшивках, свидетельства современников, проливающие свет на отдельные эпизоды нашего прошлого. За примерами не надо ходить далеко. Свидетельством тому является творческая деятельность краеведа из Тараклии Петра Кайряка, который издал книгу об уроженце города, национальном герое Болгарии Олимпии Панове, а также, как уже отмечалось, два тома о родословных корнях родного города. С одной стороны, его труды – это история родного края, а с другой – также и летопись дружественных связей молдавского и болгарского народа.

Хочется верить, что и в дальнейшем будут изучаться затронутые сегодня проблемы болгаристики, вопросы молдавско-болгарских связей, южного региона республики. Ведь многие их пласты не изучены, а материалы еще ждут своего внимательного исследователя.

Николай ЧЕРВЕНКОВ

Тараклийский государственный университет

**ПЕРСПЕКТИВЫ БОЛГАРИСТИКИ
В МОЛДОВЕ И ЗАДАЧИ ТАРАКЛИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Болгаристика – это комплексная научная область, охватывающая знания о языке, литературе, фольклоре, истории, материальной и духовной культуре болгар и Болгарии. Она является частью (разделом) славистики и балканистики.

Специфика Бессарабии (близость к болгарским землям, наличие болгарских переселенцев на ее территории, широкое использование староболгарского языка и т. д.) способствовала созданию здесь особого интереса к болгаристике. Известно, что свою научную деятельность начал в Кишиневе известный славист-болгарист Юрий Венелин. Уроженцами края были видные ученые Полихроний Сырку и Александр Яцимирский, которые оставили после себя капитальные труды по проблемам болгарского языкознания, истории и культуры.

С самого начала бессарабская болгаристика развивалась в нескольких направлениях – история и этнография, диалектология, распространение славянской письменности и т. д. Эти направления остаются актуальными и до наших дней, когда в Республике Молдова сформировались государственные учреждения и общественные организации, которые успешно занимаются данной проблематикой. Прежде всего, это Институт межэтнических исследований, который с недавних пор вошел в состав вновь сформированного Института культурного наследия АНМ, Научное общество болгаристов Республики Молдова и Педагогический государственный университет им. И. Крянгэ.

Работу болгаристов Молдовы в большой мере поды托или капитальный библиографический указатель, подготовленный под руководством И. Грека¹, а также ряд историографических работ². Из них видно, что особенно много сделано в плане исторической болгаристики. Значительны успехи в изучении фольклорного и этнографического наследия болгарской diáспоры. Важны исследования лингвистического порядка. Здесь не будем конкретно на них останавливаться. Попытаемся только выявить те возможности, которые открываются перед новым вузом Республики Молдова – Тараклийским государственным университетом – в исследовании проблем болгаристики, а также наметить некоторые аспекты – еще не изученные или требующие дальнейшего исследования и могущие быть предметом специального внимания со стороны преподавателей и студентов нашего вуза.

При создании университета в месте компактного проживания болгар ставилась задача не только учебного порядка – готовить специалистов для южного региона страны со знанием государственного и болгарского языка. С самого начала четко было определено, что этот вуз должен стать новым центром изучения комплексных проблем юга, включая прежде всего проблемы истории, культуры и языка болгарской diáспоры республики, исторические связи народов Молдовы и Болгарии. Этому должно соответствовать наличие необходимых специалистов, обширная университетская библиотека, само расположение учебного заведения, позволяющее быть в непосредственном контакте с исследуемым объектом.

Для развития исследовательских программ прежде всего нужна богатая библиотека. Для ее формирования имеются достаточные условия. Создаваемое книгохранилище расположено в отдельном здании, где можно расширять площади под хранилища, для читальных залов и других нужд. Созданное на базе библиотеки Тараклийского педагогического колледжа им. Св. Св Кирилла и Мефодия, хранилище располагает богатой литературой на болгарском языке, предоставленной различными болгарскими и нашими учреждениями за последние пятнадцать лет. Наряду с учебной литературой здесь накопилось много академических изданий по различным отраслям болгаристики, прежде всего по истории, языку и литературе. В распоряжении исследователей, в частности, имеется вся литература, вышедшая на болгарском языке в Молдове и на Украине, работы, изданные в этих странах, а также в Болгарии, труды,

посвященные болгарской diáспоре в Молдове. Библиотека регулярно пополняется. Прежде всего, это книги, направляемые различными учреждениями и организациями Болгарии. Особенно много их поступает от Министерства просвещения и науки, от Национальной библиотеки им. Кирилла и Мефодия, Великотырновского и Русенского университетов.

Важным подспорьем в исследовательской деятельности преподавателей и студентов станут личные библиотечные коллекции, подаренные университету. К нам поступили из Беларуси, при содействии ее посольства в Молдове и инициативе члена Сената университета, доктора истории И. Грека, книги по болгаристике из личной библиотеки доктора Лилии Степановой, исследователя культурных проблем, русско-болгарских исторических связей эпохи болгарского Возрождения. Она на протяжении более двадцати лет работала в Институте истории АНМ. Среди ее книг много ценных трудов, без которых трудно обойтись в изучении различных аспектов болгаристики. Многими трудами по лингвистике поделилась бывший преподаватель Молдавского государственного университета И. Коновалова. Ценные издания представили библиофилы из гор. Несебыр и Софии, книгоиздатель из Сливена Ж. Кондов и др.

Одной из задач нового вуза является создание регионального музея как с учебной, так и с исследовательской целью. Надеемся, что сможем собрать богатый материал по материальной и духовной культуре болгарского населения республики, его истории. Предполагаем иметь архивный отдел, в котором будут накапливаться материалы личных архивов, отдельных коллекций.

К нам в Тараклийский государственный университет уже поступил богатый архив известного исследователя Буджака Ивана Антоновича Анцупова, который более сорока лет собирал материалы из различных архивов бывшего Советского Союза. Это удалось опять-таки благодаря усилиям И. Грека, бывшего докторанта ученого, а также решению наследников историка.

Многие материалы из этой коллекции вошли в монографические и другие научные труды Анцупова. Однако значительная их часть практически не стала предметом изучения, одновременно многое можно извлечь и из уже использованных им материалов. Для исследователей также будут весьма необходимы многочисленные копии статей из до-

революционных российских периодических изданий, а также отдельных книг, доступ к которым у молдавских исследователей в настоящее время по различным причинам ограничен. Материалы коллекции известного исследователя представляют ценность прежде всего при изучении социально-экономического развития региона, демографического положения болгарских и гагаузских колоний, межэтнических связей народов юга Бессарабии.

В распоряжение будущего музея поступили также авторские рукописи, отдельные документы. Среди них – машинописная 600-страничная работа учителя из Болграда Николая Ивановича Киримидчиева, который с 1920 г. жил в Болгарии и стал известным виноградарем. Незадолго до своей смерти, в 1969 г. он завершил эту свою рукопись. Основная задача автора – раскрыть многовековые связи Балкан и России. Однако более половины работы он посвятил своим воспоминаниям о Бессарабии, описав сложные переплетения болгарских переселенцев в первые два десятилетия XX века. В ней, в частности, мы находим практически не известные из других источников, важные факты из общественной жизни болгар в ходе трех русских революций.

Недавно университет приобрел фрагмент, объемом более ста страниц, исповедательных записей Георгиевской церкви Тараклии за 1839–1843 гг. Хотя он и неполон, но позволяет сделать интересный анализ демографического состояния этой колонии, в частности, при определении возраста заключения браков, брачного ареала этой и соседних болгарских колоний.

Надеемся, что в создаваемом музейном отделе найдут место фольклорные и этнографические записи, которые будут получены во время различных практических занятий студентов, а также в специальных научных экспедициях, организуемых нашим университетом или при его участии. Здесь будут сосредоточены также первичные и результативные материалы ожидаемых социологических исследований, которые будут проводиться регулярно нашими специалистами. Сюда уже поступают интересные находки археологических разведок, осуществляемых студентами университета под руководством доктора хабилитат исторических наук Н. Руссева в окрестностях Тараклии. Надеемся, что все эти многообразные и разноаспектные источники станут важной основой для исследовательских проектов, научной работы как преподавателей, так и студентов университета.

Благоприятным фактором для развития болгаристики в нашем университете является то, что в настоящее время метрополия болгар республики – Болгария – наметила целый ряд мероприятий, направленных на поддержку нового учебного заведения. Среди них – предоставление средств на развитие вуза, включая научную работу. Каждый год направляются три-четыре преподавателя, которые, наряду с учебной деятельностью, занимаются исследовательскими проблемами, руководят научной работой местных преподавателей. Одновременно наши сотрудники имеют возможность специализироваться, проходить докторантуру в болгарских учебных и академических учреждениях. Важным является сотрудничество, включая научное, с Великотырновским университетом им. Св. Св. Кирилла и Мефодия и Русенским университетом им. Ангела Кынчева.

Планирование научной работы в университете будет вестись в первую очередь исходя из вышеуказанных возможностей и интересов болгарской diáspory, продуктом которой в конечном счете и является наш вуз. В этом направлении уже имеются первые результаты. Прежде всего это подготовленный и изданный при содействии Научного общества болгаристов Республики Молдова сборник документов „По пути национальной духовности болгар Молдовы”³, который включил в себя материал из периодической печати, официальные документы и воспоминания, отражающие деятельность и проблемы болгарского населения республики за годы независимости Республики Молдова. Надеемся, что этот труд побудит исследователей, включая университетских, к изучению важных политических и культурных аспектов жизни diáspory, таких как приобщение к изучению родного языка, сохранение Тараклийской административно-территориальной единицы, связей с болгарской митрополией – Болгарией. Различные моменты истории болгар Молдовы нашли отражение в ряде трудов автора этого доклада⁴.

Фольклорное направление болгаристики в нашем университете представлено изданием монографии профессора Петра Стоянова⁵.

Под руководством преподавателя социологии Александры Горбуненко проведено социологическое исследование современного состояния болгарского населения Тараклийского района.

Уже было отмечено, что студенты вовлечены в археологические изыскания, в частности, связанные со славянскими стоянками в Буджаке. Одновременно наша экспедиция участвует в раскопках средневековых болгарских памятников в Силистрии и Тырговиште (Болгария). Со временем

будут опубликованы отчеты преподавателей и студентов. Этим мы вносим скромный вклад в изучение прошлого болгарских земель.

Однако самые большие успехи нового университета в научном плане – это исследования в области лингвистической болгаристики. В этой сфере работают пять преподавателей. Проректор по учебной части Николай Куртев защитил докторскую диссертацию в Институте языка Болгарской академии наук на тему „Села с болгарским населением в Буджаке. Ономастика”, которую издал отдельной книгой⁶. Заведующий кафедрой филологии Василий Кондов опубликовал монографию⁷. Доцент Александр Александров работает над учебником болгарского языка для болгар, обучающихся вне Болгарии. Другой преподаватель, доктор филологии Иван Симеонов, издал сборник статей „Европейские горизонты болгарской литературы XIX – первой половины XX века”⁸. Преподаватель болгарского языка Мария Пасларь обучается в докторантуре в Болгарии, издала несколько статей по разрабатываемой ею тематике⁹.

Ряд разработок наших болгаристов был представлен на республиканских и международных конференциях. Только в IX международной научной встрече „Болгари Северного Причерноморья” в Одессе, соорганизатором которой являлся наш университет, участвовали пять наших сотрудников. Вуз также находится среди тех, кто подготовил и издал материалы этого крупного научного форума¹⁰, и к тому же является соорганизатором очередной, десятой встречи.

В рамках университета проведен ряд презентаций книг по болгаристике, состоялись научно-практические конференции преподавателей и студентов по этой тематике. В частности, одна из студенческих конференций была приурочена к Дням славянской письменности, другая, проведенная совместно с Научным обществом болгаристов, обсудила конкретные задачи университета в развитии болгаристики в республике.

Тем самым Тараклийский государственный университет довольно активно включился в изучение самых разнообразных проблем болгаристики. Однако, если мы претендуем на то, чтобы стать одним из центров болгаристики в республике, то необходимо еще многое сделать. Работа планируется в основном в следующих направлениях.

В историческом плане в университете предстоит прежде всего заниматься краеведческими аспектами. Необходимо сориентировать студентов на написание дипломных работ по этой тематике. Такие разработки при помощи преподавателей могут стать базой для написания истории

отдельных школ, учреждений, сел. Намечено исследовать социально-политическое развитие района за годы независимости республики, опубликовать некоторые рукописи, отражающие прошлое региона. Будет вестись также работа по исследованию обобщающих проблем болгар Молдовы. Результатом должны стать монография по демографическим проблемам бессарабских болгар, книга о развитии исторической болгаристики в Молдове. В плане истории болгар будет издан сборник работ о Василе Левском, учебное пособие по истории Болгарского возрождения и т. д. Считаем, что регулярными должны стать научные конференции, посвященные определенным аспектам молдавско-болгарских связей.

В университете имеется возможность продолжить исследование болгарских переселенческих говоров Молдовы, которые функционируют почти два столетия в инославянском окружении. С помощью студентов планируется записать образцы современных говоров практически всех мест республики, где проживают болгары, и издать их. Важно осуществить сравнительное изучение особенностей развития языка таких сел, как Твардица и Кортен, и их дочерних сел – Колибабовки, Вознесен и Троицы. Предстоит комплексное исследование отдельных диалектных систем – выявление их типичных черт и особенностей их функционирования. Тем самым, возможно, удастся завершить исследование в определении происхождения и принадлежности бессарабских диалектов в Молдове к определенным диалектам в Болгарии. Результаты анализа должны быть опубликованы в отдельных работах университета, а также в различных других изданиях.

Важная задача стоит перед преподавателями музыкального цикла в плане изучения богатого наследия музыкального фольклора. Прежде всего, мы видим свою цель в дальнейшей записи различных музыкальных жанров, представленных в болгарских селах республики. Предстоит впервые специально отобрать и проанализировать песни, созданные переселенцами уже на новом месте и при новых условиях. Наконец, планируется подготовить сборник, в котором будут представлены лучшие авторы и исполнители болгарской народной музыки и песен.

Чтобы осуществить намечаемую программу, мы стремимся установить научные связи со своими коллегами. Особенно важны такие контакты с Институтом культурного наследия АНМ, отдел болгаристики которого имеет почти двадцатилетний опыт работы в области

изучаемой проблемы. Уже приносит свои плоды творческое сотрудничество с Научным обществом болгаристов Республики Молдова, историко-этнопедагогическим факультетом Кишиневского государственного университета им И. Крянгэ. Намечаются в перспективе совместные исследования с коллегами из Украины.

Вся выдвигаемая программа намечена прежде всего с учетом финансовой поддержки со стороны Министерства образования и молодежи Республики Болгария, которая предусмотрена Соглашением между правительствами Молдовы и Болгарии в рамках помощи Тараклийскому государственному университету. Одновременно у нас есть конкретная договоренность о сотрудничестве с двумя болгарскими университетами – Великотырновским и Русенским. Наш вуз включился в крупный болгарско-молдавский комплексный исследовательский проект „Онгътъ”.

Разумеется, основная нагрузка в организации исследовательского процесса по болгаристике в университете ляжет на кафедры вуза, прежде всего филологии, истории и общественных дисциплин. Однако со временем мы намерены, как это сделано в Харьковском университете на Украине, открыть Центр болгаристики, который должен будет работать в направлении координации исследований в этой области не только в университете, но и в республике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грек И. Болгари Молдовы и Украины. Библиографический указатель литературы. Сост. И. Грек, Е. Челак, Н. Червенков, И. Шпак. Кишинев, „SSB”, 2003. 667 с.

² Изучение истории болгар Молдовы и Украины: основные этапы // Страницы истории и этнографии болгар Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С. 5-32.

³ По путям национальной духовности болгар Молдовы. Сост. И. Грек, Н. Червенков, Т. Шкирлийская. Науч. ред. И. Грек, Н. Червенков. Кишинев, „SSB”, 2005. 600 с.

⁴ Освобождение Болгарии в молдавской историографии // Бессарабия и освобождение Болгарии. Кишинев, 2004. С. 10-18; Киприянският манастир и българите// Българският език в Молдова, Комрат, 2004., №. 3-4. С. 15-16.; Церкви села Чийшия // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины. Болград, 2005 ; Создание церквей в болгарских селениях Бессарабии // Православные храмы в болгарских и гагаузских селениях юга Украины. Болград, 2005 и др.

⁵ Стоянов П. Българска народна песен. Тоналност, лад и мелодика. Велико Търново, 2005. 298 с.

⁶ Куртев Н. Селищата с българско население в Северозападния Буджак. Велико Търново, 2006. 288 с.

⁷ Кондов В. Кортенските колонии в Бесарабия в светлината на езиковата археология. Ономастическа. Език. Велико Търнова, 2005. 216 с.

⁸ Симеонов И. Европейские горизонты болгарской литературы XIX - первой половины XX века. (Сборник статей). Кишинев, 2007. 90 с.

⁹ Паслар М. Особенности на числителното име в тараклийския говор // Българите в Северното Причерноморие. Документи и изследвания. Одеса, 2007. С. 475-485

¹⁰ Българите в Северното Причерноморие. Документи и изследвания. Одеса, 2007. 500 с.

Gheorghe GONȚA
UPS „I. Creangă”

ȚĂRILE ROMÂNE ȘI MIȘCAREA DE ELIBERARE DIN BALCANI ÎN A DOUA JUMĂTATE A SEC. AL XVI-LEA

Statutul Țării Moldovei și Țării Românești după 1538 permite domnilor să organizeze și să conducă lupta antotomană. Având în mîinile lor toată puterea de stat, domnii se includ în mișcarea de eliberare, situindu-se în fruntea ei. Ca monarhi absoluci, ei duc tratative, de obicei secrete, cu statele europene privind organizarea luptei antotomane. Astfel, mișcarea de eliberare din Țara Moldovei și Țara Românească în comparație cu mișcarea de eliberare din țările balcanice, incorporate în Imperiul Otoman, nu era stihiinică, ci putea fi condusă¹.

Situația politico-juridică deosebită a Țărilor Române vasale permite domnilor și grupărilor politice boierești să-și propună sarcina consolidării autonomiei statale a țărilor și restabilirii integrității hotarelor. Aceste posibilități ale Țărilor Române au fost sesizate mai tîrziu de popoarele balcanice, care în sec. XVIII-XIX își revendică și ele dreptul la autonomie statală. Voievozii moldoveni și munteni susțin aceste tendințe și proiecte ale popoarelor balcanice pe parcursul secolelor și le prezintă azil politic. Ca rezultat, mulți feudali, preoți, călugări, negustori, țărani, orășeni din Balcani se refugiază în Moldova și Țara Românească, care devine pentru ei o adevărată Mecca. Totodată domnii Țărilor Române fac multe danii aşezămintelor bisericești ortodoxe din Bulgaria, Serbia, Thesalia, Constantinopol și, în special Muntele Atos².

După 1538 domnii Țărilor Române au inclus în înțelegerile lor cu monarhii creștini clauze secrete privind organizarea coalițiilor antotomane unde sunt incluse și popoarele din Balcani³. O etapă deosebită o constituie domnia aventurierului grec Despot Vodă, cînd se înaintează vastul plan de luptă

antiotomană, care urmărea colaborarea la realizarea lui cu Habsburgii din Germania și Spania și chiar Carol IX, regele Franței. În celebra proclamație către boierii moldoveni, din februarie 1562 Despot Vodă mai întîi dorește eliberarea țării de sub turci și reîntregirea ei în vechile hotare. În etapa a doua a planului său, cu ajutorul lor și a „prea nebîruițului împărat Ferdinand, domnul meu prea milostiv, sper- declară Despot – ca în scurt timp să redobîndesc locurile din Moldova mea pe care le stăpînește păgânul, adică malul Dunării, și – adaugă – nu numai acela ci și Țara Românească și apoi întreaga Grecie”, adică a părții europene a fostului Imperiu Bizantin⁴.

Conform istoricilor greci, a existat un plan conceput de Despot Vodă, după care Moldova și Cipru devineau bazele unei ample mișcări de eliberare, care aveau ca menire descătușarea grecilor din orice jug străin. După acest punct de vedere, Despot căuta să găsească în Moldova mijloace pentru a se asigura de o puternică forță armată, iar vărul său Iacob Diasorinos încerca să trezească prin cultură conștiința națională a grecilor din Cipru, condiția necesară pentru înlăturarea de acolo a stăpînirii venețiene. Reușita acțiunii comune ale lui Despot și Diasorinos ar fi creare unui vast stat, succesorul prăbușitului Imperiu Bizantin⁵.

În realizarea planurilor antiotomane Despot Vodă a recrutat, după modelul armatelor imperiale, cel mai mare număr de mercenari străini întilnit pînă atunci în Țara Moldovei, care pe lîngă oșteni germani, poloni, ungari, flamanzi, spanioli, italieni cuprindea și reprezentanți din spațiul balcanic. Astfel, Despot dispunea, se pare de peste 40000 de oameni, care puteau fi mobilizați în două săptămîni⁶.

Situatia politică internă și cadrul internațional au pus însă repede capăt, inițiatiivelor concrete antiotomane pornite de Despot Vodă în Moldova. În 1563 Despot este înlăturat de la domnie.

O nouă etapă în mișcarea de eliberare se realizează în timpul domniei lui Ion Vodă cel Viteaz (1572-1574). A fost ultima încercare a unui domn moldovean de a înfrunta Imperiul Otoman în chip tradițional, în afara și fără sprijinul unei coaliiții creștine. Evenimentele din aprilie-iunie 1574 s-au început cu biruința oștilor lui Ion Vodă la Jiliște, la sud-est de Focșani (24 aprilie 1574) și au finalizat cu înfrîngerea oștilor conduse de eroicul domn în regiunea lacului Cahul (10-13 iunie 1574) datorită în primul rînd trădării unei părți a boierimii⁷.

Deși lumea creștină urmărea cu neliniște înaintarea flotei otomane spre Tunis (care va cădea la 13 septembrie 1574), ecoul european al luptelor antiotomane purtate de Ion Vodă a fost foarte mare. La el se adaugă exemplu pe care acțiunile antiotomane din Moldova îl dădeau creștinilor din Rumezia, gata mereu de răscoală.

În continuarea din gîndirea politică românească nu au lipsit nici planurile de alungare a turcilor din Europa și de eliberare a Constantinopolului, prin colaborarea marilor puteri creștine și sprijinul țărilor mai mici și a popoarelor balcanice.

Dintre toți balcanicii bulgari au beneficiat cel mai mult de pe urma colaborării cu Țările Române. Emigrăția bulgară în Moldova și Țara Românească în epoca Renașterii bulgare, situată cronologic între 1762-1878 este amplu relatată în izvoare și cercetată în istoriografie. Mai puțin sunt cunoscute raporturile româno-bulgare din epoca precedentă.

Evenimentele politice și militare de la sudul și nordul Dunării din ultimul deceniu al secolului al XVI-lea completează acest gol și ne prezintă un amplu tablou de colaborare româno-bulgără.

Constituirea „Ligii Sfinte” în 1590-1592 din Imperiul Romano-German, Spania, Veneția, Toxana, Mantua, Ferara, Statul Papal la care au aderat din 1594 și Țările Române pune începutul noii etape în mișcarea de eliberare. În Moldova în fruntea lupte antiotomane se instalează din 1594 Aron Vodă, iar în Țara Românească Mihai Viteazul, care va deveni adevăratul conducător al răscoalei împotriva turcilor. În mod evident, prin răscoală antiotomană a Țărilor Române din 1594 Imperiul Otoman a pierdut o forță militară deloc neglijabilă, dobândind în schimb la flancul drept și în spatele frontului din Ungaria un inamic redutabil.

La acestea adăugindu-se importantul rol militaro-politic jucat de Mihai Viteazul în întreaga sa domnie, în legătură cu mișcarea de eliberare a popoarelor ortodoxe din Balcani. Sîrbii, grecii, albanezii, bulgarii – care inițial își legaseră speranțele de eliberare de ajutorul Papei și al împăratului habsburg și-au îndreptat privirile spre Mihai Viteazul, pe care-l vedea drept conducătorul luptei antiotomane în regiune⁸.

Victoria lui Mihai Viteazul de la Călugăreni (1595), ca și acțiunile ulterioare se răspândise ca o furtună atotdistrugătoare pe ambele maluri ale Dunării⁹. Chiar după primele izbînzi bulgarii îl cercetează pe domn prin solile lor, spunîndu-i „... că mai bine de 30000 de oameni ar sta gata în păduri aştepuindu-l”¹⁰.

E semnificativ faptul că exedițiile oștilor lui Mihai Viteazul la sud de Dunăre erau conduse adesea de căpitan de origine balcanică, judicioși cunosători ai terenului. În raportul către arhiducele Maximilian Mihai Viteazul sublinia, în iulie 1595, că la înapoiere din expediția din sudul Dunării a adus în țara sa un număr de 16000 de creștini, cărora le-a dat pămînt¹¹.

În aprilie 1596 a avut loc, din porunca lui Mihai Viteazul, o acțiune rapidă împotriva lui Hassan-Paşa, sub conducerea lui Baba Novac, devenit unul dintre cei mai viteji și fideli căpătani ai domnului. Baba Novac a trecut Dunărea și a înaintat pînă aproape de Sofia, surprinzîndu-l pe Hassan Paşa într-o treceatoare unde l-a înfrînt. A atacat apoi și cucerit Plevna și castelul Vrața. La întoarcere a purtat lupte grele cu turci¹².

În 1596-1597 izvoarele ne informează despre pregătirile de luptă ale bulgarilor cu otomanii în contextul acțiunilor militare ale „Ligii Creștine”. Conducătorul mișcării de emancipare a devenit Dionisie Rally Paleologul, mitropolit de Tîrnovo, descendent al Paleologilor după tată și al Cantacuzinilor după mamă. Intrat în legătură cu „Liga Creștină” prin raguzani, care aveau la Tîrnova o colonie puternică și mai ales prin Paolo Giorgio, agentul împăratului Rudolf al II-lea, Dionisie Rally își va pune treptat speranța în Mihai Viteazul¹³.

În martie 1597 mitropolitul Dionisie Rally se adresează către Mihai Viteazul cu o scrisoare prin care îi comunică faptul că, aşa cum s-au înțeles, creștinii din sudul Dunării sunt pregătiți, ca la momentul trecerii armatei lui să lupte împotriva turcilor¹⁴. La 30 septembrie, Erich Lassota relata împăratului Rudolf al II-lea că Mihai Vodă are înțelegere cu mitropolitul din Bulgaria „care raportează domnului că are la dispoziție 3000 de oameni” și că domnul român intenționează, cînd va îngheța Dunărea, să treacă în Bulgaria, „în speranță de a lua în stăpînire această țară pînă în munte, cu participarea locuitorilor”¹⁵.

În 1598 pregătirile pentru expediția lui Mihai Viteazul la sud de Dunăre și pentru lupta antilotomană a bulgarilor continuă. În raportul agentului împăratului german Paolo Giorgio către papa Clement al VIII-lea din 15 martie 1598 se menționează asupra fermității poporului bulgar de a lupta contra turcilor, precum și faptul că mulți bulgari au trecut cu avutul lor în Țara Românească¹⁶.

În toamnă pregătirile lui Mihai Viteazul de a trece Dunărea se apropie de sfîrșit. La 8 octombrie 1598 agentul Gyorgy Sirmay relata arhiducelui Maximilian despre victoriile repartute de ostile lui Mihai Viteazul formate din români, unguri, albanezi, bulgari și cazaci asupra otomanilor veniți în Țara Românească. De asemenea arhiducele era informat că Mihai a trecut la sudul Dunării cu 30000 ostași și cu 12000 haiduci conduși de Baba Novac¹⁷. Desfășurată în luniile septembrie-octombrie 1598, aceasta a fost cea mai puternică, îndelungată și răsunătoare acțiune a domnului muntean la sud de Dunăre ia a fost urmărită cu interes de întreaga creștinătate și larg comentată în Europa.

Campania din 1598, care a durat șase săptămîni reprezenta varianta balcano-bizantină a planurilor lui Mihai Viteazul și urmărea alungarea turcilor din Balcani cu concursul popoarelor sud-dunărene. Într-adevăr ostile domnului au fost întîmpinate cu bucurie și sprijinite în acțiunile lor împotriva turcilor de populația creștină locală, care a contribuit la succesele militare repurtate de Mihai Vodă.

Ca rezultat au fost atacate și distruse orașele Vidin, Florentinul, Rahova și altele, ostile creștine înaintând pînă la Sofia.

Acțiunea militară a lui Mihai Viteazul în sudul Dunării s-a desfășurat concomitent cu prima mare răscoală a bulgarilor, centrul căreia a fost Tîrnova, unde răsculații punind stăpînire pe oraș, l-au proclamat iar pe un pretins descendent din dinastia Şişmanizilor, cu numele de Şişman al III-lea. Răscoala bulgară, în concepția conducătorilor ei, trebuia să se extindă în toată țara și să aducă la refacerea statului bulgar independent¹⁸. În literatura istorică se relevă că insurenții bulgari, cu ajutorul lui Mihai Viteazul, au ocupat orașele Plevna și Vrața, iar peste 2000 de sate au înlăturat pe moment dominația otomană¹⁹.

Numele incursiuni ale lui Mihai Viteazul la sud de Dunăre conjugate cu prima răscoală de la Tîrnovo, au zdruncinat dominația otomană în regiune. Deși înăbușită în sine, răscoala a călit poporul bulgar, care a căpătat experiența cum să lupte, în condiții de guerilă, împotriva otomanilor.

După înăbușirea răscoalei, mulți bulgari s-au refugiat în Țara Românească. Într-o informație din Veneția de la începutul lui decembrie 1598 se menționează că Mihai Viteazul s-a întors din expediție în Țara Românească cu 60.000 de bulgari pe care i-a așezat în țara sa, unde au primit pămînt iar o parte urmău să fie pregătiți și pentru slujba ostășească²⁰.

Înălțată după realizarea primei uniri politice a Țării Românești cu Transilvania și Moldova Mihai Viteazul a continuat să nutrească planul unei mari campanii în Balcani.

Împrejurările nu i-au permis lui Mihai Viteazul să revină în sudul Dunării. Domnul a continuat însă să fie în ochii popoarelor din Balcani marea nădejde a lumii creștine spre care își îndreptau cererile de ajutor.

Obținînd azil politic în Țările Române bulgarii s-au inclus activ în viața politică din ele. Astfel, Dionisie Rally a devenit unul din sfetnicii apropiati ai lui Mihai Viteazul, iar după unirea politică a Țărilor Române a fost numit mitropolit al Țării Moldovei.

Faima faptelor lui Mihai Viteazul avea să dăinuască peste veacuri și în sînul popoarelor din Balcani, el este eroul multor balade populare bulgare și sîrbești.

Alături de figura marelui domn apar în folclorul balcanic cîțiva dintre cei mai apropiati și viteji căpitani ai lui, originari din Balcani, ca Deli Maru și Baba Novac.

Colaborarea româno-bulgară de la finele sec. al XVI-lea deși nu și-a atins scopul propus avea să întărească încrederea popoarelor de la sud și nord de Dunăre în forțele lor unite și să fie un important capital moral și politic în marile momente care au condus la eliberarea și organizarea lor în state naționale.

NOTE:

1. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя четверть XIV-XIXв.). Кишинев, 1987. Гл. VI-XIV.
2. Poporul român și lupta de eliberare a popoarelor din Balcani. București, 1986. P.8.
3. Gh. Gonță. Viața politică a Țării Moldovei în epoca domniei lui Ștefan cel Mare și a urmașilor săi. Chișinău, 2004. P. 72-190.
4. Hurmuzaki, vol. III, partea 1. P. 415-416.
5. A. Falangas. Despot vodă în vizuinea istoriografiei grecești // Raporturile moldo-grece în contextul relațiilor internaționale: Probleme și perspective. Chișinău, 2002. P. 19-20.
6. Hurmuzaki, vol II, partea 1, p. 464. C.Rezachevici. Mercenari în oștile române în Eul Mediu // Revista de istorie, 1981, nr. 1. P. 46-47.
7. D.C. Giurescu Ion Vodă cel Viteaz. Ed. A II-a. București, 1966. P. 150-172.
8. A. Pippidi Tradiția politică bizantină în țările române. București, 1986. P. 182-189.
9. A.D. Xenopol. Istoria Românilor din Dacia Traiană, vol. V. P. 150.
10. Și. Ștefănescu. Un document recent descoperit privitor la recrutarea oastei de mercenary de către Mihai Viteazul // Romanoslavica, 1962, nr. 5, P. 157-162.
11. Poporul roman și lupta de eliberare a popoarelor din Balcani. București, 1986, p. 160-161, doc.nr.26.
12. Ibidem. P. 162, doc.nr. 27, p. 165, nr.31.
13. Ibidem. P. 163-165, doc. Nr. 29-30.
14. Ibidem, P. 162-163, nr.28.
15. A. Veress. Documente privitoare la istorie Ardealului, Moldovei și Țării Românești. București, 1932, vol V. P. 99.
16. Ibidem. P. 153.
17. Hurmuzaki, vol. XII. P. 406-407.
18. B. Cvetkova. Les Bulgares et la situation politique internationale au XVII siecle // Revue bulgare d'histoire, 1987, nr. 2. P. 27.
19. V.Ghiuzelov, G.Gheorghiev, K.Kosev. Istoria na Bălgaria, Sofia, 1981. P. 116.
20. Hurmuzaki, vol. XII. P. 411- 412, 420.

Николай РУССЕВ

Высшая Антропологическая Школа

СОВМЕСТНЫЕ МОЛДАВСКО-БОЛГАРСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

Земли, прилегающие к низовьям Дуная, в настоящее время находятся в границах Болгарии, Румынии, Молдовы и Украины. При этом они составляют историческую область «Онглос», в которой началась история Дунайской Болгарии и современных болгар. Здесь, где до сих пор весомым является болгарское этническое присутствие, известно значительное количество объектов археологии, связанных с ранней историей Болгарии (Въжарова 1965; Zaharia 1967; Чеботаренко 1969; Федоров, Полевой 1973; Хынку 1974; Ваклинов 1977; Биря, Рафалович 1978). Таковы научно-исторические и эмоционально-психологические предпосылки накануне старта международного исследовательского проекта, предполагавшего изучение раннесредневековых памятников по обе стороны от Нижнего Дуная.

* * *

Археологическое изучение древностей данного круга ведется уже около полувека. Интенсивные исследования в названных странах проводятся со второй половины 50-х гг., а время обобщений пришло на 60-80-е гг. прошлого столетия. Сделан вывод, что своими особенностями эти памятники обязаны взаимодействию болгар со славянами и, возможно, другими этнокультурными группами. В Молдове и Украине наиболее употребительным для их обозначения стало наименование «балкано-дунайская культура». В Болгарии

принято говорить о «культуре Первого Болгарского царства» или «староболгарской культуре». Существуют и иные варианты наименований (см. Тельнов, Степанов, Рабинович, Руссов 2002: 105). В Румынии утвердилось понятие «культура Дриду», носителями которой объявлены «древние румыны». Эта точка зрения нашла последователей и в Молдове (Postică 1995; Tentiu 1996).

Типичными для болгарских древностей являются неукрепленные поселения, известные на территории от Балкан до Карпат, а на востоке до Днестра. Несмотря на локальные особенности, между ними больше сходного, чем различного. На правобережье Дуная в X в. резко увеличилось количество крепостей. В более северных и восточных землях они редки.

Основные находки составляет керамика двух видов. Первая группа – горшки славянского облика с врезанным орнаментом в виде ровных и волнистых горизонтальных линий, иногда с рельефными клеймами на донышках. Вторая группа – посуда болгарского (салトイцкого) типа с гладкой поверхностью желтого, серого и черного цветов. Они украшены проложенными линиями, часто образующими сетку. Со временем керамика первого вида, качество которой улучшилось, стала численно подавляющей (см. Козлов 1997: 109; 2001: 115).

В отличие от северо-восточной части Болгарии и Добруджи (см. Йотов, Атанасов 1998: 83–134 и др.) в левобережных поселениях близ дельты Дуная индивидуальных находок немного. Однако типологически это те же вещи, характеризующие ремесла, земледелие и животноводство, охоту и рыболовство (Козлов 2001: 115). Отдельные артефакты, касающиеся религиозных воззрений, позволяют говорить о смене языческого мировоззрения христианской идеологией.

Аналогичные явления отмечают и погребальные памятники. Если первоначально болгары хоронили покойников с вещами в земле, а славяне помещали кремированные остатки умерших в горшки, то затем господствующим становятся погребения без инвентаря по христианскому ритуалу. К сожалению, на территории Молдовы и Украины пока не изучен ни один могильник балкано-дунайской культуры (см. Тельнов, Степанов, Рабинович, Руссов 2002: 120–121).

К болгарским памятникам ряд ученых относит валы региона, включая «Траяновы» валы Бессарабии – «Нижний» и «Верхний». Хотя живуче мнение об их римском происхождении (см. Тельнов,

Степанов, Рабинович, Руссов 2002: 121–123), есть основания считать Нижний вал частью ранних пограничных укреплений Болгарского государства (Рашев 1982: 28–29; 2001: 58). При этом раскопки близ с. Кубей Болградского района позволили утверждать, что вал возведен до прихода в Подунавье Аспаруха (Чеботаренко, Субботин 1991: 124–145). Наконец, радиоуглеродный анализ грунта из придонной части рва у озера Катлабух с наибольшей вероятностью указывает на сооружение Нижнего вала в X в. (Фокеев, Руссов 2002: 406–412).

Даже беглый взгляд на проблематику показывает ее ключевое значение для понимания исторических и этнокультурных процессов в Нижнем Подунавье VII–XI вв. Однако задача не может быть решена без новых полевых исследований, в которых будут объединены усилия археологов разных стран.

* * *

Начало кооперации положила экспедиция 2000 г. Высшей Антропологической Школы в Болгарию, которая стала первой зарубежной археологической экспедицией в истории Молдовы. Было начато изучение городища у села Руйно (община Дулово Силистренской области), известного под наименованием Картал-кале – «Орлиная крепость» (Атанасов, Йотов, Русев 2001; 2002; 2004). Полевые исследования памятника, расположенного в 40 км от Дуная, на протяжении пяти лет проводили группы студентов-антропологов и преподавателей из Кишинева (по 10–15 человек ежегодно), которые также осуществляли и первичную обработку материалов. С болгарской стороны работами руководили Георгий Атанасов и Валерий Йотов.

Раскопки городища на высоком мысу, огибаемом извилистым каньоном – сухим руслом исчезнувшей реки Сенебир, оказались важными для реализации общего замысла исследования. С северной и южной сторон к городищу Руйно–Картал-кале подступают непрступные скалы. Обширный посад, отмеченный десятками хорошо заметных западин от углубленных в землю сооружений, находится на пологом западном склоне.

Установлено, что каменная стена из грубо обработанных известняковых камней, следуя конфигурации местности, образует фортификационное сооружение неправильной формы. У самой уязвимой западной стены на расстоянии около 40 м друг от друга построены

пять каменных башен. Одна из изученных башен в плане представляла квадрат размером ок. 6×6 м и конструктивно не соединялась со стеной. В юго-восточной части укрепления исследовалась дополнительная крепостная стена, которая, судя по кладке, возводилась на спех, вероятно, перед лицом внезапной опасности.

Раскопанные внутри и за пределами крепости сооружения, как правило, являлись жилищами прямоугольной или квадратной формы. Чаще всего это столбовой конструкции землянки площадью 9-12 кв. м, полы которых иногда обмазаны смесью глины с известковым раствором. Наземных жилищ значительно меньше, и они, очевидно, относятся к более позднему времени, так как в ряде случаев перекрывают землянки. Отапливались дома каменными или глинобитными печами, а также открытыми очагами.

В керамике Руйно преобладает местная посуда, изготовленная на медленном круге. Наиболее многочисленны горшки «славянского» типа, составляющие более 80% учтенных фрагментов керамики. Количество лощеной керамики «салтовского» типа примерно в десять раз меньше. Несколько чаще встречаются обломки импортной византийской посуды – кувшины, миски, кубки и амфоры.

Из находок предметов быта типичными являются железные ножи, точильные бруски из серо-зеленого сланца, пряслица и костяные шилья. К редким находкам относятся костяная ложка и горловина бурдюка из рога оленя. Оружие в основном представлено многочисленными наконечниками стрел. Преобладают широкие плоские формы, но также встречаются острия в виде четырехгранных стержней, предназначенные для пробивания кольчуги. Характерны находки бронзовых серег и перстней. На перстнях часто выгравированы символические изображения, например, пентаграмма. Многочисленны фрагменты импортных браслетов из синего стекла. Встречаются бронзовые крестики, круглые оловянные медальоны с крестом в центре. Довольно часты бронзовые ременные пряжки и бляшки с рельефным орнаментом. Найдены в Руйно и анонимные византийские фоллисы.

По наблюдениям, сделанным на основе образцов металлических украшений и керамики, крепость появилась в конце IX в., а была окончательно оставлена после опустошительных печенежских нашествий в 30-е гг. XI в. Последний этап истории Картал-кале отнесен существованием наземных жилищ, бытованием стеклянных брас-

летов и анонимных фоллисов. Прожоги в придонной части многих жилищ и следы сильного огня на камнях крепостных стен свидетельствуют, что здесь неоднократно бушевали уничтожавшие жизнь пожары (Атанасов, Засыпкина, Йотов, Руссов 2000).

Памятник синхронен и по многим показателям аналогичен ряду других городищ Северо-Восточной Болгарии. Вместе с тем, очевидны его особенности. Бросаются в глаза куда более мощные, чем в крепости Скала укрепления Картал-кале, равно как и единичность монетных находок (ср. Йотов, Атанасов 1998). Совершенно ясно и то, что многочисленные материалы из Руйно показательны в сравнительном отношении. Они демонстрируют родство с древностями на левобережье Дуная и дают хорошую возможность для их хронологического разделения на основе взаимовстречаемости вещей. Как эталонный памятник «Орлиная крепость» позволяет найти ключи к верному прочтению раннесредневековых древностей в сопредельных землях.

Молдавская группа принимала участие в исследовании других памятников той же эпохи. В 2001 г. в северо-восточной части Внешнего города Преслава на берегу Румской реки под руководством С. Бонева и Р. Рашева открыто существовавшее в достоличный период селище. Всего в 14 м к западу от остатков открытого тут ранее болгарского языческого храма обнаружена близкая в плане к квадрату полуzemлянка площадью более 20 кв. м, перекрытия которой опирались на вкопанные вдоль стен столбы. Расположенная в одном из углов печка-каменка оказалась вкопанной в пол жилища. Эта отличительная черта, а также керамические находки из придонной части и особенности стратиграфии позволили датировать землянку началом IX в. Первое столь раннее жилище в Преславе пролило некоторый свет на историю начального этапа заселения района будущей столицы христианской Болгарии (Бонев, Рашев, Русев 2004: 7-17).

В Плиске в 2002 г. изучалось специфическое для эпохи языческой Болгарии сооружение – проходящий под цитаделью тайный проход (руководитель Р. Рашев). Он представлял собой просторный подземный коридор высотой до 2 м и шириной около 1 м, обслуживавший каменный дворцовый комплекс. Как и в других местах, стены галерей были облицованы досками, а пол сложен из принесенных со стороны кирпичей античного времени (см. Рашев, Димитров 1999: 33). На изученном участке сходились две ветви прохода. Возможно, с

этим связан найденный здесь железный предмет – по всей видимости «канделябр», крепившийся на деревянной стене для удержания факела.

Еще один объект, в изучении которого участвовала молдавская команда в 2003 г. – некрополь в селе Могилиште недалеко от Каварны (руководитель В. Йотов). Было исследовано кладбище праболгар с языческими трупоположениями, сопровождаемыми погребальным инвентарем – чаще всего характерной серолощеной посудой. Выявлены прижизненная деформация черепов покойников, подтвердившая тезис об участии ирано-аланской компоненты в формировании древних болгар.

Таким образом, изучение археологических памятников на территории Северо-Восточной Болгарии дало большое количество данных для сопоставительного исследования. С другой стороны, в ходе работ возникло представление о необходимости разработки многолетней программы совместного исследования аналогичных памятников на левом берегу Дуная.

* * *

В результате накопленного опыта к разработке был предложен региональный научно-исследовательский проект «Онглос». Его авторы констатировали, что опираются на достижения предшественников – исследователей из Болгарии, Молдавии, Украины, России, Румынии. С болгарской стороны включиться в работу высказали намерение представители таких крупных исследовательских организаций, как Шуменский филиал Института Археологии Болгарской АН, Варненский Свободный Университет, Великотырновский Университет, Археологический музей в Варне, Исторический музей в Силистре. В Молдове готовность к участию в проекте выразили Университет Высшая Антропологическая Школа, Институт Археологии и Этнографии АНМ и вновь созданный Тараклийский Государственный Университет. Поддержку начинанию в Болгарии оказали Государственное Агентство по делам болгарской diáspory (ДАБЧ), руководство Варненской и Силистренской областей, Ассоциация «Световна България», а в Молдове – Научное общество болгаристов. Очень важным стало и то, что программу поддержали президенты Молдовы и Болгарии – Владимир Воронин и Георгий Пырванов.

Главная задача проекта виделась в системном научном исследовании территории «Онглоса» объединенными усилиями исследова-

телей разных стран. В частности, археологи видели необходимость в изучении раннесредневековых укреплений, поселений и некрополей. При этом подчеркивалось, что характер культурно-исторического развития региона остается неизученным, а многие предложенные до сих пор решения не отвечают уровню современной науки.

Местом первых совместных работ в Молдове стали памятники в окрестностях сел Этулия и Чишмекой (Гагаузия), частично исследованные в прошлые годы (Чеботаренко 1969). Было установлено, что район у вершины озера Кагул чрезвычайно насыщен поселениями балкано-дунайской культуры; порой трудно определить, где заканчивается одно и начинается другое. Некоторые признаки указывают на относительно продолжительное проживание тут носителей данной культуры: перестройка жилищ, эволюция керамического комплекса. Так, рядом с памятниками, где салтоидные элементы в керамике значительны, существуют поселения, где абсолютно преобладает посуда славянского облика. Следовательно, датировки различных комплексов теоретически могут умещаться в широкий промежуток, по крайней мере, от конца VIII до начала XI вв. Существуют трудности при соотнесении реальных объектов с ранее опубликованными о них данными. В последние десятилетия происходит интенсивное разрушение памятников в результате природных процессов и деятельности людей. Выход видится в переходе от предварительных исследований к систематическому изучению балкано-дунайской культуры на юге Молдовы.

Речь идет о создании постоянно действующей комплексной экспедиции и профильных научных групп, которые бы проводили как археологические раскопки, так и кабинетные исследования, включая компьютерную обработку данных. Необходимы регулярные научные и научно-популярные публикации, чтобы информировать широкую общественность о сделанных открытиях и социально-политической значимости исследований. Не менее важным является пополнение экспозиций музеев материалами, добываемыми в ходе исследований. В частности, речь идет и о создании коллекции для будущего музея болгар Молдовы в Тараклии.

ЛИТЕРАТУРА

Атанасов Г., Засыпкина Г.В., Йотов В., Руссов Н.Д. 2000. Исследования городища Руйно – Картал-кале (предварительные сообщения) // *Stratum plus*. № 5. С. 97-107.

- Атанасов Г., Йотов В., Русев Н. 2001. Ранносредновековна крепост до с. Руйно, общ. Дулово, Силистренска област // Археологически открития и разкопки през 1999-2000 г. XL национална археологическа конференция. София. С. 130-131.
- Атанасов Г., Йотов В., Русев Н. 2002. Разкопки на ранносредновековната крепост до с. Руйно, област Силистра // Археологически открития и разкопки през 2001 г. XLII национална археологическа конференция. София. С. 130.
- Атанасов Г., Йотов В., Русев Н. 2004. Ранносредновековна крепост до с. Руйно, община Дулово, област Силистра // Археологически открития и разкопки през 2003 г. XLIII национална археологическа конференция. София. С. 187
- Бонев С., Рашев Р., Русев Н. 2004. Селище около езически храм при Румска река в Преслав // Преслав. Т. 6. София. С. 7-23.
- Бырня П.П., Рафалович И.А. 1978. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуруечья X-XII вв. и балкано-дунайская культура // Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. № 1. С.65-75.
- Ваклинов С. 1977. Формиране на старобългарската култура VI-XI век. София.
- Въжарова Ж. 1965. Славянски и славяно-български селища в българските земи VI-XI в. София.
- Йотов В., Атанасов Г. 1998. Скала. Крепост от X-XI век до с. Кладеници, Тервелско. София.
- Козлов В.И. 1997. Славяно-богарская колонизация степного междуруечья Дуная и Днестра в раннем средневековье // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Т. 3. М. С. 99-115.
- Козлов В.И. 2001. Богатое I – поселение Первого Болгарского царства на левобережье дельты Дуная // Добруджа. Кн. 14-16. 1997-1999. С. 98-130.
- Рашев Р. 1982. Старобългарски укрепления на Долни Дунав (VII-XI в.) Варна.
- Рашев Р., Димитров Я. 1999. Плиска. 100 години археологически разкопки. Шумен.
- Тельнов Н.П., Степанов В.П., Рабинович Р.А., Русев Н.Д. 2002. «И... разошлись славяне по земле». Из истории Карпато-Днестровских земель VI-XIII вв. Кишинев.
- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
- Фокеев М.М., Русев Н.Д. 2002. Новые данные о Трояновом вале // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.). Тирасполь. С. 406-412.
- Чеботаренко Г.Ф. 1969. Материалы к археологической карте памятников VIII-X вв. южной части Прото-Днестровского междуруечья // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С. 211-229.
- Чеботаренко Г.Ф., Субботин Л.В. 1991. Исследования Трояновых валов в Днестровско-Дунайском междуруечье // Древности юго-запада СССР (I - середина II тысячелетия н.э.). Кишинев. С. 124-145.
- Хынку И.Г. 1974. Памятники балкано-дунайской культуры (X-XIV вв.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев. С. 127-150.
- Postică Gh. 1995. Civilizația veche românească din Moldova. Chișinău.
- Tentici I. 1996. Populația din Moldova centrală în secolele XI-XIII. Iași.
- Zaharia E. 1967. Săpăturile de la Dridu. București.

Nicolae CIUBOTARU
UPS „I. Creangă”

IDEALUL NAȚIONAL ÎN VIZIUNEA EMIGRANȚILOR BULGARI DIN ROMÂNIA ÎN A II-A JUMĂTATE A SECOLULUI AL XIX-LEA

Misările naționale din Balcani au cunoscut o etapă importantă în a doua jumătate a secolului al XIX-lea. Dorința de eliberare a pătruns adînc în conștiința grecilor, sărbilor, muntenegrilor, albanezilor, bulgarilor. Evoluția internațională a evenimentelor a scos în evidență anumite particularități.

In Bulgaria, dependență directă de Imperiul Otoman, stat transformat în unități teritoriale otomane condițiile au fost nefaste și orice încercare de avînt național era înăbușita cu duritate de autoritățile turcești. În aceste condiții în vecinătatea bulgarilor, în Romania a apărut o emigratie bulgăra considerabil de imensă.

În timpul domniei lui Alexandru Ioan Cuza (1859-1866) în condițiile unui regim liberal s-a luat în considerație dreptul popoarelor de a se întruni în entități naționale, iar constituirea statelor naționale era apreciată ca un fenomen istoric, obiectiv, un „semn al epocii”¹. Domnitorul Alexandru I. Cuza s-a străduit să nu compromită interesele vitale ale țării: sale printre acțiune greșită. Atitudinea binevoitoare, înlesnirile acordate luptătorilor pentru eliberare națională erau subordonate intereselor țării, integritatea teritorială, neamestec în treburile interne, autonomia internă, indeplinirea năzăuintelor supreme ale desăvârșirii unității statale și dobândirea independenței depline².

Măsurile și acțiunile în domeniul politiciei externe desfașurate în spirit de demnitate și respect în timpul domniei lui Alexandru Ioan Cuza au consolidat pozițiile statului, i-au sporit prestigiul, au întărit tradiția de ocrotire și sprijin pe care luptătorii pentru libertate din țările învecinate totdeauna le-au găsit pe pămîntul românesc. În anii 50-60 în teritoriul României se aflau zeci de mii de emigranți polonezi, sărbi, bulgari și de alte etnii din imperiile vecine: rus, otoman

și austriac. Cea mai numeroasă diasporă a fost cea bulgară. Mii de bulgari emigranți au fost adăpostiți de statul roman.

Liderii mișcării național-democratice ale bulgarilor au pus bazele programatice ale restabilirii statului național bulgar. Idealul național al bulgarilor contineau dezideratele eliberării de sub otomani, restabilirea statului național cu toate atributile sale și independența Bulgariei. Dorința bulgarilor găsește un sprijin dezinteresat în societatea românească. Liderii vieții politice din România au acordat un ajutor constant personalităților marcante bulgărești. În anul 1863 Gh. Racovschi menționa următoarele: „Bulgarii și românii de pretutindeni, cheia Orientului se află în măiniile voastre». El a subliniat că odată cu căderea Bulgariei sub dominația otomană, România a fost mereu „un refugiu liber și sigur pentru poporul bulgar, de vreme ce căminul țăranului roman a fost larg deschis bulgarului, cu o sinceritate prietenească”³.

Realizarea idealului național al bulgarilor a fost în strînsa legătură cu munca de propagare a ideilor naționale pe paginile ziarelor și revistelor. În anul 1867 cete de bulgari înarmați au trecut Dunărea în scopul de a ridica poporul bulgar la o mișcare de eliberare națională. Centrul principal al emigrației bulgare s-a aflat în București. Aici au activat Asociația de binefăcere bulgara, Societatea bulgară, Comitetul Revoluționar bulgar. Îngrijorați de amplioarea mișcării bulgarilor Poarta, Franța, Anglia, Austro-Ungaria, Rusia au învinut guvernul roman de complicitate. „Oamenii de stat ai Europei se uitau urât la România... pentru așa numitele bande bulgare ce se formau și acum ca și mai înainte pe pămîntul românesc. O nouă revoltă a organizat Comitetul Revoluționar bulgar în septembrie 1875 la Stara Zagora, înăbușita cu rapiditate de trupele de repreziune turcească. În aprilie 1876 o nouă revoltă a bulgarilor pregătită de patrioții bulgari din România a impulsionat un nou val de emigrație⁴.

Sute și mii de refugiați de sub dominația otomană au găsit adăpost, ospitalitate și o viață liberă la nord de Dunăre. Numeroși bulgari, luptători dedicati cu trup și suflet cauzei eliberării naționale au activat pe pămînturile românești. Aici au avut loc întrunirile celor care au organizat revoltele bulgarilor, de aici au pornit către pămînturile Bulgariei zeci de detașamente gata de luptă împotriva asupriorilor. Toți militanții bulgari au dat o importanță de prim rang colaborării cu România.

În revista „Zname” din 18 ianuarie 1875 Hristo Botev susține cauza românilor în lupta lor pentru independența națională: „Aspirațiile romanilor la independență și suveranitate implică și interesele țărilor balcanice, căci prin lupta României, Imperiul otoman suferă o puternică lovitură”⁵. Analizând

atitudinea guvernului roman față de mișcarea de eliberare națională bulgara N. Iorga va conchide că „dacă nu s-au oprit de multe ori acțiunile cetelor bulgare, atunci trebuie să recunoaștem că nici n-au împediat trezirea la viață a organizației naționale a poporului slav de dincolo de Dunăre”⁶.

In baza cercetărilor proprii cit și în urma analizei lucrărilor istoricilor bulgari N. Noicov, I. Burmov, P. Constantinescu - Iași ajunge la concluzia că pentru București perioada cea mai bogată în ediții bulgare este cuprinsă între 1868-1877 cînd au apărut circa 120 de titluri de cărți și 52 periodice (ziare și reviste).

Emigrația bulgară, după componența socială este reprezentată de trei mari grupări cu viziuni proprii asupra metodelor și căilor de Renaștere a națiunii bulgare.

1. Emigrantii bogati din rindurile nobilimii care sperau să capete independența cu sprințul Rusiei;

2. Membrii Comitetului central Bulgar, creat în anul 1866 de I. Casabov, sperau în crearea unui stat dualist romano-bulgar în cadrul Imperiului Otoman.

3. Gruparea micilor burgezi, țărani și intelectualilor progresiști în frunte cu Gh. Racovschi, apoi L. Caravelov și V. Levski⁸, care considerau acțiunile cetelor armate una din formele principale de eliberare națională. P. Constantinescu-lăși a delimitat principalele două direcții ale mișcării de Renaștere bulgară în România: „direcția culturală și cea politică”. Aceeași autoră afirmă că Bucureștiul a fost un centru important al emigrației și al mișcării revoluționare bulgare, iar acțiunea națională a bulgarilor s-a bucurat de sprințul populației și al oamenilor politici.

Istoricul N. Ciachir, analizînd presa timpului și rapoartele consulare din perioada anilor 1866-1868, a afirmat că activitatea cetelor bulgare „a preocupat în mod serios diplomația europeană”⁹. De asemenea a constatat o anumită interdependență, între desfașurarea evenimentelor interne politice din România și activitatea comitetelor bulgare. După cum afirmă N. Ciachir, demisia guvernului liberal în România către sfîrșitul anului 1868 a coincis cu scăderea din intensitate a mișcării de eliberare din Balcani și în particular „cu scăderea intensitatii actiunilor emigrației bulgare”¹⁰. Merită sublinierea că după 1868, o perioadă de timp mișcarea bulgara a fost limitată, apoi ea a luat din nou amploare. „Acest lucru era posibil deoarece opinia publică din România, că și autoritatele în general, simpatizau sincer și ajutau mișcării de eliberare ale popoarelor vecine”. Mai mult ca atât, N. Ciachir demonstrează că în multe cazuri activitatea cetelor înarmate bulgare era tălmăcită ca „o avangardă a armatei românești regulate în vederea declanșării independenței României”¹¹.

Istoricul D. Berindei analizînd atitudinea guvernului roman față de activitatea emigrației bulgare pe teritoriul României, afirma că cetele bulgarești sunt ajutate, ori cel puțin sunt ajutate cu bunăvoiță¹². Pe bună dreptate A. Stan ca liberal-radicalii au fost acei care „au permis bulgarilor de a se organiza și înarma pe teritoriul României»¹³.

În lucrările colective¹⁴ istoricii romani au susținut adekvat că în perioada dintre Unire și Independență „românii și bulgarii aveau în fond tendințe comune” și că poporul roman și autoritățile de stat „au încurajat și sprijinit permanent pregătirile pe teritoriile României a ceteilor de luptători bulgari”¹⁵.

Emigratia bulgara și idealul național a fost obiect de cercetare în articole și studii semnate de I. Ionescu-Nișcov și A. Savici. S-au vizat aspecte importante ale renașterii bulgare. Printr-o polemică constructivă cu istoriografia bulgara au fost scoase în evidență aspecte noi ale problemei. La justă valoare a fost apreciată poziția oficialităților și a poporului roman față de mișcarea de renaștere a bulgarilor¹⁶.

Problema emigrației bulgare în România și renașterea națională este oglindată în lucrări publicate în Republica Moldova. E. Certan formulează drept una din necesitățile analizei mișcării de eliberare națională și socială de pe poziții general urmăne¹⁷, menționând că în trecut această temă era tratată de pe poziții ideologice.

I. Grec și N. Cervencov editează lucrarea „Bulgarii din Ucraina și Moldova. Trecut și prezent”, în care au încercat să trateze legăturile coloniștilor bulgari din Basarabia cu unii lideri ai renașterii bulgare. De asemenea este evidentiată participarea coloniștilor bulgari din Basarabia la mișcarea de eliberare națională din Bulgaria. Autorii au tratat participarea emigrantilor bulgari din Basarabia la lucrările Comitetul Central Secret Bulgar și Comitetului de binefacere din București, Comitetului Central Revolutionar Bulgar și problema organizării unor filiale în Basarabia.

N. Cervencov încearcă și a reușit să restabilească tabloul legăturilor emigrației bulgare de la București cu Basarabia, în deosebi a lui Gh. Racovski, Liuben Caravelov¹⁸, P. Gramadov¹⁹, H. Botev²⁰, și alții. Aceeași cercetător a studiat sistemul de activitate al organizațiilor politice a mișcării bulgare de eliberare națională din a II jum. a anilor 50 - 60 din sec. al XIX - lea²¹.

Ne mai rămîne să constatăm că emigrația bulgară în România a promovat în condiții binevoitoare idealul națiunii bulgare de eliberare și independență. Editarea ziarelor, broșurilor la București și în alte orașe de către emigrația bulgară au adus la elaborarea Programului mișcării naționale. Formele și metodele de

luptă pentru eliberarea Bulgariei au fost diverse, de la organizații moderate de binefacere, pînă la organizații, asociații secrete și cete înarmate de bulgari.

Prin diversitatea manifestărilor naționale emigranții bulgari din România au creat premise importante în mersul poporului bulgar spre îndeplinirea dezideratelor naționale, avînd un permanent sprijin ai societății românești.

NOTE

¹ Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă. Chișinău. 1998. P. 125.

² Platon Gh. Istoria modernă a României. București, 1985. P. 199.

³ Relațiile moldo-bulgare de-a lungul viacurilor. Vol. II. P 10.

⁴ Titu Maiorescu, Istoria politică a României sub domnia lui Carol I. vol. II. P. 14.

⁵ Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă. P. 131.

⁶ Iorga N. Politica externă a regelui Carol I. București, 1991. P. 31.

⁷ Constantinescu - Iași Petru, Studii istorice romano-bulgare. București, 1956. P. 83, 121.

⁸ Aceasta apreciere aparține lui P. Constantinescu-Iași, efectuată în lucrarea „Despre romani și bulgari”, editată la București în anul 1949 (p. 56). În lucrările cu referință la mișcarea națională a bulgarilor se înscrîu și atele, ca „Roul României în epoca de regenerare a Bulgariei”, „Liberalii români și vechi revoluționari bulgari”, „Din activitatea lui Hr. Botev și a altor revoluționari la București”.

⁹ Ciachir N. România în sud-estul Europei (1848-1876). București. 1968. P. 98.

¹⁰ Ibidem. P. 108.

¹¹ Ibidem. P. 102-103.

¹² Berindei D., Cucerirea independenței României (1877-1878). București. 1967. P. 19.

¹³ Stan A. Grupări și curente politice în România între Unire și Independență(1859-1877). București. P. 344.

¹⁴ Poporul roman și lupta de eliberare a popoarelor din Balcani. București, 1986.

¹⁵ Din lupta poporului roman pentru independență (coordonator I. Scurtu). București, 1977. P. 115.

¹⁶ Pavlov L. Relațiile romano-bulgare în perioada anilor 1866-1875 în viziunea istoricilor romani // Relații moldo-bulgare... P. 117.

¹⁷ Certan E., Bulgaristica istorica din Republica Moldova // Relațiile moldo-bulgare... P. 19.

¹⁸ Cervencov N., studiază și legăturile lui I. Caravelov, președintele CCSB din București, cu membri ai mișcării de eliberare - națională bulgare din Bolgrad, care după pacea de la Paris din 1856 a fost retrocedat Principatului Moldovei

¹⁹ Dupa opinia lui N. Cervencov, P. Gramadov a avut legături cu CCSB din București, iar către anul 1867 era om de legătură dintre Drujina de binefacere din București și societatea bulgarilor din Odessa. Vezi: Nicolae Cervencov. Deiatelli bulgarscogo nationalingo - osvoboditelinogo dvijenia v Bassarabii (1856-1877) // Relațiile moldo-bulgare ... P. 109-111.

²⁰ Botev Hr., este susținut de către oamenii politici din România activind la București, în condițiile regimului constitucional a lui Carol I, iar în anii 1866-1867 locuiesc în sudul Basarabiei, retrocedat României după Congresul de pace de la Paris din 1856.

²¹ Червенков Н. Политические организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50-х – 60-е гг. XIX в. Кишинев, 1982.

Angela LISNIC
UPS „I. Creangă”

**REFLECȚII ISTORIOGRAFICE ASUPRA TERITORIULUI
DE SUD AL BASARABIEI ÎN LITERATURA DE EPOCA
(SECOLUL AL XIX -LEA)**

Actualmente republika noastră este la o răscrucie de transformări și acțiuni politice, economice, culturale. Secolul al XXI este considerat ca un secol al noilor paradigmă de cunoaștere, un secol în care științele capătă o poziție aparte în viața cotidiană. Respectiv diversitatea informațională a influențat și așa o ară a cunoașterii cum este gîndirea și identificarea sa națională. Prin acțiuni politice, discuții, studii și articole se caută a atenționa prezența problemelor legate de identitatea națională. Problemă, care prin formula și formele de manifestare demonstrează existența unor incertitudini și dileme vis-a-vis de întrebarea dată.

Subiectul prezentului articol vine să examineze un sir de reflexii istoriografice asupra ideilor, părerilor și opinioilor față de teritoriul de sud a Basarabiei în secolul al XIX-lea. Motivul, care a stat la baza abordării acestui subiect a fost determinat de un sir întreg de factori. În virtutea preocupărilor profesionale am avut ocazia în repetate rînduri să cercetezi diverse surse istorice din secolul al XIX-lea. Incitată de sursele din acest secol ca produs al unei epoci istorice foarte controversate și politicizate, care pun la dispoziție nu operele în traducere sau adaptare, dar în formula lor originală. Mai mult decît astă că analiza istoriografică a acestor produse este interesantă prin faptul, că în această epocă producția tipărită ia ampioare și crește cantitativ, față de perioadele precedente. Tot odată prezența cenzurii asupra tipăriturilor din partea statului, face ca aceste lucrări să fie examinate din mai multe unghii de vedere și din mai multe aspecte pentru a reconstrui realitatea istorică în care s-au scris aceste lucrări.

Așa dar reflexiei istoriografice în acest articol este prezentarea teritoriului din sudul Basarabiei în literatura de epocă, cea a secolui al XIX-lea. Ca surse am utilizat lucrările expuse în fondul de carte rară a Bibliotecii naționale din Republica Moldova.

Prezența trupelor ruse în această regiune în primele decenii ale secolului al XIX-lea fac prezența și unor personalități, care în virtutea poziții ocupate și a unor ordonațe de stat descriu teritoriul Basarabiei, dindu-i și o anumită caracteristică teritorilor din sudul Basarabiei. Astfel consilierul de stat și cavalerul Eudochim Zabolovskii¹ în lucrarea sa destinată pentru studiu în ciclul gimnazial și universitar din Imperiul Rus descriu regiune basarabeană, menționează că acest teritoriu este împărțit în 6 ținuturi. Aceste ținuturi fiind o parte din componentă Moldovei și ținuturi, care, după afirmația lui apartin proprietății Basarabiei, printre care și enumără așa ținuturi cum ar fi cel Bender și Akkerman și Izmail². Celor trei din urmă fiind populate de coloniști din Varșovia și alte nații printre care enumără așa etnii ca bavarezi, boemi, austrieci, polonezi, și alții. Să numai în ținutul Izmail este locuit de greci și bulgari, de moldoveni și alte neamuri³. Constatăm că, despre regiunea de sud a Basarabiei se vorbește ca o parte componentă a unui teritoriu administrativ creat din anumite circumstanțe istorice. Dar cel mai incitant este în această lucrare faptul, că informațiile date sunt prezentate pentru studiu în imperiu și teritoriul dat este tratat ca un fapt și ca un lucru înplinit.

Un loc important în istoriografia rusă a Basarabiei din deceniile II-III al secolului al XIX-lea îl ocupă A. Veltman, care s-a preocupat de studierea istoriei vechi a Basarabiei. A. Veltman ajunge să viziteze Basarabia ca ofițer al Statului Major. Ocupîndu-se de cercetarea istoriei vechi a acestei regiuni, în lucrarea sa⁴ A. Veltman recunoaște clar că nu este o lucrare perfectă și lipsită de lacune. Încercînd să redea părările privitor la marea migrație a popoarelor și la istoria veche a Basarabiei în ceea ce privește Basarabia, A. Veltman o atestă ca parte componentă a Munteniei și abia mai tîrziu „a fost alipită la Moldova de către voievodul Ștefan”. Deasemenea arată că interesul Rusiei față de această regiune a apărut în secolul al XVIII-lea, cînd Principatele Române se plasează în centrul atenției întregii Europe. Iar privind teritoriile de sud el susține ideia, că avari, bulgarii, slavii au existat în Europa din din timpuri istorice, pe care le apreciază ca participante la războaie împotriva grecilor. Ca și precedentul autor Veltman A. prezintă întrebarea care ne interesează în formule seci și oficiale și deseori informațiile avînd lacune și imperfecțiuni informaționale.

Autorul primei descrieri oficiale a Basarabiei și al primei reviste „Отечественные записки” P. Svinin a fost trimis în Basarabia cu scopul de a studia situația administrativă a provinciei. Înaltul demnității rusă în studiu său⁵ aduce la cunoștință că această provincie a fost smulsă Moldovei, că istoria ei este stîns legată de cea a Principatului și că este locuită de o populație de origine latină, care a avut același trecut ca întregul popor român. P. Svinin a scris despre începuturile culturale în Basarabia înainte de anul 1812, analizînd această problemă în cadrul trecutului cultural al întregului popor românesc. În această privință menționa: „*E cu neputință să vorbești despre Basarabia fără a aminti în linii mari de trecutul Moldovei întregi*”⁶. Iar despre bulgari el pomenește cînd descrie teritoriul de Sud al imperiului Rus și caracterizează ruinile orașului bulgar, dar o face ca o incursiune și ca o relatarea a unui călător.

Odată cu evoluția evenimentelor în rîndul autorilor preoccupați de trecut se încadrează deja persoane civile și diversi funcționari de stat, care în virtutea unor circumstanțe au vizitat aceste teritorii și și-au lăsat impresiile sale despre el. Astfel profesorul de la Odessa N. Murzachevici va face o descriere bulgarilor, că „datorită binevoinței imperiale după orașe s-au dat locuri pentru coloniștii bulgari și germani”⁷. Preocupat de copierea și publicarea gramotelor în cele 21 de articole și dări de seamă la Societatea de antichități din Odessa el va remarcă, că bulgarii, fiind modești și muncitori deja s-au acomodat pe noile pămînturi și au început a studia literatura sa și a face cercetări în știință⁸. De asemenea el mai adaugă că la coloniștii bulgari deja există o școală profesională sătească, neuitînd și să facă elogii specifice tradiției istorice ale acelei perioade. Astfel aducîndu-i osanale generalului Inzov, datorită căruia bulgarii sunt în stare să-și cunoască limba și literatura națională și mai constată că, influența limbii turce se restrîng⁹. Astfel informațiile despre populația din sudul Basarabiei sunt mai extinse și atestă atenție mai sporită, datorită duratei și creșterii numărului ei.

Dar cel mai amplu și cu detalii despre teritoriul basarabene în general și cel de sud în particular desigur că au fost descrise de A. Zasciuc Al¹⁰. Autor, care în lucrarea sa va menționa și va descrie autorii precedenți, care au fost preocupati de teritoriul Basarabiei și informațiile cărora au stat la baza multor concluzii și afirmații ale sale. În lucrarea sa Zașciuc A. va face referință la documente și la date oficiale asupra teritoriului din sudul Basarabiei, fapt cel care va face ca acest autor să fie citat de cele mai dese ori de autorii din alte perioade și teritorii. Această situație fiind condiționată în mare măsură de suportul bibliografic solid alcătuit de acest profesor. Cît privește întrebarea

legată de bulgari, A.Zașiu el în primul rînd face referințe la articolul lui Grigorovici din enciclopedia lui Pliușar¹¹, din care el și face referințe despre bulgari. Despre teritoriul de sud al Basarabiei el îl desemnează cu definiție aparte-Budacul, ca teritoriul care include „uezdurile”(tinuturile) Bender, Akkerman și o parte a Moldovei, din care a fost luat o parte conform tratatului de la Paris¹². Iar despre bulgari el afirmă că „bulgarii ca și nemții constituie societăți speciale în Basarabia, care a început să se strămute în urma persecuților turcilor, având statutul de „bejenari”¹³, care se împart în două categorii ca bulgarii „vechi” și „noi”. El menționează că la 1835 în cele 5 districte bulgărești existau deja 38 de colonii, în care locuiau 5835 de bulgari „vechi” și 3804 „noi”. Caracterizindu-i ca sărgiuncioși în muncă, ascultători și lucizi, după caracter sunt apriniși și nu suportă asupra sa nici o conducere. A.Zasciu îi mai caracterizează ca popor frumos și înalt, care se împarte în trei triburi:-„bulgarii negri”-proveniți din Macedonia și Rumezia;-„bulgarii slavi”;-„bulgari turci”. Astfel atestăm că la mijlocul secolului al XIX-lea știri despre teritoriul din sudul Basarabiei și populația, care locuia acele pământuri se extinde numeric și acesta fapt face ca și datele și referințele la ei să fie mai diverse și mai detaliate.

Cît privește A.Nakko în lucrările sale¹⁴ despre Basarabia referințele la teritoriul de sud le face într-un tablou general istoric și despre populația bulgară el relatază în contextul evenimentelor istorice și ca element component al mișcării de luptă împotriva turcilor.

De rînd cu operele cu caracter oficial despre Basarabia și subiectul examinat în prezentul articol atestă și un alt gen de lucrări cum ar fi notele de călători, printre care se numără și lucrarea lui Sumarocov¹⁵, care printre alte relatează că printre multele tîrguri armenești la Grigopol și la Dubăsari în cele 300 de case locuiesc greci, bulgari, evrei și cîțva ruși și la care nu există nici o ordine, dar totuși comerțul duce la o mișcare în oraș¹⁶.

De asemenea caracter descriptiv atestăm și la lucrarea lui Batiușcov P.N.¹⁷ care menționează că regiunea Basarabia, adică teritoriul dintre Prut și Nistru a aparținut o parte Moldovei, iar tinuturile Bolgrad și Akkerman au aparținut tatarilor din Nohai. Și lucrarea lui Mogilnițchii¹⁸ de asemenea redă întrebarea studiată în linii generale și descriptiv.

Astfel scrierile de epocă includ în sine relatările despre teritoriile de sud ale Basarabiei pe măsura în care acestea sunt tot mai mul popilate. Populația, cărora vine cu multitudinea de tradiții, probleme și mod de viață în acestă zonă austeră pentru trai. Putem constata, că literatura de epocă vizînd interesul,

față de teritoriul de sud al Basarabiei este destul de lapidară și generală, autorii, care au cercetat și au descris din punct de vedere istoric acest ținut nu au evidențiat ca subiect aparte întrebarea teritoriului de Sud al Basarabie și a populației locuitoare. Iar printre autorii preocupății de studiu Basarabiei erau persoane administrative și oficiale, fapt ce imprimă un anumit caracter oficial acestor descrieri. Odată cu derularea evenimentelor istorice referințele și relatările despre subiectul abordat se extind și capătă o tentă de anumite aprecieri, în mare parte condiționate de situațiile politice și istorice ce s-au creat. Altfel spus ca subiect de cercetare istorică teritoriul de sud al Basarabiei nu este examinat ca problemă istorică aparte, dar este prezentat în lucrări și tratate ce supun examinării populația din această regiune cînd se scrie despre bulgarii din această zonă, sau cînd se efectuează cercetări de teren pentru colectarea datelor despre aceste teritorii, pentru necesități de strategii statale.

NOTE

¹ Зябловский Е. Землеописание Российской империи царства Польского и Великого Финляндского для употребления в губернских гимназиях, имперского Санкт-Петербургского Университета. / написанного заслуженным статским советником и кавалером Евдокимом Зябловским. / С-Петербург. 1822.

² Ibidem. P.418

³ Ibidem. P.419

⁴ Вельтман А.Начертание древней истории Бессарабии с привокуплением исторических выписок и карты. Москва, 1828.

⁵ Свињин П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествия П.П.Свињина.С.-Петербург 1839; Свињин П.. Описание Бессарабской области. ЗООИД. Т. VI. Одесса 1857. Р. 175-321.

⁶ Свињин П. Картины России и быт разноплеменных ее народов из путешествия П.П.Свињина.С.-Петербург 1839. Р.189

⁷ Мурзакевич Н. Очерк успехов новоросийского края и Бессарабии в истекшие 20 лет то есть с 1820 по 1846г, составленное профессором одессы Н.Мурзакевич. С.6

⁸ Ibidem. P.36

⁹ Ibidem. P.36

¹⁰ Защук А. Материалы для географии и статистики России собранные офицерами генерального штаба. Бессарабская область. Т I-II, СПб, 1862

¹¹ Una din cel mai cunoscute și răspîndite enciclopedii din acele timpuri

¹² Защук А. Материалы для географии...P.VII

¹³ Защук А. Материалы для географии, P.169

¹⁴ А.Накко. Очерк гражданского управления в Бессарабии. Молдавии и Волахии во время русско-турецкой войны. 1906-1812. ЗООИД. Т.XI. С.269-310

¹⁵ Накко. Очерк гражданского устройства в Бессарабии с 1812-1828. Зап. Одесского общ. ист. и древн. Т. XXII Одесса, 1900. С.109.

- ¹⁶ Сумароков А. Путешествия по югу России. Б/г.
¹⁷ Сумароков А. Путешествия... Р. 234
¹⁷ Батюшков П.Н. Бессарабия. Историческое описание. С.-Петербург, 1892
¹⁸ Могилянский Н.К. Географический очерк Бессарабии. тип. бессарабской жизни. 1910.

Ion JARCUȚKII
Институт истории и права АНМ

**ГРАМОТНОСТЬ БОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
БЕССАРАБИИ И ТИРАСПОЛЬСКОГО УЕЗДА
ВО II ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ
МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

В XIX веке болгары Бессарабии и Тираспольского уезда представляли собой заметное этническое формирование в составе населения указанных территорий. В конце XIX столетия их насчитывалось, соответственно, 103225 чел. и 8801 чел., что составляло 5,3% населения Бессарабии и 3,7% жителей Тираспольского уезда¹.

Исторически болгарские переселенцы осели на юге Бессарабского края. По данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., здесь было зарегистрировано 101,9 тыс. болгар, или 98,8% всего болгарского населения Бессарабии. Больше половины болгар юга Бессарабии (55,4%) проживало в Аккерманском, 30% – в Измаильском и 14,6% – в Бендерском уездах. Их роль в формировании этнической структуры населения юга была неоднозначной. В конце XIX в. доля болгар в этническом составе населения указанных уездов составила, соответственно, 21,3%, 12,5% и 7,6%. Отметим также слабое участие болгарского населения в градообразующем процессе. Из общего количества бессарабских болгар лишь 11571 чел., или 11,3%, являлись городскими жителями. Абсолютное большинство из них (73,3%) сосредоточилось в Болграде, который выделялся среди городов Бессарабии наибольшим удельным весом болгарского населения – 68,9%².

Историческое развитие болгарского населения Бессарабии и Тираспольского уезда в XIX в. характеризовалось социально-економи-

мическими трансформациями, приведшими к определенным количественным и качественным сдвигам. Претерпели изменения социальная структура и хозяйственно-профессиональная занятость болгар. Согласно данным переписи населения 1897 г., по своему социальному положению более 87% бессарабских болгар являлись крестьянами, а 11,4% – мещанами. В сельской местности эти показатели составляли, соответственно, 97,2% и 1,6%, а в городах – 6,5% и 88,3%. Остальные социальные сословия были представлены в целом весьма незначительно: духовенство – около 0,6% (в городах – 0,9%), почтенные граждане – 0,2%, личные дворяне – 0,1% (в городах – 0,8%), купечество – 0,07% (в городах – 0,4%) и т. д.³ В социальной структуре болгарского населения Тираспольского уезда доля крестьян составляла 95,9%, мещан – 2,2%, а представленность каждой из остальных социальных категорий не превышала 0,1%⁴.

Болгарское население Бессарабии и Тираспольского уезда занималось почти всеми существовавшими тогда видами хозяйственно-профессиональной деятельности. Степень вовлечения в те или иные виды хозяйственно-профессиональной деятельности определялась во многом социально-экономическим статусом, географической и культурной средой обитания индивидуума. Нельзя сбрасывать со счетов и образовательный фактор, который играет существенную роль в определении социальной мобильности человека и участия его в том или ином виде хозяйственно-профессиональной деятельности.

Как и следовало ожидать, подавляющее большинство бессарабских болгар – (около 76,3% самостоятельного населения (глав семей, здесь и далее не учитываются члены семей) – занималось сельским хозяйством в городе этот показатель равнялся 23%, а в сельской местности – 88,3%). Сравнительно существенной была доля болгар (9,4%), работавших в промышленности, в том числе в городе – 30,9% и в сельской местности – 4,5%, затем шли поденщики, чернорабочие и прислуга – 3,5% (в городе этот показатель составлял 11,9%, а в сельской местности – 1,7%). Примерно такой же была доля лиц, занимавшихся торговлей. По всему болгарскому населению этот показатель исчислялся в 3,5%, в том числе в городе – 11,8%, а в сельской местности – 1,6%.

В то же время весьма незначительное количество лиц было занято в сферах, связанных с интеллектуальной деятельностью. По данным

переписи населения 1897 г., богослужением занимались 129 чел., учебной и воспитательной деятельностью – 99 чел., врачебной и санитарной – 39 чел., наукой, литературой и искусством – 2 чел., частной юридической практикой – 8 чел., на общественной и сословной службе состояло – 111 чел., а в административных, судебных и полицейских органах трудились 62 чел.⁵

Такое же явление наблюдалось и в отношении распределения болгарского населения Тираспольского уезда по видам хозяйственно-профессиональной деятельности. Отметим лишь, что доля самостоятельного населения, занимавшегося сельским хозяйством, составляла свыше 91%, промышленностью – 3,4%, торговлей – 0,5%. Сравнительно заметен был удельный вес поденщиков, прислуги и чернорабочих, он исчислялся в 2,2%. В интеллектуальных сферах деятельности болгарское население Тираспольского уезда было представлено единицами, которые не оказывали существенного воздействия на структуру хозяйственно-профессиональной деятельности болгар указанного уезда⁶.

Надо полагать, что отмеченные выше явления и факторы влияли на распространение грамотности среди болгарского населения Бессарабии и Тираспольского уезда в XIX в.

Вопросы развития образования болгарского населения явились предметом научных изысканий и нашли свое отражение в многочисленных трудах по истории Молдовы⁷ и бессарабских болгар, в том числе в работах И. Грека⁸, С. Новакова⁹, Е. Челак¹⁰ и других авторов, опубликованных в последнее время.

Высоко оценивая значимость таких показателей, как количество учебных заведений и численность учащихся, в изучении, освещении и оценке важнейших аспектов развития образования, а именно становление и развитие школьной сети, а также степень охвата детей школьного возраста обучением, тем не менее надо признать, что эти показатели не в состоянии раскрыть непосредственные результаты образовательного процесса, то есть грамотность и образовательный уровень населения.

Одной из задач исторической науки является выполнение эвристической функции, которая заключается в поиске, выявлении и вводе в научный оборот новой, скрытой информации источников. В этом контексте спрашивается: возможно ли реконструировать, на основе

имеющихся источников (впрочем, скромных по количеству и объему), общую картину развития грамотности болгарского населения Бессарабии и Тираспольского уезда во второй половине XIX в.? Накопленный в исторической литературе опыт дает положительный ответ.

Как известно, материалы Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. представляют собой важнейший источник конца XIX в., который содержит ценные статистические сведения о демографических, социально-экономических и культурных процессах, происходивших в предыдущие годы. Парадоксально, но факт. В силу ряда предубеждений значительная часть специалистов, высказывая некоторые обоснованные критические замечания, практически игнорировала этот источник, используя лишь обобщенные данные, относящиеся к определенному предмету исследования. Видимо, данное скептическое и прохладное отношение было обусловлено восприятием большинства исследователей материалов переписи как своеобразного статистического гида, содержащего сведения статистического характера, отражающие лишь результаты социально-экономического, демографического и культурного развития Российской империи и ее регионов в XIX столетии.

Применение математико-статистических методов исследования данных переписи населения 1897 г. открывает новые возможности для изучения и раскрытия ряда важных аспектов развития образования в XIX в., для определения параметров уровня грамотности образованности населения на определенных отрезках времени указанного столетия. Классификация населения по возрастным категориям предоставляет возможность использовать ретроспективный метод исследования, который, в свою очередь, позволяет реконструировать примерный уровень и динамику грамотности населения в определенный период времени, а также выявить вероятностную оценку. Основная задача настоящего сообщения – определение примерных параметров уровня грамотности и образованности болгарского населения во второй половине XIX в. путем реконструкции соответствующих показателей на основе данных Всероссийской переписи населения 1897 г.

Ретроспективная методика исследования грамотности населения основана на когортном анализе, то есть на анализе поколения лиц,

родившихся в один и тот же период. Некоторые варианты этого метода были использованы русскими исследователями при определении грамотности населения Чехии в первой половине XIX в.¹¹ и Российской империи в XIX в.¹² на основании материалов переписей населения, проведенных во второй половине XIX столетия.

Сущность и основные принципы применения ретроспективного метода исследования. Теоретико-методологическое обоснование применения ретроспективного метода исследования в изучении грамотности широко освещено в названных работах упомянутого русского историка Б. Миронова, внесшего существенный вклад в его развитие, особенно в части доказательства достоверности закона сохранения поколением приобретенной в детстве грамотности применительно к российским условиям XIX в., что для нас является крайне важным. Не вдаваясь в подробности, мы ограничимся лишь кратким суммированием основных положений данного закона.

Закон сохранения поколением приобретенной в детстве грамотности основывается на трех положениях:

- вымирание грамотных и неграмотных происходит в равной степени;
- грамотность приобретается, как правило, в возрасте до 20 лет;
- некоторое увеличение численности грамотных после 20-летнего возраста компенсируется утратой грамотности теми, кто приобрел ее до 20 лет.

Проведенный анализ относительно смертности в среде грамотного и неграмотного населения Российской империи XIX в. указывает на слабую связь между смертностью и грамотностью, на отсутствие существенных различий в смертности грамотных и неграмотных (смертность в среде грамотных была немногим ниже, чем у неграмотных); вместе с тем выявлена строгая зависимость смертности от материального положения и грамотности населения от материального положения¹³. На прямую связь между степенью грамотности населения и уровнем его материального положения указывают и материалы проведенных в соседней Херсонской губернии обследований, которые были воспроизведены исследователем земской школы В. Чарнолуским. В частности, отмечалось, что «самые бедные крестьянские дворы, совсем не производящие посевы,

пользуются услугами сельской школы в весьма малой степени; на это указывает ничтожный процент (10–23) дворов с грамотными. По мере увеличения размеров запашки, процент дворов с грамотными все более и более увеличивается, и в самой богатой группе крестьян, засевающих свыше 20 дес., поднимается до 40–90%. Таким образом, влияние школы коснулось весьма заметным образом только верхних, богатых слоев крестьянского мира; беднякам же достались одни лишь крохи от скромной трапезы, предлагаемой народу нашей сельской школой... Само собой разумеется, что и успешность прохождения курса одноклассной земской школы находится в полной зависимости от достатка семьи учащегося. Дитя из бедной семьи, плохо одетое, плохо обутое, часто подвергающееся простуде и другим заболеваниям, отвлекаемое от занятия нуждою родителей, затратит на прохождение курса сельской школы гораздо больше времени, чем дитя из семьи зажиточной»¹⁴.

В условиях системы школьного образования Российской империи второй половины XIX в. приобретение грамотности заканчивалось, как правило, к 15–16 годам. Бессспорно, какая-то часть населения приобретала грамотность после 20 лет за счет самостоятельного обучения и через систему школ для взрослых и внешкольного образования. В то же время бесспорен и факт утраты навыков чтения и письма прежде грамотными людьми вследствие того, что навыки в течение длительного времени не подкреплялись – явление, получившее в литературе название рецидива безграмотности. Проведенные в 1880–1890-е гг. в центральных губерниях царской России обследования показали, что уже через 3–4 года после окончания начальной сельской школы полученные знания и навыки в значительной части утрачивались. Русский исследователь Н. Корф установил, что по истечении этих лет 8,3% окончивших начальную школу разучились читать или читали машинально, не понимая прочитанного; 7,1% не могли подписаться; 15,2% забыли два первых действия арифметики¹⁵. Надо полагать, что в инонациональных районах Российской империи, в том числе в Бессарабии, уровень рецидива безграмотности населения, особенно местных уроженцев, был выше, чем в русских губерниях. На это указывают многочисленные свидетельства того времени¹⁶. Темпы утраты грамотности обусловливались достигнутым уровнем грамотности, интенсивностью культурной жизни

и потребностью в грамоте. Рецидив безграмотности проходил быстрее там, где уровень грамотности был ниже и культурная жизнь была менее развита.

Сравнение данных о грамотности одних и тех же поколений через определенный интервал времени дает возможность выявить средние темпы утраты грамотности по мере старения поколения с учетом изменения грамотности в течение жизни поколения. Опираясь на данные переписи населения 1897, 1920 и 1926 годов, Б. Миронов определил среднегодовые темпы утраты грамотности населения Европейской России¹⁷. Однако, учитывая специфические условия развития грамотности в национальных окраинах царской России, где, очевидно, темпы утраты грамотности были выше, чем в русских губерниях, мы воздержались от применения рассчитанного Б. Мироновым коэффициента рецидива безграмотности для каждого поколения. Предпринятая же нами попытка определить соответствующий показатель для Бессарабии на основе данных переписей населения 1897 и 1930 годов не увенчалась успехом по причине несовпадения критериев распределения населения по возрастным категориям. На данном этапе исследования темы при определении развития грамотности во второй половине XIX в. мы исходили из реального уровня грамотности каждой возрастной группы, зафиксированного переписью населения 1897 г. Суть применяемого метода будет изложена ниже. Здесь лишь отметим, что полученные данные имеют вероятностный характер и отражают не столько точность уровня грамотности населения в том или ином году (этот показатель является приблизительным), сколько тенденцию развития грамотности в течение определенного периода.

Перед непосредственным рассмотрением объекта исследований напрашивается еще одна ремарка. В нашей литературе процент грамотности населения определяется, как правило, по отношению ко всему населению, включая и детей дошкольного возраста. Хотя этот весьма простой метод не является наиболее оптимальным, он может быть использован в качестве показателя всеобщей грамотности населения при условии принятия уровня грамотности в 70–75%. По сведениям переписи 1897 г., в составе болгарского населения Бессарабии доля детей в возрасте до 9 лет включительно составляла 30%. В указанной возрастной категории показатель грамотности достиг 3,7%, что составило 5,9% общего числа грамотных

болгар¹⁸. Учитывая незначительность указанных величин, а также стремясь избежать влияния их на определение общего показателя уровня грамотности населения старше 9 лет, в дальнейшем мы исключаем из расчетных операций возрастную группу населения до 9 лет включительно.

Грамотность болгарского населения Бессарабии во второй половине XIX в. Итак, по данным переписи населения 1897 г. грамотность бессарабских болгар, за исключением детей дошкольного возраста, составила 25,7%, в том числе мужского населения – 42,2% и женского – 8,3%¹⁹. Уже было отмечено, что распределение населения по возрастным категориям (до 9 лет включительно, 10–19 лет, 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 лет и старше) дает возможность определить грамотность каждой возрастной группы и выявить, путем передвижки когорт, грамотность населения и тенденцию ее развития с 1847 г. (Таблицы 1–3). Сразу отметим, что в отношении этнических формирований и социальных сословий исследование более раннего времени не представляется возможным, поскольку данные о грамотности их в переписи 1897 г. объединяют всех лиц старше 60 лет в одну возрастную категорию.

Таблица 1
Грамотность мужчин болгарского населения Бессарабии по возрастным категориям в 1847–1897 г. (в %)

Возрастная группа	1897	1887	1877	1867	1857	1847
10-19	52,2	48,0	47,4	30,9	20,7	20,0
20-29	48,0	47,4	30,9	20,7	20,0	
30-39	47,4	30,9	20,7	20,0		
40-49	30,9	20,7	20,0			
50-59	20,7	20,0				
60 и более	20,0					

Подсчитано по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Вып. 3, Бессарабская губерния. СПб., 1905. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам.

Таблица 2
Грамотность женщин болгарского населения Бессарабии по возрастным категориям в 1847–1897 годах (в %)

Возрастная группа	1897	1887	1877	1867	1857	1847
10-19	13,6	9,7	5,9	3,5	2,2	0,8
20-29	9,7	5,9	3,5	2,2	0,8	
30-39	5,9	3,5	2,2	0,8		
40-49	3,5	2,2	0,8			
50-59	2,2	0,8				
60 и более	0,8					

Подсчитано по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Вып. 3, Бессарабская губерния. СПб., 1905. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам.

Таблица 3
Грамотность болгарского населения Бессарабии по возрастным категориям в 1847–1897 г. (в %)

Возрастная группа	1897	1887	1877	1867	1857	1847
10-19	33,3	28,5	27,7	18,2	11,8	10,8
20-29	28,5	27,7	18,2	11,8	10,8	
30-39	27,7	18,2	11,8	10,8		
40-49	18,2	11,8	10,8			
50-59	11,8	10,8				
60 и более	10,8					

Подсчитано по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Вып. 3, Бессарабская губерния. СПб., 1905. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам.

В таблицах 1–3 в столбце за 1897 г. приведены данные из переписи. Столбцы за последние годы заполнены на основе столбца за 1897 г. путем передвижки когорт. Например, столбец за 1887 г., исходя из закона сохранения поколением приобретенной в детстве

грамотности, заполнился следующим образом: 10–19-летняя возрастная категория в 1887 г. имела тот же уровень грамотности, что и темпы роста грамотности выросли в годы реализации буржуазных 20-летней группы в 1897 г.; 20–29-летняя возрастная группа в 1887 г. соответствует реформе 1860-х–1870-х годов. Следует отметить, что темпы роста грамотности болгарского женского населения опережали аналогичные 10–19-летнюю возрастную группу в 1877 г. и т. д. Благодаря переселению показатели мужского населения – 10,4 раза против 5,1 раза. Вследствие этого различия в уровне грамотности между ними постепенно Распределение грамотности населения по возрастным категориям за 1897 г. соответствует динамике грамотности 10–19-летней возрастной группы в 1857–1897 гг. (1847 г. охватывает все население, которое в том году было в возрасте 10 лет и более), 20–29-возрастной категории в 1867–1897 гг. и т. д. Однако распределение грамотности населения по возрастным категориям отражает лишь динамику грамотности отдельных возрастных групп согласно зафиксированному положению в 1897 г., а не всего населения старше 10 лет.

Для определения среднего по всему болгарскому населению (за исключением детей дошкольного возраста) процента грамотности производим дополнительные расчеты. Они сводятся к выявлению среднего уровня грамотности населения старше 10 лет, приходящегося на 1887, 1877, 1867, 1857 и 1847 годы: на 1887 год – населения старше 20 лет, зарегистрированного переписью 1897; на 1877 год – населения старше 30 лет, зарегистрированного переписью 1897 и т. д. Результаты проделанных расчетов показаны в таблице 4.

Таблица 4
Грамотность болгарского населения Бессарабии в 1847–1897 г. (в %)

Население	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Мужское	20,0	20,4	24,7	32,8	37,1	42,2
Женское	0,8	1,6	2,3	3,6	5,6	8,3
Всего	10,8	11,4	14,1	19,0	21,9	25,7

Судя по данным таблицы 4, грамотность болгарского населения старше 9 лет в Бессарабии характеризовалась определенными количественными сдвигами во второй половине XIX в. В 1847–1897 годах уровень грамотности мужского населения увеличился с 20,0 до 42,2% то есть на 22%, женского – соответственно, с 0,8 до 8,3% (на 7,5%), а всего населения – с 10,8% до 25,7% (на 14,9%), причем,

Значительный интерес представляет рассмотрение данных грамотности болгарского населения в разрезе уездов, что дает возможность выявить некоторые локальные особенности (Таблица 5).

Таблица 5
Грамотность болгарского населения Аккерманского, Бендерского, Измаильского и Тираспольского уездов в 1847–1897 г. (в %)

Уезд/Население	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Аккерманский						
Мужское	14,2	14,4	19,6	28,9	33,3	38,1
Женское	0,6	0,9	1,4	2,0	2,5	3,9
Всего	7,7	7,9	10,8	16,1	18,2	21,5
Бендерский						
Мужское	20,5	20,5	27,5	38,6	43,7	48,7
Женское	0,5	1,3	1,7	2,9	4,9	7,4
Всего	11,2	11,4	15,6	21,8	25,1	28,8
Измаильский						
Мужское	27,0	28,3	29,2	34,4	38,6	45,0
Женское	0,4	1,9	3,2	5,4	9,7	14,6
Всего	14,0	15,6	17,1	20,9	24,8	30,1

Тираспольский						
Мужское	32,2	36,4	39,7	47,9	55,4	62,7
Женское	1,3	1,6	2,9	8,7	13,2	22,3
Всего	17,6	20,6	23,2	30,0	35,7	43,6

Подсчитано по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905. Таблица X. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам; Вып. 47. Херсонская губерния. СПб., 1904. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам.

Помещенные в таблице 5 сведения со всей определенностью указывают на наличие между уездами ряда отличительных черт распространения грамотности в среде болгарского населения указанных уездов, которые проявились, главным образом, в неравномерности темпов роста грамотности и соотношении уровня грамотности между мужским и женским населением. Несколько неожиданным является относительно низкий уровень грамотности болгар Аккерманского уезда (в котором, напомним, проживало более 55% болгар юга Бессарабии – фактор, очевидно, влияющий отрицательно на общий уровень грамотности болгарского населения края), с одной стороны, и сравнительно высокий уровень грамотности болгар Тираспольского уезда, с другой, где в конце XIX в. был зафиксирован самый высокий показатель (43,6%). На фоне всеобщей низкой грамотности болгарского женского населения выделяется уровень грамотности болгарок Тираспольского и Измаильского уездов, в которых наблюдался сравнительно высокий темп роста грамотности женщин: в Измаильском уезде – с 0,4% в 1847 г. до 14,6% в 1897 г. (на 14,2%) и в Тираспольском – соответственно, – с 1,3% до 22,3% (на 21%). В конце XIX в. в Тираспольском уезде доля грамотных женщин по отношению к грамотным мужчинам составляла 35,6%, а в Измаильском – 32,4%, что свидетельствует о значительном количественном сдвиге (для сравнения, в 1847 г. в Тираспольском уезде этот показатель равнялся 4% а в Измаильском – 1,5%). Относительно низкий темп повышения грамотности мужского населения Измаильского уезда (с 27,0% в 1847 г. до 45,0% в 1897 г., на 18%) в определенной мере компенсировался ускоренным ростом грамотности женского

населения. Отличительной чертой развития грамотности болгарского населения Аккерманского и Бендера уездов явились, с одной стороны, сравнительно высокий темп роста грамотности мужчин, которые выделялись в конце XIX в. относительно значимым (для того времени) уровнем грамотности (соответственно, 38,1% и 48,7%) и замедленный рост грамотности среди женщин, с другой стороны, уровень грамотности последних достиг всего 3,9% в первом уезде и 7,4% – во втором.

Данные, приведенные в таблице 6, указывают на наличие существенной разницы в развитии грамотности болгарского населения старше 9 лет в сельской и городской среде. Перед тем как перейти к анализу этих данных, кратко остановимся на принципах составления таблицы. Сразу отметим, что нами не приняты во внимание данные о численности городских болгар Аккермана и Бендер, поскольку доля их в составе болгарского населения одноименных уездов составила, соответственно, 0,5 и 0,7%. Грамотность болгарского населения Аккерманского и Бендера уездов, по существу, отражала грамотность сельских болгар, проживающих на этих территориях. С познавательной точки зрения выделено болгарское городское население Кишинева (925 чел.), неофициальной «столицы» бессарабских болгар – Болграда (8478 чел.) и Измаила (936 чел.). В этом контексте отметим также, что в Измаильском уезде на долю городских болгар приходилось 17% городского населения и 33,4% болгарских жителей, зарегистрированных на этой территории²².

Таблица 6
Грамотность болгарского сельского и городского населения
Бессарабии в 1847–1897 г. (в %)

Население	1847	1857	1867	1877	1887	1897
Бессарабия						
Сельская местность						
Мужское	16,3	16,3	21,1	29,8	34,1	39,3
Женское	0,6	0,9	1,3	2,2	3,4	5,4
Всего	8,9	9,0	11,8	16,8	19,3	22,9

Городская местность						
Мужское	39,6	44,7	48,1	53,2	58,4	63,1
Женское	2,0	5,1	8,5	12,9	20,5	29,2
Всего	20,3	25,0	28,4	33,6	39,8	46,4
Измальский уезд						
Сельская местность						
Мужское	18,6	18,7	20,3	26,4	31,0	37,4
Женское	0,8	1,0	1,1	2,6	5,2	8,5
Всего	10,1	10,3	11,8	15,6	19,0	23,4
Городская местность						
Мужское	39,1	44,0	46,5	51,0	55,5	61,1
Женское	-	3,2	6,4	10,5	18,2	26,6
Всего	19,3	23,9	26,5	31,2	36,7	43,8
г. Болград						
Мужское	37,2	42,4	44,5	49,0	53,3	58,9
Женское	-	2,6	5,6	9,6	16,7	25,2
Всего	18,3	22,8	25,0	29,5	34,7	41,8
г. Измаил						
Мужское	55,3	59,2	62,7	66,7	72,4	76,5
Женское	-	8,1	12,9	18,2	29,6	37,7
Всего	28,4	34,0	38,8	43,9	51,7	58,8
г. Кишинев						
Мужское	40,4	52,2	61,1	67,3	71,9	76,8
Женское	9,8	11,6	17,9	26,8	36,8	50,2
Всего	23,9	30,6	39,3	47,1	54,9	63,4

Подсчитано по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., вып. 3, Бессарабская губерния, СПб., 1905, Таблица XV. Равномерное распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам

Из приведенных данных следует, что уровень грамотности болгарского сельского населения в целом с 1847 г. по 1897 г. вырос от 8,9 до 22,9%, или на 14%, в том числе мужчин – от 16,3 до 39,3% (на

23%) и женщин – от 0,6 до 5,4% (на 4,8%). За это же время показатели грамотности болгарского городского населения в целом увеличились с 20,3 до 46,4%, то есть на 26,1%, в том числе мужского населения – с 39,6 до 63,1% (на 23,7%) и женского – с 2,0 до 29,2% (на 27,2%). В целом, во второй половине XIX в. наблюдались более высокие темпы роста уровня грамотности у болгарского сельского населения – 2,6 раза против 2,3 раза у городских болгар, а у мужчин эти показатели составили соответственно 2,4 и 1,6 раза. Вследствие этого несколько сократились различия между уровнями грамотности болгарского сельского и городского населения: в 1847 г. грамотность деревенских болгар по отношению к грамотности городских болгар составила 43,8%, а в 1897 г. – 49,4%, а в отношении грамотности сельских мужчин к городским эти показатели увеличились с 41,2 до 62,3%. Хотя темпы роста грамотности сельских женщин (9 раз) превышали рост грамотности сельских мужчин (2,4 раза), в результате чего доля уровня грамотности деревенских женщин по отношению к уровню грамотности сельских мужчин увеличилась с 3,7 до 13,7%, эти показатели значительно уступали темпам роста грамотности городских женщин (14,6 раза). По этой причине различия в уровне грамотности между ними увеличивались: в 1847 г. по уровню грамотности деревенские женщины уступали городским женщинам в 3,3 раза, а в 1897 г. – в 5,4 раза. Существенно сократилась также доля уровня грамотности сельских женщин по отношению к уровню грамотности городских женщин – с 30% в 1847 г. до 18,5% в 1897 г. В то же время происходило сближение грамотности городских женщин и мужчин: доля уровня грамотности первых по отношению к уровню грамотности вторых повысилась в указанный период с 5,1 до 46,3%.

Хотя в рассматриваемое время темпы распространения грамотности среди деревенских болгар были несколько выше, чем у городских, городская среда сохранила свое лидирующее положение: здесь уровень грамотности болгар в 2 раза превышал уровень грамотности болгарского сельского населения. В целом, в городской среде наивысшие показатели грамотности болгарского населения зафиксированы в Кишиневе и в Измаиле, в которых в конце XIX в. три четверти мужчин старше 9 лет были грамотными, а среди женщин данный показатель составлял 38–50%. Несколько скромнее эти показатели выглядели в отношении болгар Болграда.

В заключение нельзя не затронуть, хотя и кратко, вопрос об уровне образованности болгарского населения Бессарабии в конце XIX в., что дает нам более полную и объемную картину об итогах развития образования среди болгар на изучаемой территории. Если по социальным сословиям и по всему населению распределение населения осуществлено в соответствии с уровнем полученного образования (начальное, среднее, высшее (с выделением университетского) и т.д., то по этническим формированиям оно было распределено лишь в две категории: лица с начальным образованием и лица с образованием выше начального. Хотя вследствие этого не представляется возможным качественный анализ уровней образованности представителей этнических формирований, тем не менее эти данные представляют определенный интерес.

Итак, из 19713 зарегистрированных переписью 1897 г. грамотных болгар 1157 чел. (5,9%) имели образование выше начального (среднем, в Бессарабии этот показатель составил 5,8%). Доля грамотных мужчин, получивших образование выше начального, исчислялась в 3,5%, а у женщин – в 18%. В городской среде уровень образования был намного выше, чем в сельской: из общего числа городских грамотных мужчин 11% получили образование выше начального, а в сельской местности – всего лишь 1,8%, у женщин этот показатель составил, соответственно, 36,2 и 4,8%, а у обоего пола – 19% и 2,2%. Из приведенных данных следует, что у женщин индекс образованности был более высоким, чем у мужчин. Данное явление было характерно, за небольшим исключением, почти для всех этнических формирований губернии. По уровню образованности, то есть доле лиц с образованием выше начального в общем количестве грамотных в рамках соответствующих этнических формирований, бессарабские болгары уступали русским (18,4%), полякам (14,6%), армянам (13,7%) и грекам (12,7%) и находились почти на одном уровне с молдаванами (5,8%). В контингенте лиц с образованием выше начального доля болгар составила 6,6%, уступая по этому показателю русским (51,2%), молдаванам (18,7%) и евреям (7,4%), но опережая украинцев (5,4%) и поляков (5,3%)²³.

Очевидно, применяя ретроспективный метод исследования, можно выявить эволюцию образованности (в усечном виде – в отношении национальных групп) Бессарабии и более полно и объемно – в отношении все-

го населения и его социальных сословий), что является предметом отдельного изучения.

Итак, использование математико-статистических методов при анализе данных Всероссийской переписи населения 1897 г. о грамотности дает возможность реконструировать картину эволюции грамотности на протяжении более длительного периода.

Развитие грамотности болгарского населения Бессарабии и Тираспольского уезда во второй половине XIX в. характеризовалось определенными количественными и качественными сдвигами, сравнительно существенным расширением контингента грамотных лиц. Оно свидетельствует о сохранении на протяжении всего рассматриваемого периода значительного различия между уровнями грамотности болгарского городского и сельского населения, мужчин и женщин; неравномерного развития грамотности в городе и деревне, среди мужского и женского населения. В целом, хотя тенденция сближения уровней грамотности между указанными компонентами и имела устойчивый характер, проявляясь, однако, слишком слабо, чтобы существенно и резко влиять на изменение существовавшего положения в области распространения грамотности. Указанное явление более четко проявлялось в городской среде: существовавшие здесь социально-экономические и культурные условия в большей степени благоприятно влияли на развитие грамотности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Вып. 47. Херсонская губерния. СПб., 1904. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

³ Там же. Таблица XXIV. Распределение населения по родному языку, социальным и состояниям.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 47. Херсонская губерния. Таблица XXIV. Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния, Таблица XXII. Распределение населения по группам занятых и по народностям на основании родного языка.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 47. Херсонская губерния. Таблица XXII. Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка.

⁷ IсторияInvățămîntului și gîndirii pedagogice în Moldova, Chișinău, 1991; Ciuboiu F., Contribuții la istoria Invățămîntului din Basarabia (1812–1866), Chișinău, 1961; Крачун Т., Развитие школы и педагогической мысли в Молдавии. Кишинев, 1985 и др.

⁸ Грек И. Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX в. Кишинев, 1993.

⁹ Новаков С. З. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел южной Бессарабии (1857–1918). Кишинев, 2004.

¹⁰ Челак Е. Училищно дело и культурно-просветствия живот на български преселници в Бесарабия (18561–1978). София, 1999.

¹¹ Кузьмин М. Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII–30-е годы XX в.). М., 1971.

¹² Миронов Б. М., История в цифрах. Математика в исторических исследованиях, Л., 1991; Он же. Грамотность сельского населения России в XIX – начале XX в. // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX века. Материалы советско-американских симпозиумов. М., 1991, Р.336–355.

¹³ Миронов Б.М. Грамотность сельского населения России в XIX – начале XX в. С. 338–342.

¹⁴ Чарнолуский В. Земство и народное образование. СПб., 1911. С.336-337.

¹⁵ Цит. по: Миронова Б.М. Грамотность сельского населения России в XIX – начале XX в. С. 344.

¹⁶ Popovschi N. Istoria bisericiei din Basarabia în veacul al XIX-lea sub ruși. Chișinău, 2000, Р.214. В этом отношении большой интерес представляют эмоциональные, но тонкие наблюдения землевладельца Хотинского уезда Ф. И. Немоловского. В записке, направленной в Хотинский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности, он отмечал: «Языком школьного преподавания у нас почти повсеместно является русский язык, причем некоторые языки являются нетерпимыми, даже как языки объяснительные. В школах с инородческим населением почти весь первый год обучения уходит на какое лексическое знакомство с русским языком, причем, конечно, трудно и думать о преподавании других предметов. Благодаря этому, общий объем сведений, даваемых школой, значительно понижается в количественном отношении, особенно при том коротком пребывании ученика в школе, какое у нас пока достигимо. При кратковременном курсе, многолюдности классов школа наша должна дорожить каждой минутой времени и каждым звуком учителя, если задачей ее должна быть возможно большая сумма реальных знаний и усвоения вечных законов истины и правды, а не скоропреходящих и изменчивых настроений и желаний. Школа не должна быть орудием национального обезличивания народа, потому что безличие – не достоинство... Печальными последствиями такой системы школьного обучения являются, с одной стороны, понижение количества знаний, а с другой – отсутствие любви к знанию, добытому путем тяжелого механического труда. Изгнание местных языков из школы ведет за собой такое же изгнание и недопущение

книг, напечатанных на местных языках, в школьные библиотеки. Не говоря уже о том, что чтение книг на малопонятном языке дома без помощи учителя часто затруднительно, что чтение это не может быть предметом удовольствия при необходимости напряжения внимания и вдумчивости над отдельными словами и оборотами плохо усвоенной речи, спрашивается, возможно ли при подобных условиях семейное, домашнее чтение, существующее столь благодатно действовать и на ученика и на среду, его окружающую? Что проголосует школьник своему отцу, матери, своей сестре, своему товарищу, которым даже слова молитвы Господней будут чужими и непонятными звуками? Что поэтому представляют видимые нами умилительные картины семейного чтения на выставках народных изданий, как не горькую иронию над действительностью во многих окраинах России?.. В отсутствии связи между семьей и школой, в мещанско-патетическом направлении школы, чуждающейся главнейших нужд и потребностей деревни, в затруднительности чтения и дальнейшего самообразования лежит также одна из причин абсентеизма грамотности и рецидивизма безграмотности в наших деревнях». См.: Прокопович С. Н. Местные люди о нуждах России. СПб., 1904, С.68-69.

¹⁷ Миронов Б. М. Грамотность сельского населения России в XIX – начале XX в. С. 344-347.

¹⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам.

¹⁹ Там же.

²⁰ Приведенный показатель существенно не отличается от доли девочек-учениц по отношению к мальчикам-ученикам, зарегистрированным в начале 1860-х годов, который по расчетным данным, исчислялся в 4,0-4,7%. См.: Записки Бессарабского областного статистического комитета. Том 2. Кишинев, 1867. С. 40.

²¹ Грек И.Ф. Школа в болгарских и гагаузских поселениях юга Российской империи в первой половине XIX в. С. 68-71. Однако Ив. Иванов в критическом, мрачном тоне оценивал грамотность болгарского населения. В частности он писал: «Первое, что бросается в глаза, – удивительный недостаток грамотных колонистов. Это немалочисленное население... до сих пор располагает весьма незначительным числом грамотных людей из своей среды; поэтому должность сельских писарей и учителей в колониях, за небольшим исключением, замещены лицами постороннего ведомства, не знакомыми ни с характером, ни с языком болгар, а все другие должности местных колониальных управлений, за исключением окружных старшин и их помощников, занимаются совершенно неграмотными специалистами, у которых штэмпель заменяет подпись и которые представляют лишь форму того, что должно быть на самом деле». Далее он отмечает, что отсутствие национальных кадров – учителей, незнание многими учителями местного языка – все это, а также и то, что «все бывшие в болгарских колониях учители занимали эти места не по призванию и способности, а лишь для прокормления себя, то легко объясняется и причина жалкого успеха в отношении распространения грамотности между болгарскими колонистами». См.: Иванов И.

Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии // Записки Бессарабского областного статистического комитета. Том 1. Кишинев, 1864. С. 51,52.

²² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. По сведениям переписи населения 1897 г. доля болгар, проживающих в Болграде, составила почти 83% городских болгарских жителей Измаильского уезда и около 28% всего болгарского населения уезда.

²³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 3. Бессарабская губерния. Таблица XV. Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам.

Știința de carte a populației bulgare din Basarabia și județul Tiraspol în a doua jumătate a secolului al XIX-lea: metoda retrospectivă de cercetare, Abordarea problemei

Prin utilizarea metodei retrospective de cercetare s-a întreprins tentativa de a evalua dezvoltarea științei de carte a populației bulgare din Basarabia și județul Tiraspol în secolul al XIX-lea în baza materialelor Recensământului general al populației Imperiului rus din anul 1897. Ea a oferit posibilitatea de a reconstrui parametrii și imaginea evoluției nivelului științei de carte a populației bulgare în perioada anilor 1847-1897.

Dezvoltarea științei de carte a populației bulgare din Basarabia și județul Tiraspol în a doua jumătate a secolului al XIX-lea s-a caracterizat prin anumite schimbări cantitative și calitative, prin extinderea considerabilă a contingentului științitorilor de carte. Datele privind evoluția științei de carte denotă evident menținerea, în perioada cronologică examinată, a deosebirilor esențiale între nivelele științei de carte a populației bulgare din mediul urban și a celei din mediul rural, între bărbați și femei; inegalitatea ritmurilor de creștere a științei de carte în mediul urban și cel rural, în rândurile bărbaților și femeilor. În ansamblu, tendința apropierei nivelelor științei de carte între oraș și sat, între bărbați și femei, deși avea un caracter constant, s-a manifestat destul de slab pentru a influența esențial și brusc asupra schimbării situației din sfera răspândirii științei de carte. Fenomenul în cauză mai pronunțat s-a exprimat în mediul urban, în care condițiile social-economice și culturale existente într-o măsură mai mare favorizau răspândirii științei de carte.

Нели ЧАПЛЫГИНА
Научное общество болгаристов РМ

**ОТРАЖЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ДЕСАНТА
НА ЮГЕ БЕССАРАБИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

В годы Первой мировой войны Бессарабия оказалась прифронтовым районом и в то же время сложным национальным регионом, что накладывало отпечаток на события, происходившие здесь. В 1915 году начальник Бессарабского жандармского губернского управления составил для Петербурга политический обзор по губернии о состоянии ее населения в военное время: «С самого начала войны и до последнего времени постоянно циркулирующие слухи о возможности вступления Румынии и вступлении австро-германских войск в пределы губернии сосредоточили на себе внимание всего населения, причем военные явления рассматриваются не с общей, а лишь, так сказать, с эгоистической точки зрения. Разнородный состав населения, значительное большинство которого составляют: молдаване, немцы, болгары, гагаузы (родственники туркам), не дает основания к общим выводам вообще, так как каждая национальность реагирует на все вопросы своеобразно, а в большинстве случаев пассивно, занятое лишь своими личными интересами. Кроме сего, ввиду тех же причин, имеется вопрос «национальный», отражающийся в жизни населения»¹.

Работая в Национальном архиве Молдовы, я обнаружила переписку помощника начальника жандармского управления на пограничном пункте в Измаиле и Измаильском уезде с Отдельным корпусом жандармов о высадке турецкого десанта в местечке Бурназ Аккерманского уезда 24 ноября 1914 года². Данный рапорт привлек мое внимание по ряду обстоятельств: как источник о событиях в годы Первой мировой войны, в котором помимо описания неплохой оперативной работы жан-

дармского местного управления и анализа опасности, прежде всего, расплзания слухов среди населения в военные дни, показана в то же время активность жителей южной Бессарабии (среди которых разноязыкие немцы и болгары) в поимке иностранного десанта. Интерес к документу был определен также неожиданно проявившейся связью времен, той тонкой нитью, которая соединила прошлое и настоящее, интуицию ученого и ход истории.

В 1992–1993 гг. Социологическая ассоциация Республики Болгария и Научное общество болгаристов Республики Молдова проводили социологическое изучение болгарской диаспоры Молдовы и Украины, обосновавшейся на юге России в XVIII–XIX вв. В селе Виноградовка (до 1944 г. оно называлось Чумлекией) респондентами доктора истории И. Ф. Грека были жители села Бугор А. Г., 1924 г. рождения и И. Г. Геврек, 1929 г. рождения. Рассказывая об истории родного села, они описали эпизод, очевидцами которого быть не могли, но знали о нем от односельчан более старшего возраста – во время Первой мировой войны в с. Чумлекией был пойман турецкий шпион. Жительница этого же села Митева, основываясь на рассказах своей матери, поведала, что действительно, их односельчанин Козман Петр, отправившись на свой каруце (телеге) в поле рано утром, а утро было туманным, увидел южнее села трех турок. Одного из них ему удалось задержать, а двое других ускакали. Так самобытный интерес народа к собственной истории, обусловленный естественным желанием знать свое прошлое, позволил исследователю, используя неполное множество добытых фактов, попытаться восстановить небольшой сюжет из хода сложного исторического события.

24 ноября 1914 года, южная Бессарабия. Исправник Аккерманского уезда коллежский секретарь Сечкарь получает по телефону от начальника Аккерманской почтово-телеграфной конторы сообщение о высадке турецкого десанта на пристани Бурназ Измаильского уезда, находящейся вблизи границ его ведомства. Несколькими днями раньше в означенные уезды для охраны побережья Черного моря вышла 113-я ополченская сотня, сопровождаемая приставом 2-го стана Аккерманского уезда Саранча, которая уже прошла Волонтировку и направлялась на Байрамчу, отстоящую от Бурназа – места высадки турок – на расстоянии в 40 верст. Исправник немедленно выслал навстречу означенной воинской части стражника со служеб-

ным предписанием о действиях, оповестив по телефону и через корнета Бабенко другую сотню, находившуюся в это время в Волонтировке, об опасности.

Одновременно в городе и уезде с быстротой молнии распространились тревожные слухи о том, что, якобы, турки высадились в большом количестве не только в Бурназе, но и у Большой Балабанки, расположенной всего в нескольких верстах, что турецкие отряды громят прибрежные селения Большую и Малую Балабанки и Ново-Николаевку, что, наконец, они разбили кордон, появились уже в селе Будаки и направляются в город Аккерман. Попытки исправника прояснить ситуацию на местах по телефону о пунктах высадки и о размере турецкого десанта, ни к чему не привели. Приискав частный автомобиль и взяв с собой стражника, исправник немедленно направился в означенную часть уезда. На большой скорости автомобиль пронесся через посад Шабо, села Софиенталь и Будаки, в которых исправник приказал старостам организовать вокруг сел дозоры из десятских и верховых, из обывателей, чтобы, заметив появление турецких разведчиков, принять меры к их задержанию и экстренно оповестить власти. По дороге встречались на подводах люди из Ново-Николаевки и Балабанки, которые оставили свои села, опасаясь нападения неприятеля. Собственно, удивляться было нечему, ведь всего месяц назад, 29 октября 1914 года состоялось нападение турецких миноносцев на Одессу, повлекшее за собой жертвы³. Пригласив к себе в автомобиль Аккерманского уездного Воинского начальника подполковника Гринченко, прибывшего в Будаки с командой вооруженных нижних чинов из 20 человек, исправник проследовал в вышеизванные села, где не обнаружили ни жителей, ни даже огней в окнах, ибо все в страхе бежали, хотя турки здесь не появлялись.

Для обеспечения беспрерывного сообщения со всеми уездами с целью поимки десанта, исправник обратился с просьбой к председателю Аккерманской уездной Земской Управы сделать распоряжение о том, чтобы все земские уездные телефоны, не функционировавшие обыкновенно с 22 часов вечера и до 8 часов утра, действовали на протяжении всей ночи.

В селе Большая Балабанка местные жители сообщили, что турки высадились на Бурназе вблизи села Базырьянки на пристани, которую местному приставу посада Тузлы Калиняку приказано было сжечь. В селе Акмангит крестьяне показали, что когда к турецкому

отряду, принятому было за разъезд наших казаков, близко подходившему в то время здесь полицейский стражник, желавший убедиться, кто эти всадники, то один из турок чуть не заколол его пикой. Далее десант проследовал в село Сарату. В Акмангите, Дивизии, Михайловке, Кебабче, Камчике народ был вооружен охотничими ружьями, вилами и тому подобным, несмотря на глубокую ночь был на ногах.

В это время пристав 2-го стана Саранча доложил о прибытии вахмистра 3-го наблюдательного поста пограничной стражи Кирпы, который был пленен турками и бежал от них во время отдыха отряда в районе Сарьярской балки. Он объяснил, что 24 ноября около 9 часов утра у пристани Бурназ появилось со стороны Бугаза небольшое однотрубное двухмачтовое судно под русским флагом, из него высадилось 25 турок на лошадях. Интересовались они расположением ближайших железнодорожных линий, и у одного из них был бикфордов шнур.

Уездный исправник Сечкарь, полагая, что цель неприятельского отряда – повреждение линии железной дороги Дунайской ветки, отдал приказ всем становым приставам уезда выступить вместе с урядниками и стражниками коннополицейской стражи для охраны этого участка. От Бендера до станции Злоти должен был отвечать за охрану пути первый становой пристав 1-го участка города Бендер Макрицкий; от станции Злоти до станции Лейпцигская – пристав 3-го стана Палеолог; от Лейпцигской до станции Чадыр-Лунга и далее до границ Бендерского уезда – пристав 4-го стана Яворский, а станцию Каушаны и прилегающий к ней район – временно исполняющий обязанности пристава 4-го стана околоточный надзиратель Плотников⁴. Исправник обратился к населению с просьбой оказать помощь для осуществления охраны железнодорожных путей и для противодействия неприятелю. В Политическом обзоре Бессарабской губернской жандармерии читаем: «К местным властям крестьянское население относится весьма послушно и корректно, хотя низшая администрация в лице урядников и становых приставов не пользуется доверием и авторитетом. Случаи открытого неповиновения весьма редки и вызываются обычно нетактичным поведением чиновников»⁵. На призыв полицейского чиновника откликнулось все мужское население уезда почти поголовно: верховые и пешие, вооружившись чем попало под руки – вилами, дубинами, охотничими ружьями, жители были готовы к сопротивлению. Нельзя согласиться с тем, что они отреагировали на черезвычайное происшествие «совер-

шенно пассивно», а наоборот, несмотря на тяготы войны были настроены патриотично. В Политическом обзоре о населении южных районов говорилось: «Болгары, населяющие часть Измаильского уезда и часть Бендерского и Аккерманского, владея значительной земельной собственностью, с начала войны относились к ней отрицательно, ввиду нарушения их экономической жизни, но затем, когда возникла война с Болгарией, испуганные за свое положение, усиленно подчеркивают свою лояльность путем составления приговоров и корректным исполнением требований местных властей. Немцы, колонии которых расположены главным образом в Аккерманском уезде, с самого начала войны и до настоящего времени заняли позицию угрюмого исполнения всех требований местных властей. Желая засвидетельствовать свою лояльность, в начале войны жертвовали значительные суммы на Красный Крест и предоставляли военному ведомству обозы даром»⁶. Однако события последних дней ноября 1914 г. свидетельствовали не об «угрюмом исполнении требований» и не о «подчеркивании лояльности» болгарского и немецкого населения Бессарабии, а об его активном неравнодушии к судьбе родной земли.

26 ноября от пристава 3-го стана Узунова были получены сведения об облаве на иноземный десант и о пленении турок у села Тарутино болгарскими и немецкими поселенцами.

Аккерманский уездный исправник Сечкарь провел дознание. При допросе с французского переводил начальник разъезда 93 ополченской сотни прaporщик барон Маэ, а с турецкого – поселенец села Кубея (где среди населения преобладали тюркоязычные гагаузы), Семен Семенович Алексеев.

Турецкий отряд состоял из 24 человек, среди которых два офицера – поручики Хюсsein Мехмедов и Асым Мехмедов, фельдфебель Якуб Мамед Оглы,unter-officer Экрем Махмед Опту, фельдшер Изет Костенбалу, кузнец и 18 рядовых: Исмаил Халил, Юстни Балу, Хамид Ескишар, Мустафа Гаресер, Исмаил Конеир, Али Конеир, Аюб Конеир, Абдула Каргесер, Тифели Шюкюрю, Мустафа Измет, Ариф Мустафа, Ахмет Тосия, Кадир Чангыр, Хальми Биледжик, Осман Антали, Ахмед Али Вилезик, Ибрам Вабаски, Садул Еленшер, Ахмет Демитока⁷. Все рядовые служили в 1-ом конном полку в Адрианополе и в 13 конном полку в Константинополе, за исключением фельдшера Изета Костенбалу. 17 человек из отряда находились на действительной

службе, а Исмаил Конеир, Аюб Конер, Ахмед Демитока и Али Коне при мобилизации были призваны из запаса. Все турки по вероисповеданию магометяне⁸.

Командир турецкого десанта, адъютант 13-го конного полка, стоящего в Адрианополе, – поручик Хюсейн Мехмедов, 25 лет, холост, прошел полный курс обучения в Болгарии в гимназии города Пловдива, а затем военное училище в Константинополе. 14–16 ноября 1914 г. он был вызван в Константинополь к военному министру Энвер-паше, который на аудиенции дал ему личное поручение, как отличившемуся разведке в турецко-болгарскую войну, отправиться с отрядом на болсарабское побережье Черного моря и провести там разведку, связанную с планируемым в этом месте десантом турецкой армии, возглавляемым германским майором. Предполагалось, что новый отряд будет состоять из трех турецких офицеров и сорока нижних чинов тоже из турок. Причем, упомянутый германский майор владеет русским и еврейскими языками⁹. Сам поручик Мехмедов помимо турецкого владел болгарским, отчасти французским языками. Офицеру было предоставлено право выбора нижних чинов в отряд по своему усмотрению, однако на случай его смерти или ареста ему был назначен заместитель. Командир 4-го экипажа кадрона 13-го конного полка поручик Асым Мехмедов был вызван телеграммой из Адрианополя Ханди-беем, командиром 1-й дивизии Константинополе, который и поручил ему находиться в распоряжении поручика Хюсейна Мехмедова, отправляющегося в Россию. Асым Мехмедов окончил гимназию и военное училище в Турции. Эти поручики были однофамильцами и в родстве друг с другом не состояли. В сформированном отряде только фельдфебель Якуб Мамед Оглы знал русский язык, которому научился во время пребывания в России в качестве хлебопека¹⁰. Немецкого языка в отряде не знал никто.

20 ноября, в четверг, они отправились из Константинополя Черным морем на турецком коммерческом судне «Зафер», который, очевидно, являлся бывшей яхтой. Еще в Константинополе солдаты видели крейсер «Бреслау» (на турецкий лад «Медилли»), который взял затем их судно в буксир на полпути между Константинополем и Севастополем. На крейсере было около 200 германских солдат, составлявших его экипаж. На полпути между Севастополем и болсарабским побережьем «Медилли» оставил судно и возвратился в море, взяв курс на Севастополь, а команда «Зафера» из 12 человек стала готовиться к высадке десанта¹¹.

Здесь необходимо сделать небольшую историческую справку. В 1912 году Сербия, Черногория, Болгария и Греция, при активном содействии русской дипломатии, заключили между собой Балканский союз, который буквально за две недели разбил Турцию. Австро-германский блок, опасаясь усиления роли России, предпринял попытки к развалу этого союза, воспользовавшись тем, что на царском престоле в Болгарии сидел немецкий принц Кобургской династии Фердинанд. Они подтолкнули Болгирию к выступлению против Сербии. Разразилась вторая Балканская война, когда против потерпевшей поражение Болгарии выступили Сербия, Греция, Румыния и Турция. В этих условиях сербским националистом 15 июня 1914 г. был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. В Европе началась война, втянувшая в свою орбиту 34 государства земного шара. 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России.

В период сложных европейских событий немцы весьма преуспели в подчинении своему влиянию турецкой армии, используя планы младотурок, лелеявших несбыточные мечты о восстановлении былого величия Османской империи, в первую очередь за счет России. 2 августа 1914 г. был подписан тайный союзный договор Турции с Германией. Необходимо было событие, которое бы позволило Турции почтствовать себя смело, повод для вступления в войну.

Командующим турецким флотом тогда был английский адмирал Лимпс, при содействии которого в Англии фирмой «Армстронг» по турецкому заказу строились два дредноута – «Осман» и «Решад». В начале августа 1914 года Турция уплатила последний взнос за корабли и, подняв турецкий флаг, должна была доставить их в свои воды. Английское адмиралтейство присвоило дредноуты себе¹².

Немцы ловко использовали это событие в своих интересах. В Средиземном море находились два корабля из состава германского флота – линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Преследуемые англичанами, они направились в турецкие воды, вошли в пролив Дарданеллы и вскоре прибыли в Константинополь. Турки взяли их под свою защиту и объявили о покупке этих кораблей (конечно, фиктивной) у Германии. Оба крейсера подняли турецкие флаги, а члены экипажей переоделись в турецкую военную форму. «Гебен» и «Бреслау» превратились, соответственно, в «Султан Селим Явуз» (Султан Селим Грозный) и «Медилли». Военно-морской министр Турции Джем-

маль-паша, боясь разоблачения задуманной комбинации, отстранил адмирала Лимпуса от командования флотом и на его место назначает адмирала Вильгельма Сушона, командовавшего до этого Средиземноморской дивизией германского флота. Английская военная морская миссия вынуждена была покинуть Турцию. С сентября 1914 г. ярый германофил военный министр Энвер-паша фактически передал руководство турецким генштабом немецким генералам¹³. Изменилось соотношение сил на Черном море, отличавшееся перед указанными событиями значительным превосходством российского флота. Крейсер «Гебен» по размерам, скорости хода, вооружению, бронированию, то есть по боевой мощи, соответствовал суммарной силе трех лучших российских кораблей, а 27-узловой ход «Бреслау» позволял его командиру – фрегаттен-капитану Кеттнеру – пользоваться свободой передвижения в условиях соприкосновения со всем Черноморским флотом¹⁴. Эти корабли являлись уникальным фактором на море и их присутствие в немалой степени способствовало вступлению Турции в войну на стороне Германии. 18 октября 1914 года Турция официально объявила войну России.

Бессарабия, как прифронтовой район России, оказалась территорией, привлекающей внимание ряда воюющих держав, в том числе и Турции.

Итак, 24 ноября в 10 часов утра с помощью двух шлюпок, имевшихся на «Зафере», началась высадка турецкого отряда с лошадьми, продолжавшаяся 3,5 часа. Вахмистр 3-го наблюдательного поста 33-го Одесской пограничной бригады Кирпа заметил подошедший к пристани Бурназ однотрубный корабль под русским флагом. Наблюдая за высадкой он насчитал 25 всадников, двое из которых были офицерами, причем один из них говорил по-болгарски. Нижние чины были вооружены саблями и ружьями, у шестерых имелись пики. Лошади под всадниками были низкорослыми и под полными выюками, но плохо обезжоженные, ибо на ходу сильно потели. Увидев, что турки задержали невооруженного вахмистра Кирпу, сторож пристани Крицкий и сторож соляных промыслов Чарыков попытались оврагами убежать в посад Тузлы. Чарыков Иван Якимович, 60 лет, был настигнут севшими на коней турками и вместе с крестьянским парнем Дмитрием Авксентьевичем Миряковым, 28 лет от роду, из посада Тузлы, случайно приехавшим на Бурназ, отправлен на «Зафер», взявший курс на Константинополь. Сторож Крицкий через местного при-

става в посаде Тузлы передал информацию о десанте ротмистру пограничной стражи Ильницкому, а тот, в свою очередь, – Кубейскому посту пограничной стражи, находившемуся в трех верстах от пристани. Солдаты отправили в означенное место крестьянина Маймекула с целью добить сведения о высадке неприятеля, но у него турками была отобрана лошадь, на которой был увезен с отрядом вахмистр Кирпа¹⁵.

От пристани Бурназ к посаду Тузлы в свое время русским внешнеторговым банком был проведен телефон. При доследовании турки показали, что ими был уничтожен телефонный аппарат с целью предупреждения сообщений об их высадке. Следствием затем было выяснено, что с прекращением навигации из-за войны телефон давно не был в употреблении и о его ремонте никто не заботился. Проволока телефона была подвешена на столбах на высоте всего в семь аршин и часто рвалась проезжающими возами. Сообщение о высадке турок было сделано ротмистром Ильницким по земскому телефону, который был в полной исправности.

Турецкий отряд, в конном строю с плененным вахмистром, отправился на разведку. Определенного маршрута у десанта не было, но перед ним стояла задача обследовать по возможности большую часть Бессарабии, прилегавшую к морю, чтобы определить наличие и расположение русских войск. На руках у Хусейна Мехмедова была карта Бессарабии, которую ему вручил сам Энвер-паша. Военный министр собственноручно подчеркнул на ней синим карандашем те немецкие села, которые в случае надобности помогут отряду фуражом и продуктами, относительно чего у него имелись достоверные сведения. Красным карандашом Энвер-паша окаймил немецкие села, в поддержке со стороны которых он уверен не был, но в случае крайней нужды рекомендовал обратиться к ним¹⁶. Карта эта, как выяснилось по ее изъятию, была немецкого издания и охватывала западный участок от меридiana Одессы – часть Одесского уезда, часть Бендераского уезда, а также Кининевского и Измаильского, включая линию морского берега от Одессы до Жебриян. Синим карандашом действительно были подчеркнуты села Софиенталь (Карпенки), Бенкендорф, Страстбург, Мансбург, Розенфельд, Сарат, Ольгенталь (Заборт), Александертель (Степной хутор), Фрейденфельд, Мариенфельд, Лихтенфельд, Гнаденталь (Новая Сарат), Гофнунгсфельд, Деневиц (Гамбург) и ж. д. ст. Лейпцигская. Хутор Бутук и двое Кошар (Фигоф) были обведены только красным

цветом. Подмечено исправником Сечкарем и бароном Мае, что цвета выделены немецкие колонии с иностранными названиями, а существовавшие под русскими названиями отметок карандашом не имели¹⁷.

О том, что к Энвер-паше информация поступила от немцев, свидетельствует и выбор места высадки. Утром 25 ноября в местечке Роменовка информацию о высадке десанта получил бывший член Бендера кого земства, а в данный момент призванный по мобилизации штабс-капитан Александр Николаевич Благовещенский. Сообщение его взволновало, так как имение Базырянка вблизи пристани Бурназ некогда принадлежало Беликовичам – родителям госпожи Благовещенской, было продано немцам, во главе которых стоял, будучи главным совладельцем, некто Шульц. Имение заселила немецкая колония. Местность эта очень глухая и для высадки десанта удобная. Штабс-капитан выказал предположение, что все необходимые сведения по ориентированию на местности турки получили от местных немцев¹⁸.

По ходу допроса турки подчеркивали, что обратиться в немецкие села за поддержкой их отряд не сумел, так как по причине неточности карты они сбились с дороги и попасть в вышеизложенные пункты не смогли. В первый день, встречавшие по дорогам этот разъезд местные крестьяне принимали турок за казаков, и так как к ним обращались на русском языке, то они, указывая путь на станцию Лейпцигскую, дружески здоровались за руку. Как только население было оповещено о высадке турок, группы крестьян выступили под руководством полицейских чинов для поимки этого отряда. Турки, заметив движение крестьянских групп, продолжали свой путь уже не по дорогам, а оврагами и лощинами.

В первый же день у неприятеля возникла еще одна проблема. Ссылаясь на сочувствие к отряду со стороны немцев из выделенных на карту сел, Энвер-паша дал на разведку очень мало денег, а именно: на весь десант всего десять турецких лир, что при размене на русские деньги составило 86 рублей. И эта сумма предназначалась на 9 дней и на 24 человека!¹⁹. Да и на эту сумму купить фураж для лошадей и продуктов для людей так и не удалось, лишь на рассвете 25 ноября у хутора Ново-Дельжилеры у мальчика купили на 30 копеек молока и там же, не слезая с коней, распили его.

Утром 26 ноября во время сильного тумана отряд был вынужден остановиться вблизи села Чумлекой (Виноградовка), чтобы купить

ячменя для лошадей и хлеба для людей, так как и фураж, и съестные припасы у них полностью истощились. Один из всадников, а именно унтер-офицер Экрем Махмед Опту, был послан в село и при въезде в него встретил поселянина этого болгарского села Петра Козмана. Унтер-офицер попросил у крестьянина за деньги хлеба и сыра, но тот от денег отказался и пригласил зайти в дом и подкрепиться. Турук настойчиво потребовал продать ему продуктов на 3 рубля. Петр Козман заподозрил недоброе, и турку пришлось даже замахнуться на него шашкой. Однако поселянин, обладавший большой физической силой и ловкостью, увернулся от удара, схватил лошадь за поводья и за ногу и повалил ее на землю вместе со всадником. Навалившись на турка, Петр Козман стал кричать и на его призыв о помощи подбежали односельчане Иван Узун и Василий Богдан, которые и помогли захватить неприятеля. На крик сбежалась толпа поселян числом около 50 человек, вооруженная топорами, вилами и т.п. Собравшиеся болгары решили задержать отряд, который пустился галопом подальше от села²⁰.

Власти уезда были оповещены, что неприятель направился в село Тарутино. Стражник Саввин, письмоводитель пристава 3-го стана Алексеев, знавший турецкий,десятский села Тарутино Самуил Кун и поселяне Вильгельм Краузе и Вильгельм Прабе, вооруженные ружьями, выехали навстречу туркам. Отряд был замечен между селами Тарутино и Кульмой. Один из турецких солдат попросил указать дорогу на станцию Лейпцигскую. Крестьяне же направили их в Тарутино под видом дороги на железнодорожную станцию. Когда отряд приблизился к селу, то он был окружён поселянами. Турки предположили, что против них находится воинское соединение и поэтому офицер поднял на шашке белый платок и стал им махать. Толпа поселян, предположив, что офицер дает знак к залпу, отхлынула назад, разорвавшись посередине. Турки же вообразили, что неприятель совершает маневр с целью их охвата, стали бросать на землю оружие с криками «сдаемся», после чего и были взяты в плен²¹.

При задержании Хусейн Мехмедов подчеркнул, что отсутствие корума и враждебное отношение населения заставили его двигаться по направлению к линии железной дороги, где он рассчитывал встретить какую-либо воинскую часть, чтобы ей сдаться, так как сдачу гражданскому населению считал для себя небезопасной. Особенно командир турецкого десанта выражал опасение, что в газете «Новое время» может появиться статья, компрометирующая его отряд как разбойничий или штат-

ский, тогда как, по его словам, отряд представляет чисто воинскую строевую часть. Никаких предосудительных поступков в отношении населения они себе не позволили, исключая кратковременное пленение вахмистра и увоз в Константинополь двоих человек. Таким образом, местными властями и населением южнобессарабских сел Чумлекиой, Тарутино было задержано 24 человека, из которых двое были офицерами. 25 ноября в степи между селами Теплиц и Фертампенауз один турок скрылся. При задержанных турках было найдено 25 одеял, оружие из винтовок, сабель и пик, около трех тысяч боевых патронов, четыре географические карты, на которых были отмечены линии железных дорог от Бендера до Рени и от Кишинева до Унгена, часть Румынии и Аккерманского уезда. Несколько позже, 4 декабря, в степь Сарьярской балки в семи верстах от села Дивизии местными жителями во время охоты были найдены две парусиновые палатки, патроны, турецкие монеты, шнуры с медными капсулами и резиновыми наконечниками. На следующий день здесь же обнаружили закопанные в землю 4 кожаные сумки, из которых две были пустыми, а двух других находились пироксилиновые шашки²³.

По телеграфному распоряжению генерал-квартирмейстера Шишкевича, военнопленные турки 27 ноября под конвоем нижних чинов 93-й конной сотни, расквартированной в Бендерах, были отправлены в город Одессу, где и проходило дальнейшее дознание.

Все местные жители, отличившиеся в поимке турецкого десанта были представлены к наградам.

Так выглядела одна из страниц книги жизни Бессарабской губернии трудные годы Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Молдова (Далее – НАРМ). Ф. 297. О. I. Д. 312.

² Там же. Дл 268.

³ Подробнее см.: Новиков Н. В. Операция флота против берега на Черном море в 1914 – 1917 годах. // Гангут. СПб., 1996. Вып. 10. С. 118–123.

⁴ НАРМ. Ф. 297. О. I. Д. 268. Л. 120.

⁵ Там же. Д. 312.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 268. Л. 47.

⁸ Там же. Л. 60.

⁹ Там же. Л. 48-49.

¹⁰ Там же. Л. 55.

¹¹ Там же. Ф. 297. О. I. Д. 268. Л. 48.

¹² Оруджев М. Г. Борьба империалистических держав за привлечение Турции в Первую мировую войну. Баку, 1975. С. 116.

¹³ Там же. С. 118-119.

¹⁴ Грибовский В. Ю. Черноморский флот в боях с „Гебеном” (1914 – 1915) // Гангут. СПб., 1996. Вып. 10. С. 22.

¹⁵ НАРМ. Ф. 297. О. I. Д. 268. Л. 55-56.

¹⁶ Там же. Л. 49 об.

¹⁷ Там же. Л. 46, 49, 77 об.

¹⁸ Там же. Л. 19.

¹⁹ Там же. Л. 49.

²⁰ Там же. Л. 77.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 50, 55, 78.

²³ Там же. Л. 56.

Надежда КАРА

Институт культурного наследия АНМ

БОЛГАРСКИЙ ЯЗЫК В МОЛДОВЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Как известно, в Молдове проживает около 90 тысяч лиц болгарской национальности (в сельских районах – ок. 74 тыс., а в городах – ок. 16 тыс. человек). Главные места расселения – Тараклийский, Чадыр-Лунгский, Басарабийский, Комратский и частично Вулканештский районы Молдовы. В Припрутских районах также имеются небольшие ареальные группы болгар (в Кагульском – пять сел, в Кантемирском – шесть, в Леовском – восемь). Кроме того, ареальные гнезда из болгарских сел расположены в Чимишлийском (три села), Кайнарском (пять сел) и Слободзийском (одно село) районах» [1].

Язык болгар Молдовы (как и Украины) стал объектом изучения для русских и болгарских лингвистов еще в 40-50-е годы XX века. Результатом целого ряда исследований стало издание «Атласа болгарских говоров в СССР» [2].

Вторая волна интереса к болгарским говорам Молдовы и Украины и их активное изучение относится к началу 90-х годов XX века. Объектом изучения становятся говоры, уже находящиеся на территории двух различных государств, после обретения независимости бывшими республиками Советского Союза.

С 1993 года в печати появляются научные сообщения, связанные с дальнейшими исследованиями говоров болгар Молдовы.

В сборнике «Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине» (Кишинев, 1993) опубликованы две работы, посвященные изучению фонетических особенностей диалектной речи болгар Молдовы.

Н. Тодоров, автор работы «Опыт фонетической модели синхронного описания болгарской диалектной речи» [3], считает, что «неправомерна приверженность большинства авторов традиционной схеме описания говоров, в которой гораздо больше внимания уделяется диахроническому аспекту, истории диалекта и языка, нежели современному их состоянию и процессам, происходящим в них сегодня...» [4].

Н. Тодоров глубоко анализирует принятые в современной науке теоретические принципы построения модели синхронного фонетического описания живой диалектной речи [5]. Пересматриваются важнейшие ключевые понятия фонетики и фонологии – фонетическая позиция, фонетический закон, автор подчеркивает, что «модель синхронного фонетического описания языка или говора (языковой системы) включает в себя три основных компонента: 1) описание системы звуков и фонем; 2) описание фонетических позиций, в которых действуют фонетические законы, и результаты действий этих законов; 3) описание фонетических позиций, в которых под влиянием фонетических тенденций наблюдаются те или иные фонетические явления» [6].

В качестве иллюстрации к практическому применению собственных теоретических разработок Н. Тодоров предлагает модель синхронного фонетического описания звукового облика с. Валя-Пержей Чадыр-Лунгского (ныне Тарклийского) района Молдовы. На основе обширного материала, подвергшегося фонетическому анализу, автор формулирует фонетические законы говора и констатирует степень распространенности действия перечисленных фонетических законов по говорам и славянским языкам [7]. Прослеживаются также морфологические особенности рассматриваемого говора, обусловленные действием фонетических законов и явлений. Таким образом, благодаря работе Н. Тодорова, мы получили оригинальное и, можно сказать, исчерпывающее описание фонетической системы одного из современных болгарских говоров Молдовы. Исследователями может быть использована данная модель фонетического анализа для описания при исследовании других говоров.

В упомянутом сборнике опубликована еще одна работа, посвященная фонетическим особенностям другого болгарского говора. Это работа В. Кондова «Фонемен състав и дистрибуция на звуковете в бесарабския говор на с. Кортен» [8]. В результате подробного описания и анализа фонетических особенностей говора с. Кортен автор приходит к выводу, что некоторые фонетические явления данного говора обна-

руживаются в с. Кортен в Республике Болгария, откуда более полтора веков назад отделился исследуемый говор.

Васил Кондов – один из немногих лингвистов-болгаристов, кто последовательно работает над описанием конкретного говора.

Автор описывает свои наблюдения, касающиеся иноязычного (русского, украинского и молдавского) влияния на произносительные особенности бесарабских болгарских говоров, в статье «Към въпроса за чуждоезиковото влияние върху българските говори в Бесарабия» [9].

В результате многолетнего труда в 2003 году автор издает учебное пособие по болгарской фонетике для болгар в Молдове и Украине – «Помагало по българска фонетика за българите в Молдова и Украйна» [10]. По сути, это пособие является небольшой монографией, в которой последовательно проводится сравнение между фонетической системой современного болгарского литературного языка и отдельными явлениями фонетической системы бесарабских болгарских говоров.

В сборнике «Българският език в Молдова», № 2, изданном Комратским государственным университетом, В. Кондов публикует статью «Към въпроса за акавизма в езика на българите от Бесарабия» [11], где рассматривает влияние русского языка на некоторые болгарские произносительные особенности, в частности, влияние так называемого русского «аканья» на болгарскую диалектную речь в Молдове. Этой же проблеме посвящена статья В. Кондова, опубликованная в сборнике «Българите в Северното Причерноморие», т. 8. [12]. Автор делает попытку теоретического осмысления данного явления, известного как русская произносительная особенность, в болгарской речи как системой, внутриязыковой, а не только ассимилятивной особенности.

В упомянутом сборнике «Българите в Северното Причерноморие», т. 8, опубликованы материалы для исследования болгарских говоров Молдовы, представляющие собой запись текстов, собранных во время социолингвистической экспедиции летом 1997 года. Звуковая запись бесед с информантами разных возрастных, гендерных и социальных групп проводилась в г. Тараклия и селах Парканы и Кортен. Тексты в сборнике представлены в фонетической записи.

Транскрибирование и краткий лингвистический комментарий к материалам даны лингвистом Н. Кара. Представленные записи вводят в научный оборот новый фактический материал, который расширяет представление о современном состоянии болгарского языка в Молдове [13].

В 1996 году, во время своего пребывания в Молдове, болгарский исследователь – филолог, публицист, преподаватель Нено Неделчев проявляет внимание к языку болгар – жителей города Тараклия. В своей книге «Българистика и публицистика» собиратель и исследователь предлагает нашему вниманию ряд статей об особенностях тараклийского говора: «Предварителни наблюдения върху историята, характера на диалекта, езиковата ситуация и статуса на българския език в гр. Тараклия, Р. Молдова», «Текстове. (Образци на говора на гр. Тараклия, Република Молдова)», «Лични и фамилни имена на бесарабски българи в гр. Тараклия, Република Молдова».

Представленные выше работы касаются описания звуковой стороны болгарских говоров Молдовы, отчасти содержат элементы и социолингвистических наблюдений.

За период с 1993 года, когда появились первые публикации о болгарском языке в Молдове, были опубликованы исследования, затрагивающие и другие уровни языковой системы рассматриваемых говоров. Большой частью это работы, касающиеся лексических особенностей отдельных говоров, статьи по антропонимии, ономастике. К сожалению, нет работ (или они единичны в Молдове) по грамматической системе диалектного языка.

Но внимание исследователей направлено и на социолингвистические, а не только на системно-языковые особенности болгарских диалектов в Молдове и в Украине.

Известный украинский ученый-лингвист Иван Стоянов в статье «Езикът на българите в Украйна и Молдова в социологичен аспект» пишет: «В условията на извършващи се промени след десетилетия на забрана българският език като роден започна да се преподава в Украйна и Молдова. Очакваният резултат от това благородно дело е разширяване на неговите функции, евентуалното прилагане на книжовния вариант сред българската диаспора, декларирано със специални закони. По такъв начин се създават условия за подобряване на езиковата компетенция на индивида и стабилността на езика като система» [14].

В том же томе сборника «Българите в Северното Причерноморие» опубликована статья болгарского исследователя Любы Стоичковой – «Към въпроса за различията между диалектна и книжовна лексика (върху материал от диалектите на бесарабските българи)». Автор проводит семантический анализ лексических единиц, обозначающих предметы

бытовой сферы. При сравнении соответствующих слов в болгарском литературном языке и в бесарабском диалекте обнаруживаются различные виды семантических несоответствий. Стремление вскрыть причины этих несоответствий, закономерность их появления и определенную систему – в центре внимания исследователя. Автор считает, что «различията между лексиката на названията на предмети от бита в книжовния български език и диалектите на бесарабските българи са от количествен, а не качествен характер и са обусловени от сложната връзка на тези диалекти с културно-историческите, обществените и социалните условия, при които живеят техните носители» [15].

Любка Стоичкова продолжает работу по исследованию особенностей бытовой лексики в бесарабских говорах. В статье «Към въпроса за номинативните диалектизми в лексиката на бесарабските българи» автор касается малоизученного лексического явления – «номинативных диалектизмов». Наблюдения над определенной тематической группой бытовой лексики говоров приводят автора к выводу: «Така организиран фактическият материал е още едно доказателство в полза на твърдението, че българските колонисти в Бесарабия не са случайно обединена масса от емигранти, частичният преглед на регионализмите, лексико-семантични групи и дублетните синоними... като подход разкрива... още един интересен социолингвистичен факт: социалните фактори... не заличават лексикалните различия между етническите българи, които живеят извън пределите на Родината» [16].

Несомненный интерес представляют работы, связанные с изучением имен собственных у бесарабских болгар – работы в области ономастики – антропонимии и топонимии.

Исследователь-лингвист Васил Кондов издает книгу – итог многолетнего труда – «Кортенските колонии в Бесарабия. Ономастика. Език». В книге автор остается верен избранному объекту исследования – языку болгар с. Кортен, а теперь уже – и ряда дочерних сел: Антоновка, Димитровка, Новый Кортен, Стояновка, Чобалакчия, Тотована, Викторовка. Автор приводит материал по антропонимии и топонимии и этих сел. В книге даны образцы текстов на местном говоре в фонетической записи, дан лингвистический комментарий ко всем языковым уровням говора. Несомненно, огромную ценность представляет словарь кортенского говора в Бесарабии, занимающий более 120-ти страниц [17].

В 2006 году было издано еще одно исследование по ономастике бессарабских болгар. Это книга Николы Куртева «Селищата с българско население в Северозападния Буджак. Ономастика. Етнонимия. Групонимия». Сам автор предваряет текст исследования следующим пояснением: «Целта на ономастичното описание е да обхва-не без изключение ономастичните системи на всички български селища и селища с българи в района на Южна Молдова (Северния Буджак). Описанието се извършва по всички типове ономастични единици... това е първият труд за ономастиката на бессарабските българи, представена в такъв обем» [18].

Следуя за автором, отметим, что в исследовании обработано около 10 000 единиц, которые представлены в алфавитном порядке, сопровождаются пометами о географическом распространении, этимологическим комментариям.

Эти издания – книга В. Кондова и книга Н. Куртева – значительный вклад в болгаристику не только Молдовы, но и вклад в науку, занимающуюся болгарским языковым континуумом как таковым.

В нашей республике, как и в Украине, болгарский язык функционирует не только в архаичной диалектной форме. Скорее, сегодня это язык, в основе которого, конечно, лежат традиционные диалекты. Но болгарский язык Молдовы – это и язык литературы, представленный в творчестве поэтов, писателей и журналистов. Приближенный к современному литературному болгарскому языку – языку метрополии – по форме, он по своей внутренней – семантической, коннотативной и дискурсивной – наполненности остается языком болгар именно Молдовы (Украины), отражая особое мировосприятие, особую ментальность болгарина вне Болгарии. Несомненно, этот язык ждет своих исследователей.

Упомянем одну работу, посвященную указанной области исследования. Это статья Цветаны Георгиевой «Идентификация на «родното» («родината») в поэзии на бессарабских българи». В статье автор обращается к поэзии таких авторов, как Петр Бурлак-Волканов, Нико Стоянов, Димитр Пейчев, Тодор Стоянов, Таня Танасова-Тодорова, Георгий Барбаров. Но, к сожалению, статья носит скорее эссеистический характер, чем характер строгого исследования [19].

Большой интерес представляет подход, отраженный в работах талантливого лингвиста Т.В. Зайковской. В серии научных статей, опубликованных в представительных изданиях, автор последовательно разраба-

тывает проблемы когнитивных и этнолингво-культурологических особенностей языка болгар Молдовы [20-25].

В работах исследователя отражен и сравнительно-типологический подход, учитывающий нераздельность явлений «язык – этнос – культура», что важно «в определении ряда черт национально-культурного своеобразия некоторых наиболее существенных элементов языковой картины мира русских, молдаван и болгар (наименование понятий, связанных с пространством и временем, перцептуальными характеристиками, цветообозначениями, названиями растений и т. п.)» [26].

Т. В. Зайковская, исследуя болгарский язык Молдовы как код этно-культурных особенностей народа, на нем говорящего, касается и проблемы различия в мировосприятии этносов, живущих в одном государстве. Особым становится, по мнению автора, «значение поиска правильных подходов к решению проблемы понимания Другого в полиэтническом обществе...» [24].

На основании всего вышеизложенного можно подвести итог. Язык болгар Молдовы – необъятное поле для работы специалистов-исследователей. Намечен только подход в области системного многоуровневого описания этого языка. Описаны фонетические и лексические особенности только нескольких, как мы видели, населенных пунктов. Но практически не затронуты такие подходы в исследовании болгарского языка в Молдове, как лексико-семантический, социолингвистический, этнолингвистический, этнопсихолингвистический, лингвокультурологический, сопоставительно-типологический и другие. Не говоря уже о том, что нет полного описания языковой системы как таковой на всех ее уровнях. Язык ждет своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине. Кишинев, 1993. С. 3,4.
2. Атлас болгарских говоров в СССР
3. Тодоров Н. Опыт фонетической модели синхронного описания болгарской диалектной речи // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине. Кишинев, 1993. С. 27 – 68.
4. Там же. С. 27.
5. Там же. С. 25-40.
6. Там же. С. 41.

7. Там же. С. 51.
8. Кондов В. Фонемен състав и дистрибуция на звуковете в бесарабския говор на с. Кортен // Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине... С. 68-83.
9. Кондов В. Към въпроса за чуждоезиковото влияние върху българските говори в Бесарабия // Българите в Северното Причерноморие. Т. 4. В. Търново, 1995. С. 409-414.
10. Кондов В. Помагало по българска фонетика за българите в Молдова и Украина. Велико Търново, 2003.
11. Кондов В. Към въпроса за акавизма в езика на българите от Бесарабия // Българският език в Молдова, Комрат, 2003, № 2. С. 60-65.
12. Българите в Северното Причерноморие, Т. 8., В. Търново, 2004. С. 59-63.
13. Кара Н. Българският език в Молдова // Пак там. С. 31-54.
14. Стоянов Е. Езикът на българите в Украина и Молдова в социологичен аспект // Пак там. Т. 3. В. Търново, 1994. С. 295.
15. Стоичкова Л. Към въпроса за различията между диалектна и книжовна лексика (върху материал от диалектите на бесарабските българи) // Пак там. С. 311.
16. Стоичкова Л. Към въпроса за номинативните диалектизми в лексиката на бесарабските българи // Пак там. Т. 4. В. Търново, 1995. С. 421.
17. Кондов В. Кортенските колонии в Бесарабия. Ономастика. Език. В. Търново, 2005. С. 61-180.
18. Куртев Н. Селищата с българско население в Северозападния Бургас. Ономастика. Етюдни монографии, Групования. В. Търново, 2006. С. 10
19. Георгиева Цв. Идентификация на «родното» («родината») в поезията на бесарабските българи // Българите в Северното Причерноморие. Т. 7. В. Търново, 2000. С. 531 – 540/
20. Зайковская Т. Национально-культурный компонент болгарского и румынского фразеологического пространства // Болгарский ежегодник Славянского ун-та. Киев, 1998. С. 256-263.
21. Зайковская Т. Языковое сознание болгар и русских Молдовы // Кирилло-Мефодьевские чтения. Материалы научной конференции. Калининград. 2003. С. 76-86.
22. Зайковская Т. Язык и национальный характер // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AŞM. Vol. IV. Chişinău, 2003. P. 132-134.
23. Зайковская Т. Цветообозначения в мировосприятии болгар // Българите в Северното Причерноморие. Т. VIII. В. Търново, 2004. С. 137-143.
24. Зайковская Т. Концепт *дом* как часть ядра языкового сознания русских, молдаван и болгар // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AŞM. Vol. V. Chişinău, 2004. С. 108.
25. Зайковская Т. Концепты нравственно-онтологической сферы в языковом сознании русских, молдаван и болгар // Славянские чтения. Вып. 3. Кишинев, 2005. С. 50-60.
26. Зайковская Т. Язык – культура – этнос // Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice al AŞM. Vol. I. Chişinău, 2000. С. 116.

Васил КОНДОВ

Тараклийски държавен университет

БЪЛГАРО-РУМЪНСКИ ЕЗИКОВИ ВРЪЗКИ ПРЕЗ ВЕКОВЕТЕ: ПРОБЛЕМИ НА ИЗСЛЕДВАНЕТО

Тази тема в продължение вече на около един век привлича вниманието на много езиковеди от различни страни, но преди всичко, разбира се, от България и Румъния.

При запознаването с библиографията и публикациите по темата правят впечатление следните неща:

1. В българското езикознание общо взето в изследването на темата има баланс, т.е. работи се и в двети посоки – изследват се връзките, които тръгват както от българския език към румънския, така също и връзките от румънския език към българския.
 2. В румънското езикознание обаче се наблюдава значително по-голям интерес към влиянието от страна на румънския език върху българския, като по тази тема има дори защитени дисертации. Това естествено е логично, особено от гледна точка на патриотизма – да се изтъкне преди всичко превъзходството на родното пред чуждото...
 3. Има определен интерес към българско-румънското езиково взаимодействие и от страна на други езиковеди – френски, немски и т.н.
- В руското езикознание (особено от съветския период) по традиция, когато става въпрос за (старо) българското езиково влияние обикновено се говори за "старославянско", "черковнославянско" или най-много за "южнославянско" влияние... В случая пък с езиковото взаимодействие между румънския език и славянските езици се предпочита да не се конкретизира мястото и ролята на съответните славянски езици в този процес, а да се говори повече за източнославянско влияние.

Именно в духа и стила на тази традиция е написана и една от последните статии по темата, която принадлежи на молдовската изследователка Н.Дамян (вж. "Румънско-български паралели на уровне лексики" в сб. "Молдовско-българските отношения през средновековието и новото време", Кишинев, 1998).

Тук с изключение на славянската дума *cos!*, подложена на семантичен анализ, вътрешно разграничение на славянизмите в румънския език, въпреки обявеното заглавие, също не се прави.

Вярно е, че таково разделение в редица случаи е трудно или просто е невъзможно да се направи, но защо това да не се прави в множеството други случаи? Освен това, излиза, че темата, посветена на румънско-българските езикови връзки на лексикално равнище в това изследване "се разкрива" с помощта на една единствена дума, и то с общославянски облик – *cos!* (стб. КОШЬ)! Всички останали славянски заемки в румънския език са сложени, според известния израз, в един (славянски) кюп, а защо не и в този (общославянски) кош...

В същото време авторката не казва абсолютно нищо за "коша" с румънски думи в славянските езици, или най-малко в българския език, което би следвало да се направи съгласно обявената тема.

Всъщност, изхождайки от съдържанието на това изследване и начина, по който се разкрива темата му, би могло, като се добави поне примерът с румънската дума *brinză* в руския език и в някои български диалекти, да се излезе от това конфузно положение... Редно е също така едно изследване да бъде придружено и от съответната използвана литература.

По същия начин, т.е. за "стари славянски елементи" в румънския език, изреждайки доста от тях, говорят и някои други изследователи в Молдова и Румъния.

Но така или иначе темата е много благодатна за един сериозен изследовател. И едно от първите специални проучвания по нея в българското езикознание (Езикови взаимности между българи и румъни, 1921 г.) принадлежи на известния български езиковед проф. Беню Цонсв. То предизвиква остръ критичен отзив от страна на друг голям български езиковед акад. Ст. Младенов, който в своята "История на българския език" (1929, на нем.език) отбелязва, че с произхода на румънците и ролята на българославянския език при образуването на този народ се занимавали цяла редица от чужди учени, такива като Б.Копитар, Фр. Миклошич, включително и румънците Денсушану, Ян Богдан. Последният от тях

отбелязва Ст.Младенов, казва, че не може да става и дума за румънски народ преди възприемането на славянските елементи от населението, станало твърде късно "румънско", в течение на VI до X век. Самият Ст. Младенов пише, че румънският народен език е така дълбоко просмукан от българославянски елементи, че бихме могли да го смятаме според речниковия му състав повече за български, докато неговата "граматика" е латинска.

По-късно други двама известни български езиковеди акад. Вл. Георгиев и акад. Ив. Дуриданов отбелязват, че румънският език се е развит под силно влияние на българския език и затова в него има много български думи във всички области на лексиката. Според тях, молдовският език, който се говори в Молдавската ССР, е румънски диалект.

Изтъкнатият български езиковед Кирил Мирчев в "Историческа граматика на българския език" (1978г.) дава добър преглед на славянските заемки в румънския език преди всичко от фонетична гледна точка, отбелязвайки също, че най-много български лексикални заемки съдържат румънските народни диалекти, което, безсъмнение, е много важно във връзка с изясняването на въпроса за началото и начините на българско-румънското езиково взаимодействие.

Според К.Мирчев началото на кръстосванията между българския и румънския език съвпада с момента, когато румънското население в Източна Трансилвания е започнало да се придвижва към населените със славяни влашки низини, като това славянско население тук постепенно (към XVI в.) се претопило сред румънското.

Българското езиково влияние върху румънския език е ставало и по културен път, чрез използването в румънските земи на славяно-българската писменост.

Както отбелязват българските лингвисти Д.Иванова-Мирчева и Ив.-Харалампиев (1999г.), кирило-методиевият книжовен език в продължение на четири века (XIV-XVIII) живее на румънската земя. През тези векове дошлият от България книжовен език се използва и като култов, и като официален, държавен език. В румънската наука румънската редакция на старобългарския книжовен език е известна като "книжовнославянски език". А всъщност славяно-румънският тип книжовен език е предимно с българска основа. В румънските земи се откриват три негови подтипа: от Влахия, от Молдова и от Трансилвания. Във Влахия славянската книжовноезикова основа е преобладаващи среднобългарски и

сравнително малко сръбски елементи. В Молдова в книжовноезиката основа се вплитат източнославянски и полски елементи.

Трябва да се има предвид, че славяно-българското влияние върху румънския език е било силно дотогава, докато в румънските земи е имало относително многобройно славяно-българско население и докато т. нар. "книжовнославянски език" в тези земи е бил използван, както бе отбележано горе, и от църквата, и от държавата, т.е. докъм XVI-XVIIIв. След като започва формирането на съвременния румънски книжовен език, това влияние естествено започва да намалява, още повече, че се вземат и специални мерки за неговото ограничаване. Идва ред на влиянието от страна на романските езици върху румънския език, оказвано къде по естествен, а къде и не съвсем по естествен начин.

Когато става дума пък за румънските заемки (или ако си позволим пак малко ирония – за "коша" с румънismите) в българския език, трябва да се отбележи, че румънismите в българския език в сравнение с българизмите в този език са от по-късно време и не са толкова много.

ЛИТЕРАТУРА

- Стойков Ст. Българска диалектология. София, 1993.
 Младенов Ст. История на българския език. София, 1979.
 Георгиев Вл., Ив. Дуриданов. Езикознание. София, 1965.
 Иванова-Мирчева Д., Харлампиев Ив. История на българския език. В. Търново, 1999.

Мария ПАСЛАР

Тараклийски държавен университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА НА ОБЩИЯ РЕЧНИКОВ ФОНД В БЪЛГАРСКИЯ И РУМЪНСКИЯ ЕЗИК

Още през периода на Възраждането в България немалко книжовници обогатяват представите си за различни езици, а това им дава възможност да разберат по-ясно своеобразието на родния език, оценявая се значението му за изграждане на национална просвета и култура.

Познаването на родния език и на чужди езици дава възможност на книжовниците да направят отделни сравнения между българския език и други езици - родствени или неродствени, на съседни или по-далечни народи. Съпоставките засягат различни езикови равнища (фонетика, граматика, лексика), правописни особености, състояние на писмената форма на езика. В един случаи сравненията са необходими, за да се подчертава специфичното в строежа на българския език, а в други - да се улесни изучаването на чужд език, като се използват знанията по роден език.

Българският книжовник Неофит Рилски в книгата си «Болгарска граматика» използва примери за сравнение на българския език с други балкански езици от гръцки, турски, румънски и от славянските езици: руски, сръбски.

В речниковия състав на българския език, както и на другите балкански езици, битват многобройни лексикални заемки от гръцки, латински, арабски, турски, руски, румънски и от западноевропейски езици. Заемките започват да проникват още от заселването на славяните в Балканския полуостров: от гръцки и латински език. Господствуващото положение на латинския език в науката е изиграло важна роля за проникване на много латински думи във всички балкански езици.

За смесения характер на езиците са писали такива видни лингвисти, като Бодуен де Куртене, Е.Д. Поливанов, Л.В. Шчерба. Например у Бодуен де Куртене намираме: «Ако погледнем на въпроса за смесване или несмесване на зиците, дължни сме да се съгласим, че няма и не може да има нито една чиста, несмесена езикова цялост»¹.

Териториалната близост на езиците от различни семейства на индоевропейските езици способствува за създаване на езикови съюзи.

Например в центъра на балканския езиков съюз стои румънският, албанският и българският, а гърцкият и сърбохърватският остават на периферията. За балканския езиков съюз са характерни общи артикулационни особености на основните гласни, практически е единаква консонантната система, липсва фонологичното противопоставяне на краткост-дължина при гласните.

Въпреки това, че българският и румънският не са сродни езици, имат в речниковия състав 38% общи думи.² Наблюдава се значително количество общи морфеми, изчезналата в романските езици латинска звательна форма се запазила в румънския език под влияние на същата форма в българския и гърция език.

Речниката близост между българския и румънския език се обуславя преди всичко от наличието на широк пласт чужди думи от различен национален произход, общи в двата езика.

Латинските думи са: грatis, бивол, конкурс, консуматор, лукс, орнамент, оцет, палат, пилер.

Френските думи са: албум, амбалаж, балон, балкон, биберон, бутон, визита, волан, газ, дискурс, еcran, етаж, камион, колет, контрол, кураж, модел, помпа, тирбушон, хотел, фин, миньор.

От турски са думите: буздуган, беля, душман, катър, калдъръм, казан, кеф, колан, мушама, пара, перваз, рафт, салкъм, фудул, шах, таван, чорап, зор, капак, кибрит, чизмар.

Английските думи са: блок, вагон, клуб, филм, репортър, 1. Бодуен де Куртене. О смешанном характере всех языков. В кн.: Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. с.363

2. Златоустова Л.В. «Внутриязыковая и межязыковая интерференция». Моск.госуд.унив УДК 801.4: 801.52

Гърцките думи са: аромат, асфалт, дявол, патос, сак, фото-, хектар, философия, хеликоптер, ток, крин.

Италианските думи са: папагал, порцелан, плик, картоф.

Норвежките думи са: ски, скиор,
Персийските думи са: зарзават, чаршаф, спанак.

Китайските думи са: чай.
Арабските думи са: долап.

Съпоставителното изследване позволява да се посочи група думи, които са еднакви по значение, но се наблюдават фонетични промени.

Сравнете:	в бълг.	в рум.	в бълг.	в рум.
Латински думи:	станция	stație	дата	data
	кауза	cauza	титл	titlu
	сапун	săpun	поща	posta
	януари	ianuarie	гума	guma
	мизерия	mizerie	експурсия	excurzie
	диригент	dirijor	процес	proces
	портал	portal	ваканция	vacantia
	ваза	vaza	гара	gara
	екип	echipa	бонбон	bamboana
	помпа	pompa	дантела	dantela
	шампион	campion	мина	mina
	аларма	alarmă	перла	perla
	ремарке	remarca	бариера	bariera
	премиера	premiera	парцел	parcel
	реколта	recolta	инжекция	injecție
	гише	ghișe	ангажимент	angajament
	биуро	birou	дузина	duzina
	кутия	cutie	тенекия	tinicie
	кайсия	caisă	патладжан	patlagele
	тезгях	tejghea	гювеч	ghiveci
	кехлибар	chihlimbar	одая	odaie
	переде	perdea	дюлгерин	dulgher
	шунка	sunca	скица	schita
	рала	sala	кифла	chifla
	куфар	cufar	кренвирш	crenvurști
	карлуца	caruta	каруцар	carută
	перука	peruca	сигурно	sigur
	борса	bursa		

Гръцки думи:

стомах	stomac	аргати	argat
хартия	hirtie	липса	lipsa
мустаси	mustata	леген	ligean
захар	zahar	камила	camila
тиган	tigaie	филия	felie
фуста	fusta	целина	telina
ориз	orez	кестен	castan
диарея	diareie	дафина	dafin
Персийски думи:	чанта	geanta	

Този лексически пласт е много богат и може да служи за благодатен източник за обогатяване на речниковия запас на речта на учениците. Към тази група се отнасят думи, които се употребяват в двата езика.

Необходимо е да се обрне внимание на група от думи, които се различават по акцентологическото си свойство, по мястото на ударението

Сравнете**в българския:**

извор	izvor
принос	prinos
автор	autor
оратор	orator
композитор	compozitor
имитатор	imitator
мелодия	melodie
храна	hrana
медик	medic

Голям интерес представляват и други групи от думи, които са от чужд произход, еднакви по своето лексикално значение в българския и румънския език, но те получават своеобразна фонетична интерпретация в съответствие със специфичните особености на фонологичните системи в двата езика:

в българския език в румънския език в българския език в румънския език

1. геометрия	geometrie	религия	religie
агент	agent	легенда	legenda
гимнастика	gimnastica		

2. цирк	circ	цифра	cifra
центрър	centru	дисциплина	disciplina
сцена	scena		
3. автор	autor	автограф	autograf
автомат	automat		
4. компания	companiion	актьор	actor
боксьор	dublor	фотьойл	fotoliu
фризьор	frizer		
5. хумор	umor	furна	furnal
човка	cioc	бюст	bust
жури	juriu	око	ochi
пардесю	perdesiu	щука	stioca
отдих	odihna		

Съпоставителен лексико-семантичен анализ на междуезиковите омоними в българския и румънския език.

И в българския, и в румънския език омонимите се определят като думи, които еднакво се изговарят, но имат различно значение.

В процеса на работата върху общата лексика за българския и румънския език са разкрити много двойки думи, еднакво изговарящи се, но с различно лексикално значение. Те образуват достатъчно многобройна група от междуезикови омоними.

В българския език:**В румънския език****1. Банка**

а) кредитно учреждение, което се занимава а) буркан, кутия;
с различни парични сделки; б) тясна, дълга пейка;
б) поставените на карта пари срещу всички в)чин. противници
при някои игри на карти.

2. Бей

а) титла на малък васален господар в стара а) Титла Турция
б) форма за П. л., ед.число;
б) Почетна прибавка към име; а **bea** (пия, гълтам,
в) междуметие за израз на учудване. поглъщам)

- 3. Бор**
а) планинско иголистно дърво;
б) химически елемент.
- 4. Бой**
а) ръст, телесна височина;
б) сражение;
в) удари с цел да се причини болка.
- 5. Вас**
местоимение, вин.пад., от.вие
- 6. Вид**
а) изглед, външен образ;
б) по-низша степен от род;
в) лексико-граматична категория при глагола.
- 7. Вие**
Лично местоимение за 2 л., мн.ч., И.п. лозя
- 8. Вой**
а) гласно виене на животно;
б) гълчка.
- 9. Вест**
съобщение, новина.
- 10. Дар**
а) подарък;
б) дарба,талант;
в) природен дар.
- 11. Град**
а) голямо селище;
б) валеж от ледени зърна.
- 12. Десен**
десен - шарки върху плат или хартия
а) рисунка;
б) рисуване;
в) чертеж.

- Вог**
химически елемент
- Boi**
форма за И.п., мн.ч. на съществителното
вой — бик
- Basa**
1. съд за течност;
2. транспортно средство-кораб.
- Vid**
незапълнен с въздух,
пустота
- Vie**
- Voi**
искам, желая
- Vest**
запад
- Dar**
а) подарък;
б) противопоставителен
съюз в
- значение но, обаче.
- Grad**
а) градус;
б) степен, чин.
- Desen**
а) рисунка;
б) рисуване;
в) чертеж.

- 13. Дори**
наречие.
До такава степен; нещо повече; даже
- 14. Дял**
а) част от нещо;
б) част от наследство;
в) участие, намеса;
г) отдел, разред, категория.
- 15. Дърз**
Дързык
1. смел, решителен;
2. нахален, оскърбително груб.
- 16. Войник**
1) младеж,
който отбива своята военна служба.
- 17. Боб**
растение, плод, зърна от това растение.
- 18. Въртеж**
а) въртене, кръговрат;
б) силен бодеж.
- 19. Из**
предлог
а) движение отвътре навън;
б) разпръснато разположение
вътре в границите на предмета.
- 20. Доведи**
глагол в повелително
наклонение - водя, докарвам нещо.
- 21. Кум**
кръстник; който венчава някого.
- 22. Лак**
а) смола, разтворена в спирт;
б) вид лакирана кожа за обувки.
- 23. Лови**
глагол в повелително наклонение
- adori**
желая.
- Deal**
хълм; поле
- Dirz**
1. смел, решителен;
2. упорит, непреклонен;
3. горд
- Voinic**
1. силен, як;
2. храбрец; юнак.
- Bod**
- Virtej**
зрънце; троихичка.
- Iz**
смерч, ураган, водовъртеж;
вихър.
- nepriyatlen miris ili**
vкус на течност.
- a dovedi**
а) да се доказва;
б) да се справяш, управляваши,
успяваш.
- Cum**
как
- Lac**
езеро
- alovi**
да удряш

а) поемам и задържам нещо с ръка;
б) ловувам, бия.

24. Май

а) петият месец от годината;
б) почти, изглежда, по всяка вероятност.
в) оше;

г) месец

25. Мой

притежателно место., 1л., ед.ч., м.р.

1. мека хартия;

2. мека кожа;

3. мек човек;

4. мека вода;

5. меко време

26. Нас

Лично местоимение, В.п., 1л., мн.ч.

27. Оймеждуметие, изразява болка,
учувдане.**28. Пара**въздухобразно веществото,
на каквото се превръща вода
или друга течност.**29. Под**

а) дъчен под;
б) предлог: под масата
в) таван.

30. Ей

частичка за посочване на нещо;
повикване някого;
за израз на почуда, възторг.

31. Пери

глагол в повелително наклонение
Перадрехите си.

32. Стол

а) кухненски стол;

Mai

а) повече;
б) почти;

Moi

прилагателно име

Nas

орган на обоняни
ето у хора и животни

Oi

овце

Para

пламък; круша (плод)

Pod

а) мост;
б) полюс;

Е

лично местоимение,
3л., мн.ч. -те.

a peri

погина, изчезна,
пропадна.

Stol

група животни от един вид;

б) трапезария за обществено
хранене.

33. Мършав

Сух тялом; slab, mършав кон

34. Ток

а) електрическа енергия;
б) издадена пета на обувката;
в) гумно за вършилба;

35. Бате

обръщение към по-голям брат
или близък човек.

36. Бае

глагол в 3 л., ед.ч., сег.вр.
Обръщение към по-възрастен човек.

37. Боклук

смет; бунище.

38. Бутонкопче за натискане на
електрически звънец.**39. Чеда**

син или дъщеря; рожба, дете-
същ. в мн.ч.

40. Перваз

ръб; периферия; околовръстна част
на предмет.

41. Жена

а) женена, омъжена жена;
б) съпруга;

в) човек от противоположния на
мъжа пол.

42. Команда

къса заповед;
малка войскова част.

43. Билет

малък документ, чрез който се
удостоверява някакво право.

ято.

Mirsav

подъл

Toc

химикалка; ток; кальф;

рамка на врата;
гумно за вършилба**a bate**

бия; забия; чукам

Baie

баня; вана.

Bocluc

беда, неприятност

Buton

кабърче; секретно копче.

a ceda

да отстъпя

Pervazрамка на врата; част на
подпрозоречна дъска.**a jena**

а) убиват ботушите;
б) смушавам се.

Comanda

да се поръча

Bilet

бележка, записка

44. Кал	Cal
каша от пръст; гъсто мръсно вещество	кон
45. Ос	Os
ос на кола, дълго дърво или метал.	кост
46. Макара	Macara
дървена цев, на която се навиват конци.	подемен кран
47. Сол	Sol
1) бял минерал; 2) тънко остроумие.	пръст, почва
48. Спор	Spor
1) изобилие; 2) успех в работата; 3) препирня, несъгласие.	успех, успешно.
49. Прост	Prost
недосетлив; неучен; обикновен; лесен за разбиране.	глупак, простак.
50. Меч	Meci
старинно бойно оръжие; символ на война и боен подвиг.	мач (спорт)
51. Пожар	Pojar
огън, който обхваща в голям размер нещо и го унищожава. залез, изгрев; пожар	дребна шарка; червенина от пожар,
52. Моми	a momi
същ., мн.ч., голямо, възрастно момиче; неженена жена.	примамя, привлека
53. Пас	Pas
междуметие. Неучастие в играта; предаване на топката на свой играч.	рачка
54. Рид	Rid
хълм; висока издигнатина.	бръчка.
55. Мие	Mie
глагол, 3 л., ед.ч.	хилида
Мия лицето си.	

56. Кост	Cost
твърда несгъваема част в тялото на човек или животно	цена
57. Бостан	Bostan
място, засадено с пъпеши и дини.	тиква
58. Кът	Cit
а) затулено място в къща; ъгъл; б) непристъпно място в природата; в) недостатъчен, осъден.	колко
58. Скут	Scut
а) място от корема до коленете на седнал човек; б) предна пола на рокля.	щит; предпазител на оръдие или път.
59. Жилав	Jilav
а) който се свива и не се троши, гъвкав; б) който се разтяга, без да се къса; в) як, издръжлив; г) лепкава кал.	влажен

60. Черта

а) следа от теглен по нещо молив; линия;
б) качество, особеност.

Румънските думи навлизат в българския език през различни етапи от културните, икономическите и политическите връзки между двата народа.

Русин Русинов и Станю Георгиев в учебника «Лексикология на български книжовен език» посочват румънски думи, които са преминали в българския език: пахар, маса, кашкавал, мамалига, малай, моканин, чутура, далавера, цинциарин, ланец и други.

В процеса на своята еволюция румънският език е взаимодействувал с други,неромански езици и в следствие на това езикът им се е обогатил с чужди елементи, основното място между които принадлежи на славянския елемент.

През 9-10 в. се засилват отношенията между румънците и славяните - може да се говори за началото на славянското влияние.

Затова е необходимо да се отбележи и «обратният пронес, които е твърде активен, именно преминаването на български думи в румънския език».

Достатъчно е да се каже, че до 17 век официалният език на канцелариите на влашките воеводи е бил българският език.

В гореспоменатия учебник Р.Русинов и С.Георгиев посочват български думи, преминали в румънския език: мир, звезда, въздух, жега, задух, приек, влага, стръмнина, подгорие, бърлога, долина, грамада, блато, боботи, иглица, любовник, паун, хубавица и други.

Към дадената група думи можем да причислим и други думи от български произход в румънския език: гъска, грижа, пържола, плешив, буркан, гълчава, гърбав, гуша, сирак, богаташ, виновник, вишна, тате, градинар, сланина, грозден, кърпа, евтиин, колиба, мрежа, полица, обичай, магаре, череша, зестра, верига, смокиня, виолетов, врабец, граница, вина, добитък, бразда, вест, лесно, луна, стъкло, лаком, пелин, праг, слаб, роб, зидар, зид, чаун, извор, дар, греши, глас, вар, весел.

Човек, изучаващ втори език, се включва в процеса на сравнение, съпоставяне на форми за изразяване на едно и също съдържание със средствата от различни езици.

Съпоставителният анализ на лексикалните значения на междуезиковите омоними позволява да направим следните изводи:

1. Междуезиковите омоними, съвпадащи по външна форма (напълно еднакъв звуков състав), съществено се отличават по вътрешната си форма (лексикално значение)

Но е необходимо да се отбележи дори и малобройни факти на частично съвпадане на значенията на многозначни думи и думи омоними в българския език, противопоставени по своите значения на думите от румънския език. Например в българския език основното значение на думата дар - «дарба, талант». Но може да означава и «подарък». В румънския език думата «дар» означава противопоставителен съюз и «подарък». Във второто значение «подарък» само частично съвпада със своя румънски еквивалент «подарък».

ûû

Основно всяка дума от българския и румънския език, които са от омонимична двойка, развиват няколко значения - преки и преносни.

3. Междуезиковите омоними могат да се отнасят:

а) към една и съща част на речта: вест (съобщение) - вест (запад);

б) към различни класове думи: вие (лично местоим.) - вис (същ.име) лозя.

Лингвистичното съпоставяне разкрива характера на типичните грешки на биглота, подсказва пътищата за тяхното преодоляване, съдействува за запазването на чистота и на двета езика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ралица Ц. Съпоставително разглеждане на някои езици в граматичните трудове на Неофит Рилски // Славистичен сборник. БАН, Институт за български език. София, 1988.
2. Бурачева Е. Н., Барабанярэ А.А., Исаченко Г.М. Лингводидактические основы обучения лексике, общей для русского и молдавского языков. Кишинев, Киш. Гос. Пед. Инст. 1988.
3. Помагало по българска лексикология. Сборник от статии, съставил Христо Пърцев. София. Изд. «Наука и изкуство», 1979.
4. Поповичук М.А., Комарницкая Е.Г., Негарэ А.В. Русско-молдавский словарь. Кишинев, „Лумина”, 1988.
5. Гуцу В. И. Учебный русско-молдавский словарь словосочетаний. Кишинев, „Лумина”. 1987.
6. Русинов Р., Георгиев С. Лексикология на българския книжовен език. В. Търново. «Абагар». 1996.

Александър АЛЕКСАНДРОВ
Тараклийски държавен университет

ЧЛЕНУВАНЕТО В БЪЛГАРСКИЯ И РУМЪНСКИЯ ЕЗИК

Членуването в български език има около двадесетвековна история, но първите примери засягат само съществителните имена. Разбира се, като се има предвид тясната връзка между езиците от т. нар. балкански езиков съюз, не бива да се търси още в старобългарския език началото на това явление. Смята се, че на Балканския полуостров то се зародило най-напред в гръцки език, а оттам и в останалите балкански езици – български, албански и румънски. При това трябва да се припомни, че в гръцки език явлението е било доведено докрай – членували са се всички именни части на речта, а по-интересно е, че при съществителните имена са се членували и личните, както е и днес. В началото на процеса (т.е. отпреди 1200 г.) в старобългарски език са се членували само съществителните имена, а примерите с членувани прилагателни имена са били изключително редки. Смята се, че най-ранният пример с членувано прилагателно е от XIII в. и е от Добрейшовото евангелие. Първите примери са били при прилагателни от мъжки род, които буквально са взели същата членна форма от съществителните и са я пренесли върху себе си. Така добрий + тъ е станало добрий + ът, от където е и днешното добрият. При женски и среден род процесът е бил облекчен – направо се е добавило показателното местоимение за съответния род – та или то. В началото членната форма се е добавляла към пълните форми на прилагателните. Остатък от това състояние има днес само в езика на банатските българи, където има членувани прилагателни от типа стара-й-та баба. За среден род не са засвидетелствани такива примери дори и в най-старите ни диалекти – там членуването е опростено като механизъм докрай – старо-то. От старите пълни прилагателни и

до днес са останали остатъци в местни и селищни названия, напр. Черни връх, Нови Хан, Добри дял, Бели мел и др.

Може да се смята, че днешните названия на няколко селища в Бесарбия, населени с българи, са също прилагателни от този род, ако вземем предвид факта, че в старите карти са били отбелязвани именно с -ий: Чийший, Тараклий, Казаклий, Чушмелий, Чимишлий, Кайраклий. Така са сепроизнасяли и споменатите по-горе названия Черни връх, Новий Хан, Добрий дял, Новий пазар, Белий мел и др. Тези пълни прилагателни (със значение на определени) са били обикнати особено от българските поети Ив. Вазов, П.Р.Славейков, П.П.Славейков, Хр. Ботев, по-късно и от Кирил Христов и др., срв. наши генерал, льжовний мир, страшний лев, ревът беломорски(й). Показателно е, че още Неофий Рилски е препоръчвал този тип прилагателни: черный, белый, благий, малий, мурдый, свищовский, римский, славенский, солений, каменний и др., (вж. Хр. Пърцев, Очерт по история на бълг. граматика). Тези прилагателни са били предпочитани в по-високия, по-тържествения стил, затова беше изненадващо откритието на М.Ст. Младенов, че в днешна Североизточна България в диалектите все още се срещат, макар и рядко, примерно от типа “свинский кебап”, а при местоименията почти без изключение се откриват при наши, ваший.

Особено интересно е развитието на някои роднински имена, предруженни от кратки притежателни местоимения: брат ми, сестра ми, деля ми, баба ти, кака му, дядо му и др. В диалектите и до днес могат да се срещнат съчетания от този тип, в който краткото местоимение е под ударение и според някои езиковеди играе ролята на определителен член, срв. син ми, мъж ми. За тези случаи Ив.Харлампиев (Харлампиев в 2000; с.185) отбелязва: “Тези названия поначало не се членуват в български, румънски и албански, тъй като подобно на личните имена те са индивидуално определени (заместват лични имена). В гръцкия език обаче роднинските названия от посочения тип се членуват ……, както се членуват и личните имена”.

За български и румънски език обаче някои български езиковеди са отбелязвали, че се засилва тенденцията към членуване и при тези случаи, т.е. зачестяват случаите от типа мъжът ми, синът ми, братът и, и др. Това се смята за сигнал, че членуването и в тези случаи се засилва. (Асенова Петя. Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. С., 1989, с.89-103).

Наистина членуването обхваща все по-цялостно системата на езика. Везика на българите от Тараклия изобилстват местните названия, в кои-

то участват членувани притежателни от личните имена. Тъй като тези названия са проучени пълно от Нено Неделчев, ще посоча някои примери от книгата му “Бесарабските българи в Тараклия” (В.Търново, 1998): Славовите герани, Сомчовото, Къньовата чешмичка, Матьовата ръпа, Сандъвата махала, Халжиминчовата чешма, Халжиденовото геранче, Щерьовите лозя, Янчевото геранче, Беровите върби, Ботовата махала, Дочониковата ръпа, Кондовата махала, Никетъзовите градинки, Халжидимковата чешма и др.

Макар да е ново от историческата гледна точка, това морфологично явление непрекъснато се засилва, като завзема се по-нови и нови територии. При поддръжката и на други европейски езици то до такава степен са активизира, че “тези членове са вмъкнати под чуждо влияние, защото в немски и френски се употребяват членувано” (Беньо Цонев, История на българския език. Т.III.(фототипно издание).С., 1985, с.473).

Макар и по-далеч от България, Унгария също е засегната от описаната тенденция, макар че тук трябва да се предположи пряко влияние от страна на близките европейски езици и най-вече на немския език. Особеното тук е, че в унгарския език определителният член е предпоставен, но пък по произход е също показателно местоимение (az, ако следващата дума започва с гласна, и a, ако следващата дума започва със съгласна), т.е. като в българския език. Ето какво отбелязва М.Кочиш: “И в унгарския език, както и в българския, личните имена по принцип не се членуват. Въпреки това лични имена като Janos, Laci и др., които дълго време бяха смятани от езиковедите за единствено правилни, почти винаги могат да се употребят и членувани – a Janos, a Laci. Такива употреби на определителния член са характерни преди всичко за собствените лични имена, като в този случай имената получават народно-фамилиярен оттенък. Наличието или отсъствието на определителен член в посочените случаи повечето езиковеди вече отнасят не към въпросите на езиковата правилност, а на езиковата стилистика.... Членувани фамилни имена в ед.ч. се схващат като по-груби. (Кочиш М., За членуването на собствените имена в българския и унгарския език. Съпоставително езикознание. 1983, кн.3, с.61).

Българите в Бесарабия членуват много географски имена: названия на държави: Ний удихми в Молдавия; Б'ах в Русията; Буджака устаял пучти празен; От Китай дойдя министер; ...дете сега го знае Израилу; селуту Криничное бashi уснувану ут българските колонисти, кутрату душле ут Североасточната Балгария, ут район Шумен; На

йугозапада Причерноморската низменост, дегу са канчават атрогите на Молдавската возвишеност; на върховете и области, които не са отделни държави: Кискин пугибнал в битвите за Шипката; и утидаха на Уралът; Ижиха на Уралът; А пък сега живъ на Кубанът (последните примери са с пълен член – особеност на кримските говори); особено интересни са съчетания от лично име и прозвище, при която и двете съставки са членувани: Лелеку Васиту, Паскалу Мишката; Драгану Коститу; Палаката Паниту; Рижеку Ганиду; Мишата Кацото; Митето Чудако и др.

В България не са записани примери на лично име, придружено от роднинско: Дадо Ангелу свиреше с гайдата (примерите с членувани географски имена и прякори са взети от книгата на Валентина О. Колесник, Дебалканизация българских переселенских говорок в України. Граматична система. Одеса, 2003, с. 105-107). В същата книга се цитира и един пример с трикратно членуване в личните имена: на Руската Шурата Вовата и Багачова Таня се оженила. (стр. 108).

Макар че и в българския език в метрополията се наблюдава засилен процес на членуване при личните имена, случаите в бесарабските български говори дават възможност да се направи една успоредица и с руския език, въпреки че в него няма членна форма. Прави впечатление, че преобладавали членуваните умалителни имена от типа Валя, Костя, Митя, Мишка, Вася, Женя и др. морфологически произходът на тяхното окончание –я– може да се свърже с една общославянска наставка за умалителност (-ent-), от която в старобългарски език се е развили суфиксът -ет-, а в руски -ят-, в мн.ч. -ята-.

И в двата езика тази наставка се употребява за хора и животни, срв. котета и котята, козлета и козлята, прастета и поросята, телета и телята, дете(та) и ребята, жребчета и жеребята, орлета и орлята и др. Както посочва Владимир И. Георгиев, (Проблеми на българския език, София, 1985, стр. 168), "В руски език от този тип са имена като Ваня, Вася, Володя, Женя (от Евгений), Коля (от Николай), Петя (от Петър); Дня, Валя (от Валентина), Женя (от Евгения), Катя (от Екатерина), Таня (от Татяна) и пр. От този тип са и нарицателни като: дядя, тятя. Тези имена днес се склоняват по я – склонения, но никога те са били консонантни основи, както добре личи от диалектни форми като Ванят-ка, Васят-ка".

Както се вижда, обяснението на акад. Вл. Георгиев важи за повечето случаи, но не и за всичките. Не могат да се подведат под същия знаменател

случаи като Коститу, Паниту, Саниту, Митето, Кацото и др. Ако изходното име беше Костя, членуваната форма би била Костита, от Митя би се получило Митята, от Соня – Сонята, от Витя – Витята, а от Женя – Женята и т.н., както се получава от Вова – Вовата, от Шура – Шурата и др. За да се членуват с -то или -ту, изходните нечленувани имена трябва да окончават на -е или -и като умалително-гальовни или като звателни форми – Мите – Митето, Сане – Саниту (след редукция е в и), Пане – Паниту (също след редукция на е в и) и др. Следващият етап превръща членуваните форми в обща форма изобщо на името – ако използваме падежите, ще трябва да кажем, че те се превръщат в именителен падеж, а нечленуваните им форми остават само като звателни. Така, ако трябва да извикаме никого, ще кажем Мите, ела насам, а във всички останали ще използваме членуваната форма: Митето се върна; видях Митето; казах на Митето и т.н. Най-често в юго-западните ни говори се прави ясна разлика между звателната форма и умалително-гальовната, напр. от Киро звателната форма става Кире, а умалително-гальовната е с ударение на последната сричка – Кире, от Тошо звателната форма е Тоше, а умалителната – Тошче, от Спас съответно става звателна форма Спасе, от Стойно – Стойне и Стойне и т.н.

Такова успоредно развитие имат и много женски имена. Примери са посочени в същата статия на акад. Вл. Георгиев: Анка-Анке (зват. форма), но Ленче – само звателна форма, а общата форма става Ленчето, от Елена умалително-гальовното Ленче се употребява само за обръщение, а Ленчето вече остава за всички останали случаи като обща (именителна) форма: Ленчето се върнало; Срещнах Ленчето; Казах на Ленчето и др.

Казаното от Вл. Георгиев обяснява и една друга особеност при членуването на мъжки имена от типа Петре – Заре, които в дупнишкия говор имат родително-винителен падеж Петрете, Зарете, а в дателен падеж стават Петрети, Зарети, както и от други имена Кирети, Милети, които са повлияли и на имена, завършиващи на -о: Минчо – Минчоте (род.-внл.п.) и Минчоти (дат. п.), Гошо – Гошоте, Милчо – Милчоте – Милчоти, Станчо – Станчоте – Станчоти и др. Успоредица на това явление се открива в сръбски език, в който склонението на имената е запазено така, че имената за мъже и за жени имат падежни форми: Миле – Милета – Милети; Бране – Бранета – Бранету, Раде – Радета – Радету; Ленче – Ленчета – Ленчету (от Елена), Марче – Марчета – Марчету (от Марица) и др. От по-старо време (XVIII – XIX в.) такива форми са засвидетелствани и далеч на изток в

България – в Ахтопол, Бургас, Малко Търново – на Гьоргите думаше; па си Никуте фаная; Петкоте, Нешоте, Панчоте и др. (вж. В. Георгиев, цит. съч., стр. 167).

На стр. 167 в посочената статия Вл. Георгиев отбележава и изравняването на тези «форми с женските имена: форми като Митрету съвсем лесно са били преосмислени като членни форми», особено понеже в повечето наши говори неудареното о се редуцира, срв. Източно бълг. Веситу, Славиту, Цветиту.» И по-нататък: «Освен това, понеже в много говори формата за някогашния винителен падеж измества останалите падежи (с искключение на звателния), ясно е защо формите Анчето, Ленчето се употребяват и като подлог в изречението, например: «Анчето иде».

В разговорния език имена от този тип се изравняват за двата рода (мъжки и женски), ако са получени от еднокоренни лични имена, различаващи се само по окончанието – нула за м.р. и –а, –я за ж.р., например: от Веселин и Веселина – Весе и Весето, от Денчо и Денка – Денче и Денчето, от Атанас и Атанаска – Насе и Насето; от Васил и Василка – Васе Васето; от Сашо и Сашка – Саше и Сашето; от Емил и Емилия – Еми и Емито; от Петър и Петран(ка) – Пепи и Пепито; от Добрин и Добрина – Доби и Добито; от Евгени и Евгения – Женя и Женята; от Цветан и Цветана – Цеци и Цецито; от Николай и Николина – Ники и Никито; от Виктори и Виктория – Вики и Викито; от Иво и Ива – Иве и Ивето; от Красимира и Красимира – Краси и Красе – Красето; от Румен и Румяна – Руми и Руме, Румито и Румето; от Йордан и Йордана – Дани и Данито; от Слави и Славка – Славе, Славето или Слави, Славито; от Симеон и Симеона – Мони и Монето; и много други от Антон и Антония – Тони и Тонита.

В българските диалекти Максим Сл. Младенов посочва необичайни членувани форми за ихтиманския говор: от Илия – Илиестийа, от Йован – Йованестийа и др. (М. Сл. Младенов, Трудове по българска диалектология, С., 1967, с. 62), но от всички мъжки имена оставаха назасегнати от членуването имената завършващи на съгласна. Многобройни такива примери от троянския говор дава Ст. Ковачев в изследването си за същия говор (вж. Ковачев Ст. Троянският говор. Българска диалектология, Кл. 4, 1968, стр. 162–242). В този говор се членуват лични имена Димитър – Димитърът, Петър – Петърът, Иван – Иванът, Драган – Драганът, Васил – Василът и много други мъжки имена с крайна съгласна;

имена на реки и други географски обекти: Дунавът, Осъмът, Искърът, Витът, Балканът и др.; женски имена на –а, –я: Марията,

Пената, Драганата и др.; имена на държави: Америката а гул “амъ”, ама Русията а по – гул “амъ”, Турцията, Румънията, Сърбията и др.. Изобщо в този говор няма ограничения при членуването на собствени и лични имена. Няма примери само за членуване на фамилни имена.

По всичко изглежда, че фамилните имена са последната «крепост», останала непревзета от членната форма. Досега един единствен пример е дал само Ив. Харалампиев, който го е взел от вестник «Репортер 7» (от брой 24, 17 юни 1993 г.): Желев – Живковът на СДС (Ив. Харалампиев, цит. съч. Стр. 188).

Засега няма други примери за други членувани фамилни имена. Так не смяtam за сериозно да посочвam и анализирам примери от типа «Да се обади Ивановата», доколкото те са записани от хора, за които българският език не е майчин. Не е същото и членуването на фамилното име на Димитър Пенев (бившият старши треньор на националния отбор по футбол) – Пената, защото в този случай по нищо не личи, че става дума именно за фамилно име. Не е фамилно име и другият пример на Ив. Харалампиев: «Юзуфът», който беше подушил, че има да приключат някого на въжето, помисли на всякой случай да се не върне без даскалът».

Малко по-различни са други два примера: «Представа нямал Шекспир колко пари ще струва на днешна Дания Хамлетът му и колко пари впоследствие ще прибере тя от същия». (примерът е цитиран от Ив. Харалампиев) и «Той беше честен войник на революцията и в този час – Делеклюзът на мимолетната боровска комуна» (примерът е с Ю. С.-Маслов, Грамматика на българския език, София, 1982, стр. 168). Разлика-та е само в това, че тези чужди имена не са оформени с български суфикс за фамилни имена и не от всеки българин ще се възприемат именно като фамилни. По техния образец в българския език лесно биха могли да възникнат и други членувани форми като «Той е Толстойт на нашата литература», но засега е трудно да си представим пример «Той е Ботевът на нашата нова поезия». В тези примери лични и частично доближаване на тези имена до нарицателните.

В нашата възрожденска литература се срещат примери с членувани имена на градове и планини от типа: «Виждам в ума си хубаво тогавашният Свищов, Свищовът през първите два месеца след освобождението му (Ив. Вазов); Нали ви казвам, двайсет и пет години сме боравили из Рилата (Ив. Вазов); Шуменът наредих добре, всичките държави наредих добре (В. Друмев). (цитат по Харалампиев, 2000 г., стр. 187).

С тези примери може да се завърши прегледът на членуването на собствените имена в българския език. Както се вижда, независимо остава само позицията на фамилните имена, но и при тях първите пробиви вече са направени.

Другата част на проблема, може бидори по-интересната, е свързана с членуването при именна група от съществително име и едно или повече негови определения, каквито могат да бъдат прилагателните, числителните и някои видове местоимения. По този въпрос всички наши граматики се назовават на отдавна известното «правило на Вакернагел» за индоевропейската клитика, според която членната форма се добавя само един път и само към първото име в именната група: старият учитул, добрият стар учител, нашият добър стар учител и т.н. По този начин напълно се пренебрегват или се обявяват за грешки отклоненията от това правило. За зафиксирания и публикуван такъв ранен случай съти празниците големите от Кулакийското евангелие обикновено се казва, че е под гръцко влияние, тъй като паметникът е от поречието на Долния Вардар (вж. Andre Mazon et Andre Vaillant – L`evangeliaire de Kulakia, un parler slave du Bas-Vardar, Paris, 1938). Подобни примери обаче има в източните български диалекти, в бесарабските български говори и в българските говори в Румъния. Ето няколко примера от български говори в Украйна: са збраха сичките весели рани (участники войны), ученики, учил'ата и други с селските ора; Тя дарува сичките присустващите на свадбата; Первая брачная вечер беши фспециално утвединна къща на младити; Дарува сичките свои близкни-ти; Тъканити старити плаченца лава; тва й яедин ут най-хубавити и весели-ти празници на младити; (В.О. Колесник, цит. съч. Стр.121-167); от Тараклия: Всичките тия нашите задължения са ници; Нека да доди, жъ я завидем у тяхната гурь зилентъ; от с. Кортен: топоними Горнити Дъртити лузя, Горнити Младити лузя, Горнити среднити лузя, Долнити Дъртити лузя и др.

С известна несигурност могат да се споменат и някои случаи на членувани фамилни имена, които обаче се отнасят до деца и внуци на дадена фамилия: Дерменджито (от Дерменджиеви), Тюпюнджито (от Тюпюнджиеви), Демерджито (от Демерджиеви) и много други от този модел.

Освен евентуалното влияние на румънски език би могло да се проучи и въздействието на руския език, в който наистина няма членена форма, но при повече определения се повтарят окончанията на определящите думи в съответния падеж: нашего старшего брата, нашему старше-му брату, нашим старшим братом и др.

Елена РАЦЕЕВА
Высшая Антропологическая Школа

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В МОЛДОВЕ КАК СРЕДСТВО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Теоретические и практические аспекты в области преподавания/изучения родной словесности в поликультурном контексте вообще и в поликультурных обществах постсоветского пространства в частности, включая Молдову, разработаны недостаточно. При наличии большого количества трудов по методике иностранных языков, осмысливающих различные аспекты изучения языка и культуры Другого и считающих главной целью «формирование личности на рубеже культур», способной к успешной межкультурной коммуникации, мы не встречали исследований, в которых этот подход применялся бы для изучения родной культуры представителями национальных меньшинств.

Актуальность научной проблемы этнокультурной идентификации определяют не только вышеуказанные моменты, но также характерная дискуссионность относительно термина и содержания понятия *идентичность*, методов и средств идентификации, роли и возможностей школы в этом процессе, а также потенциала гуманитарных дисциплин, в том числе и родной литературы. Сложность проблемы идентификации у потомков болгарских переселенцев в Молдове обуславливается и социокультурными условиями: болгары, граждане Республики Молдова, в основной своей массе традиционно обучаются в школах с русским языком обучения.

Важность этой проблемы для школ Молдовы с болгарским контингентом учащихся подтверждает исследование этнической идентичности у русскоязычных подростков и молодежи (Кауненко, 2006), которые показали довольно высокий уровень размытости критериев собственной

этничности и выявили наличие потенциала как к становлению позитивной этнической идентичности, так и к гипер- и гипоидентичности, а кроме того обнаружили тесную корреляцию между этноНигилизмом и этнической индифферентностью, превалирование антиафилиативных тенденций (Кауненко, 2001).

Еще с начала 90-х годов в научных публикациях (Е. Стоянова, 1997:194; Е. Стоилова, 1993:273-278; Е. Рацеева, Е. Сорочяну, 1993:12-14) обсуждались различные проблемы методики преподавания родного языка в болгарской диаспоре, подчеркивалась необходимость учитывать особенности этноязыковой ситуации и развивать в болгаристике самостоятельное прикладное направление – обучение современному болгарскому литературному языку представителей диаспоры. В контексте школьного преподавания следует говорить об обучении родной словесности, имея в виду не только язык, но также фольклор и литературу. Это, безусловно, усложняет задачу, так как необходимо обеспечить не только овладение нормами литературного болгарского языка в условиях диалектной среды, но и, координируя языковое и литературное обучения, формирование этнической картины мира как необходимого инструмента этноидентификации и средства развития личности.

Концепция преподавания родной литературы в диаспоре представляет еще большую проблему, чем преподавание языка, так как цели и задачи, субъект обучения и целостный социокультурный контекст, в котором живут и обучаются потомки болгарских переселенцев, значительно отличаются от этих параметров болгарской образовательной среды, что объясняет неэффективность применения многих современных методик и установок, которые используются в Болгарии при преподавании родной литературы. Подтверждением этому служат практические наблюдения: для многих учителей из Болгарии, прошедших конкурс на право преподавать болгарскую словесность в диаспоре, чрезвычайно трудно работать в новых условиях. На наш взгляд, причиной этого являются существенно отличающиеся представления о дискурсе у преподавателя из метрополии и ученика из диаспоры, неизбежные в столь различных исторических и социокультурных условиях развития болгарской общности в диаспоре и в метрополии. Вопросы, к которым неизбежно приходят болгаристы, преподающие в диаспоре, заключаются в следующем: возможно ли синхронизовать преподава-

ние болгарской литературы в метрополии и диаспоре? если да, то каким образом можно это сделать? и, наконец, необходимо ли это или, напротив, литература в диаспоре должна быть только инструментом для психологической этносамоидентификации? Успешных результатов как на познавательном, так и на эмоциональном уровне достигают учителя, которые воспринимают субъекта обучения во всей его сложности (болгарин по национальности, гражданин Молдовы, ученик в школе с русским языком обучения), имеют представление об особенностях образовательной среды и на основе этого более адекватно воспринимают цели и задачи изучения родной литературы в диаспоре. Но, как правило, эти успехи основаны на интуиции, а не на научно разработанной стратегии и технологии.

На наш взгляд, ответы на вопросы о том, возможно ли и есть ли необходимость добиваться синхронности в восприятии болгарской литературы болгарами диаспоры и метрополии; о месте и роли Болгарского возрождения или других составляющих в содержании литературного обучения; о дискурсе преподавания, а также и рекомендации по методике обучения родной литературе будут корректны только на основе изучения этнокультурных особенностей и конкретно сформулированных параметров идентичности болгар Молдовы в их соотнесенности с идентичностью болгар из метрополии.

И в этом смысле возникает более общий и более глобальный вопрос: с чем, в сущности, себя идентифицируют болгары Молдовы сегодня, с чем заставляют их идентифицироваться традиция, образование и институции?

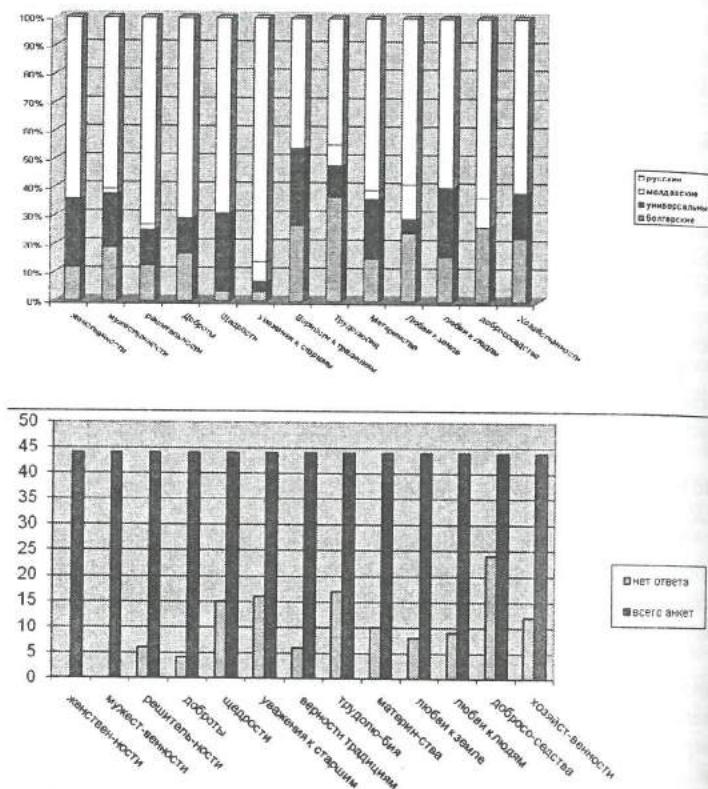
Анкетирование участников 17 Республиканской Олимпиады по болгарскому языку и литературе в 2006 году конкретизирует и заостряет ситуацию.

В общей сложности, из 612 имен литературных и культурных героев, которые, на взгляд участников олимпиады, являются символами воплощения указанных в анкете качеств, 84 – болгарских, 288 – русских, 15 – молдавских, 78 – универсальных имен.

Но тревожит не только проявленный грубой статистикой очевидный дисбаланс, но и то, что почти по всем предложенным качествам (кроме женственности и мужественности) проявился дефицит в образах – примерах, предлагающих модели поведения, иллюстрирующие столь важные качества для развития и этнокультурной, и гражданской и общечеловеческой культурной идентичности.

Символы	личные ценности	доброты	щедрости	уважения к старшим	верности традициям	трудолюбия	материнства	любви к земле	любви к людям	доброто-сострадания	хозяйственности
тоталы	5	4	15	16	6	17	10	8	9	24	17
всего анкет	41	43	44	44	44	44	44	44	44	44	44

Литературные и культурные герои-символы
(Результаты анкетирования участников 17 Республиканской Олимпиады по болгарскому языку и литературе)

Условия провозглашенных ценностей мультикультурализма и гражданского общества определяют необходимость поиска адекватных технологий для одновременной идентификации и интеграции, которые обеспечивали бы интеллектуальное и эмоциональное развитие гармоничной личности гражданина своей страны, человека, определенного в своей этнической идентичности и вместе с тем толерантного к другим идентичностям. Родная словесность, являясь одновременно средством формирования этнокультурной идентичности и основой развития поликультурной личности, позволяет обогащаться культурно без опасности потерять свою идентичность, если при формировании целостного системного представления о родной культуре выстраивается структура для опознания других культур в сравнении с собственной и воспитывается готовность понять и толерантно принять другие культуры. Это главная особенность изучения (преподавания) болгарской литературы в Молдове, она должна определять и иерархизировать задачи методики изучения родной словесности.

В статье «К проблеме изучения образа Другого через литературу» (На материале болгарской главы в учебнике «Узнаем лучше друг друга») в сб. "Educație interculturală în Republica Moldova" изд. «PRO-DIDACTICA», Chișinău 2003 для выполнения вышеуказанных задач мы подробно представили методику разработки художественных текстов на основе выявления универсальных факторов, задающих определенность социальной ситуации, а также в соответствии с концепцией национального характера и этнической картины мира.

В этой работе более подробно остановимся на особенностях и акцентах содержания болгарской литературы как средства этнокультурной идентификации для болгар Молдовы.

Говоря о литературе как о средстве идентификации, мы, по сути дела, затрагиваем проблему содержания идентификационного ядра (Бондаревская, 2000:87), содержащего знаки различия, тождественности и непрерывности, закодированные в соответствующей мифологии. Мифы лежат в основе мировоззрения: именно миф становится основой интерпретации происходящих социальных событий, способом упорядочивания реальности. Миф формирует картину мира, а результатом мифа является понимание (а не знание, как в науке). В научной литературе по этнопсихологии многократно подчеркивается, что этничность мифологична, что выработка и усвоение мифов является основным спосо-

бом идентификации на всех трех ее фазах: фазе этнодифференциации, фазе выработки авто- и гетеростереотипов и особенно это характерно для фазы формулирования идеала Волкогонова, Татаренко 2001:47). Миф «переводит» отвлеченную информацию на язык действия, и в этом смысле мифологемы определяют поведение людей. Показательно, что в научных трудах акцентируется внимание на инструментальности мифа и этнического (национального) идеала (О. Д. Волкогонова, И. В. Татаренко, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко и др.).

Ученые, подчеркивая проблему ответственности за направленность мифологии и этнического и национального идеала, предупреждают о том, что поэтизация этноса и его дифференциация от других чревата двойным стандартом в оценке своих и чужих, росту агрессивности и созданию образа врага (О. Д. Волкогонова, И. В. Татаренко, В. Шнирельман), но вместе с тем убедительно доказывают, что этнический миф «играет инструментальную роль в противодействии культурной нивелировке и сохранении своего культурного наследия, выполняет важную компенсаторную функцию, нужен людям в критические моменты их истории: когда этнической группегрозит утрата культуры и языка...» (Шнирельман, 2000: 24).

В данной работе понятие *мифология* употребляется в следующем смысле: это важный комплекс рассказов, несущих сущностное знание и поэтому повторяемых при определенных пространственно, временно и ритуально регламентированных условиях. Повествования, составляющие мифологию, должны выражать какую-либо истину, важную для общности, определять ее идентичность и законы, которым она подчиняется в соответствии с характерной для мифологического мышления верой, что сегодняшние события представляют повторение мифологических, произошедших когда-то (Элиаде, 1994). Мифология – это ментальная структура, которая проявляется в фольклоре и в литературе. В той мере, в какой образование выполняет свою функцию социального наследования, мифология представлена в учебниках, публицистических и научных текстах.

Каким требованиям должно соответствовать содержание родной словесности для болгар Молдовы? Чтобы полноценно выполнять функцию идентификационного ядра, это содержание должно включать в себя информацию о возникновении и развитии общности, об испытаниях, через которые она прошла, о ее героях и их подвигах, о страданиях, пережитых общностью, и о травмах, которые после них остались, о вза-

имоотношениях с ключевыми значащими фигурами Другого и Своими, то есть определенную систему репрезентаций, чувств и стратегий, закодированных в значениях, оценочно маркированных и нагруженных определенными функциями *образах*, с которыми носитель идентичности соотносится и идентифицируется. Совокупность текстов, составляющих *Сказание*, должна обладать сущностными характеристиками эпopeи, как их сформулировал Бахтин: опора не на личный опыт, а на национальное предание; направленность на «национальное героическое прошлое», как на «мир начал и вершин национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир первых и лучших»; чувство абсолютной эпической дистанции, которая обуславливает конститутивную авторскую установку на благоговение потомков перед недосягаемостью этого центрального и временного уровня (Бахтин, 1975:456).

В этом смысле представляет интерес работа болгарского исследователя Н. Аветова «Национална митология и национална литература». В ней он рассматривает структуру болгарской мифологии, систему мифологических персонажей и архетипов, этапы эволюции болгарской мифологии, а также раскрывает логику ее развития на уровне человеческой ментальности, в качестве ядра болгарской мифологии выдвигает миф о похищенном сокровище и исследует основные варианты этой мифологической схемы в болгарском фольклоре и литературе. Безусловно, ценной для нашего исследования в работе Н. Аветова является обобщенная схема болгарской мифологической системы, которая позволяет при разработке содержания по родной литературе контролировать уровень необходимого и достаточного в представлении фольклорного или литературного материала, соотносить акценты в дидактической разработке того или иного произведения с его местом, функцией в системе.

Н. Аветов подчеркивает наличие нескольких вариантов национальной мифологии и существование нескольких тенденций в культуре Болгарского возрождения, ядра которых расположены в различных культурных пластиках и базируются на различных представлениях о прошлом, «славном» и основополагающем для культуры будущего. По сути, речь идет о нескольких идентификационных моделях, имплицитно или эксплицитно представляющих свои варианты национального мифа и значимых травм в национальном сознании, свои представления о границах этноса и знаках принадлежности к нему: 1) направленная на античность и представляющая собой попытки раскрыть

точки соприкосновения между этническими компонентами болгар как славянского народа и классической древностью; 2) акцентирующая внимание на реконструкции славянской древности; 3) настаивающая на индоевропейских корнях болгарского этноса. Основной тенденцией, которая помещает болгар в Библейскую систему координат и связывает их с общностью христианской цивилизации, представляет собой «История славяно-болгарска» Паисия Хилендарского, которая в то же время содержит в зародыше остальные тенденции.

По мнению Н. Аревова, в законченном виде мифологическая структура представлена в творчестве И. Вазова. Она свободна от некоторых радикальных мифологических элементов, встречавшихся в других вариантах «новой» мифологии, и бесконфликтно сочетается с историческими мифами и сказаниями, в частности о жертвоприношении и о похищеннем сокровище.

«Выбирая» подходящий вариант мифологии для болгар диаспоры, следует учитывать, что после Освобождения в 1878 г. векторы развития болгарского этноса в метрополии и в диаспорах стали разными (подробнее см.: Рацеева, 2001), соответственно, кроме региональных, появились другие идентификационные маркеры. Это, безусловно, должно найти отражение в содержании родной словесности для бессарабских болгар прежде всего дискурсивно. Так, например, если болгарский фольклор и фольклорные практики – это, бесспорно, мир болгарской вечности, а история и культура болгар до Освобождения и для бессарабских болгар по праву может называться «наша», то тексты, отражающие культурные и исторические события после Освобождения и до наших дней, воспринимаются бессарабскими болгарами уже как история Прадорины, история болгар из Болгарии, а не как мифология своей общности. Структурируя содержание родной литературы для болгар Молдовы, очень важно найти верную точку отсчета.

Эволюция культуры, смена этапов ее развития (традиционный-индустриальный-постиндустриальный) отделяют сегодняшних школьников Республики Молдова от культурных эпох, в которых создавались классические произведения болгарской литературы, понять суть которых можно, только воспринимая их культурообразно, через специально настроенную оптику восприятия: Сказание об истории своего народа и своей общности, об особенностях быта и Бытия, о духовности и ду-

шевности, об эволюции ценностного восприятия болгарами мира и себя в этом мире. В курсе родной литературы, на наш взгляд, учащиеся должны изучать этнические ценности не как нормы или предписания, а как знания о системе координат, в которой жили их предки (а также герои литературных и фольклорных произведений), при обязательном праве на личностную оценку относительно валидности тех или иных традиционных ценностей в современной жизни. Родную литературу следует изучать как единство культурных идеалов и ценностей, единство культурной традиции и таким образом обеспечивать ее трансляцию, интерпретацию текстов, включенных в стандарт и программу.

Структурируя идентификационный комплекс и определяясь в стратегии представления материала, мы исходим из того, что основу болгарской ментальности составляют миф о похищенном сокровице и миф о бессмертии, ритуал жертвоприношения и идентификация через страдание (Л. Бумбалов, Н. Аревов, Н. Чернокожев и мн. др.).

Для развития этнокультурной идентичности в школах Молдовы с болгарским контингентом учащихся основными компонентами содержания по болгарской литературе, которые могут обеспечить необходимый и достаточный уровень представленности основного ядра болгарской коллектиивной когнитивной базы – precedентные тексты, ситуации, высказывания и имена (Красных В., Гудков Д. 1997) и очертить контуры болгарской этнокультуры как совокупности символов, культурных героев и ритуалов (по Хоффстеде, 2001), проявляющих этническую ценностную систему во времени и пространстве, являются болгарские фольклорные и литературные тексты, созданные в метрополии и в диаспоре. Они должны быть сгруппированы в следующие ключевые макротемы:

Сказание – сведения о возникновении и развитии общности, об испытаниях, через которые она прошла, о ее героях и их подвигах, о страданиях, которые общность пережила и о травмах, которые после них остались. В литературных текстах, наряду с отражением исторической судьбы болгар метрополии, в достаточной мере должно быть представлено переселение и Бытие в диаспоре. Совокупность текстов должна быть ориентирована на «национальное героическое прошлое» как на «мир начал и вершин национальной истории, мир отцов и родоначальников, мир первых и лучших» (выделено нами – Е. Р.)» на «абсолютной эпической дистанции» (Бахтин, 1975:456). Опора не на личный опыт, а на национальное предание обуславливает

конститутивную авторскую установку на благовение потомков перед недосягаемостью этого ценностного и временного уровня (Там же).

Душевность – кроме информации об этническом болгарском мифологическом и сказочном пространстве с его героями, правилами, необходим достаточный фольклорный и литературный материал для моделирования образа этнокультурной личности на основе типологии болгарских культурных образов, формирующих представление о культурном многообразии и вариативности типов и для осмыслиенного преодоления стереотипов;

Другость – материал для осмыслиения тождественности и другости болгар-переселенцев через маркеры идентичности, содержащиеся в литературных текстах, созданных в диаспоре; материал для осмыслиения общего и различного с ключевыми значащими фигурами *Другого* во времени и пространстве; материал для выявления и осмыслиения общечеловеческих ценностей через сопоставление с фольклорными и литературными произведениями молдавской, русской и др. культур соседних этносов; материал для восприятия и анализа предпочтительных моделей общения, взаимоотношений болгарина с другими;

Родина и Прапордина – материал для осмыслиения выбора предков, для осознания ценности своего пространства в современных условиях и в историческом дискурсе.

Далее мы кратко раскроем некоторые необходимые аспекты этих базовых компонентов и представим наше видение организации «центров» в содержании макротем *Сказание*, *Душевность*, *Другость*.

Опираясь на выводы Н.Аретова, мы уже упоминали, что творчество Ивана Вазова представляет собой законченную мифологическую структуру. Эту мысль поддерживают и другие болгарские литературоведы: «Във Вазов българската култура намира автора, който да скрепи символно целостта на българския свят, да го въ-образи и предложи желани и престижни модели на колективна идентификация. Вазов конструира разказ за националната съдба като му придава последователност и обрати, откроява сублимни моменти - по всички закони на условността. Всяко събитие е ословесено, усвоено в езика, става притежание на колективната идентичност. Българинът се сдобива с исторически разказ, конструиран като висока литература, предлагащ му процедури на престижна идентификация (Русева, Конструирана идентичност: <http://liternet.bg/publish2/vruseva/identichnost.htm>). Обозначим основные

причины, которые дают нам основание, моделируя *Сказание* для бескарбаских болгар, предпочесть именно вазовский подход к художественной интерпретации истории.

Творчество Вазова обладает теми сущностными характеристиками эпопеи, как их сформулировал М. Бахтин (Бахтин, 1975:456). Личная биография и творчество по праву вписывают Ивана Вазова в контекст болгарской культуры как патриарха, свидетеля-очевидца и летописца болгарской истории. Его трактовки и оценки выдержали испытание временем: актуальность и воспитательный потенциал произведений Ивана Вазова ни разу не были поставлены под сомнение, хотя школьные программы по болгарской литературе неоднократно пересматривались с точки зрения различных идеологий. «Его творчество – это настоящее болгароведение, верховная цель которого – показать Болгию самой себе и всему миру... Его художественное сознание работает с подчеркнуто народностными категориями. Он стремится раскрыть не столько сердце отдельного человека, сколько сердце своего народа...» (Цанева, 1995:5, а созданные Вазовым образы бабы Илийцы, дядо Йоцо, Апостола, и др. «воплощают собой нравственно-этические эмблемы Болгарии» (Велкова, 1997:211).

Само понятие *болгарин* у Ивана Вазова «расширяет свой смысл этнической принадлежности и наполняется подчеркнуто нравственным содержанием» (Цанева, 1995:78). «Засега ще ти кажа, че съм българин, и добър българин», – так гарантирует свою порядочность герой романа «Под игото» (Вазов, 1993:22), причем и для героев и для самого автора это звучит убедительно. Такого рода идейные послания родной словесности для потомков болгар-переселенцев, на наш взгляд, представляют очень ценный воспитательный и идентификационный ресурс.

Изначально творчество И. Вазова мотивировано глубокой убежденностью, что «история народа – это зеркало, которое объясняет настоящее и отражает будущее» (Вазов, т. 5, 1975: 545), что народ без памяти неполноценен и что первостепенной задачей писателя является художественно документировать события, факты, имена родной истории и народное к ним отношение. Изначально поставив перед собой главную цель – стать летописцем болгарской жизни, он в своем творчестве отразил ее основные моменты: жизнь «под игото» и после Освобождения – быт, душевность, ценности, проблемы и модели сосуще-

ствования с другими, мотивы и героику национально-освободительной борьбы и т. д. По его произведениям можно реконструировать социальную структуру общества и получить целостное представление о взаимоотношениях между его различными слоями. Изображая жизненное многообразие своих героев, он формирует взгляд на национальный характер: вазовские персонажи дают возможность составить типологию болгарских характеров, болгарских героев, болгарских пейзажей и т. п. Его роман «Под игото» (в котором главным героем является собирательный образ болгарского народа), названный «краткой энциклопедией жизни болгар» (Цанева, 1995:59), ярко отразил народопсихологию болгар этой исторической эпохи (там же); цикл од «Епопея на забравените», в которой автор представляет типологию героев и подвигов Болгарского Возрождения, где он не просто передает историческое содержание этой эпохи в титанических образах, картинах, прозрениях, но через постоянную аналогию с именами и событиями мировой истории и культуры вписывает болгарскую историю в пространство и систему координат всемирной истории. Учитывая сложность и неоднозначность истории этого периода, можно согласиться с суждением, что Вазов убедительно иллюстрирует мысль Аристотеля о том, что поэзия в сравнении с историей шире, более серьезно и более философски постигает характер исторических эпох и их героев (Мутафчиева, 1981:177).

Мировосприятие повествователя в его произведениях максимально приближено к народному: «...Аз плаках, аз трептях с душата на целия народ и всичко това изразих в моите песен». Рассуждая о способе отражения исторических фактов в своем творчестве, И. Вазов признает, что хочет «быть "documente", насколько это возможно», но строго объективному реалистично-документированному типу отношения к фактам однозначно предпочитает поэтический подход, трансформирующий хронику в легенду и миф. По его мнению, социальная миссия поэта заключается не в том, чтобы иллюстрировать события, а в том, чтобы преподавать духовные уроки родовой памяти, потому что литературные мифы, воплотившие в себе судьбоносные мгновения и ценности национального Духа, имеют чудодейственную силу откровения ... (Вазов, т. 5,1975:545).

Таким образом, основу *Сказания* о болгара до переселения в курсе родной словесности для болгар Молдовы должны составить произведения Ивана Вазова, сумевшего создать «удивительный синтез ус-

ловно-обобщающего, метафорично-символического и достоверно-реального» (Велкова, 1997:220), отразившего в своих творениях историю народа как «хронику и экзистенцию, летопись и творчество одновременно», в которых удивительным образом историческое сливается с легендарным, превращаясь в идеальный миф болгарской культуры.

Центром кристаллизации макротемы, раскрывающей душевность и этнический характер болгар, на наш взгляд, должен быть фольклор, собравший за многие века образы, ситуации и формулировки, отражающие многомерно и типологически болгарские представления о порядке вещей и об этнокультурной системе, выведененные в основание типологии ценностей. Ключевые герои болгарского фольклора как символы тех или иных этнических ценных качеств очень содержательно выводятся в диалог культур и в сравнении с героями русских, молдавских и др. фольклорных или литературных произведений проявляют и общечеловеческое и этноспецифическое содержание. Дополняет представление о болгарском модальном характере и типичном болгарском мировосприятии творчество Елина Пелина, – «реалиста без химер» (Игов, 1991: 200). Специфику жанра рассказа у Елина Пелина болгарский литературовед Светлозар Игов определяет как «рассказ с объективной эпичной мерой, в которой жизнь рассказывается как бы сама собой», а повествование ведется практически без вмешательства повествователя (Игов, 1991: 212.). Его герои дают возможность узнавать болгарскую этничность как особое чувство мира, позволяют приблизиться к внутренней стороне традиционной болгарской культуры, почувствовать бытие болгарской души с ее экзистенциальными надеждами, радостями и отчаянием; составить представление об иерархии болгарских ценностей. Представление о болгарской душевности обретает свои контуры через изучение фельетонов и повестей Алеко Константинова, проявляющих опыт болгарина в восприятии и оценке Других культур - Европы и Америки, а также показывающих болгарина как неразрывное единство и противоположность образов Бай Ганьо и Счастливца, выходящих в диалог с фольклорным героем Хитрецом Петром и проблематизирующих болгарский модальный характер.

Следующей содержательной опорой для формирования у болгар Молдовы этнокультурной идентичности средствами родной литературы, на наш взгляд, является творчество Йордана Йовкова, эстетическая концепция которого построена на культе трех абсолютов –

Красоты, Любви и Добра (Русева, 1998). В частности, она проявляется в произведениях из цикла «Старопланински легенди», которые справедливо называют «болгарской Библией» (Игов, 1991: 393), где герои с болгарской ментальностью постигают абсолютные измерения общечеловеческих ценностей, где мир болгарской старины представлен на расстоянии «абсолютной эпической дистанции» (Бахтин), где на перекрестке судьбы герои выбирают свой путь, и этот выбор, мотивация превращает их в легендарных, исключительных, потому что они, преодолевая в себе несовершенное, постигают свою истинную сущность и превращаются в идеальные образы.

В других своих произведениях Йордан Йовков словно уравновешивает «Старопланински легенди», показывая уже не эти общечеловеческие ценности в легендарных измерениях, а живые образы красоты и силу ее воздействия («Албена»), милосердия и сострадания («По жицата»), альтруизма («Серафим») из реальной болгарской жизни: обычные пастухи и земледельцы предстают как люди, способные понять другого с его радостями и горестями, возышаясь до символов милосердия и прощения, справедливости и смирения, понимания труда как закона человеческой жизни. Герои этих произведений логично дополняют представление о болгарском этнообразе, которое формируют произведения Ивана Вазова и Елина Пелина.

Литературные тексты на родном языке, созданные в диаспоре, отражают тождественность и другость болгар-переселенцев. Они представляют собой важный материал, который должен быть органично представлен в содержании курса родной словесности, имеющего важную задачу адекватного и полноценного развития этнокультурной идентичности как составной части Я-концепции современного школьника. Эту базовую опору необходимо представить подробнее, учитывая то, что эта литература еще не нашла достаточной и необходимой рефлексии в литературоведческой и методической науке и сама по себе вызывает научный интерес, в том числе и как система маркеров идентичности болгар-переселенцев и, соответственно, как идентификационный ресурс для сегодняшнего поколения болгар-переселенцев. Представим эту литературу в нескольких аспектах: в какой мере она этнична, соотносится ли с общеболгарской литературной традицией, каковы ее дидактические возможности.

Анализируя с хронологической точки зрения литературу на болгарском языке, созданную в диаспоре, следует отметить, что, прежде всего, это межвоенная литература и творчество современных бессарабских авторов: сознательные усилия потомков болгарских переселенцев (Мишо Хаджийски, Никола Фуклев, Дмитрий Марков, Александр Власов, Иван Мавроди, Александр Кетков, Никола Шимов, Алекси Величков и др.), направленные на то, чтобы при помощи болгар-эмигрантов утвердить полноценную и многожанровую литературу и литературную критику на болгарском языке в 30-е годы и, в основном, поэтические рефлексии современных болгарских бессарабских авторов (Петр Бурлак-Вылканов, Мишо Бычваров, Нико Стоянов, Георги Барбаров, Таня Танасова, Тодор Стоянов и др.) начиная с 1967 года (сборник П. Бурлака-Вылканова «Моята южна равнина») и до сегодняшнего дня.

Межвоенная литература на родном языке, созданная в СССР потомками болгарских переселенцев, насчитывает, согласно библиографическому указателю (Жендова-Христова, 1983), два литературных альманаха и 16 авторских книг, написанных местными болгарскими писателями. Относительно эстетических качеств этой литературы отметим, что ее трудно воспринимать вне рамок своего времени. Речь идет не только о слабости и беспомощности первых литературных опытов советских болгарских писателей и поэтов, а о типичной ситуации для советских национальных литератур, создаваемых в соответствии с идеалом времени «национальными по форме и социалистическими по содержанию». Эти произведения изначально запрограммированы в большей степени как советские, чем болгарские, что является непосредственным результатом воздействия идеологической системы, агрессивно и разрушительно повлиявшей на всю внутреннюю структуру этносов (подробнее см.: Рацеева, 2004: 119-130).

Мишо Хаджийски является, возможно, единственным автором в диаспоре, чье творчество можно назвать болгарским не только из-за формы (языка), но и потому, что содержательно его творчество соотносится с болгарской повествовательной традицией и его произведения очевидно проявляют *personalia ethnica* таврийских болгар и их социально-антропологические ценности.

Его новеллы, рассказы и очерки оживляют время и создают живое и полнокровное представление о болгара диаспоры. Заглавия очерков словно структурируют подробное сказание о жизни и проблемах бол-

гарских переселенцев: «Бежанци», «Селата в степта», «Размирни години», «Училищата», «Държавният театър», «Книжнина», «Бит и песни». В своей совокупности его произведения позволяют реконструировать этнический хронотоп болгар-переселенцев, комментировать особенности их менталитета, иерархию социально-антропологических ценностей и т. д. Кроме этого, его творчество представляет серьезный интерес благодаря художественной ценности литературных произведений.

Изображая человека внутренне целостным, отражая без дистанции национальную и социальную природу своих героев в будни и в праздники, автор в своих творениях детально воссоздает их быт, проявляющий еще фольклорный уровень сознания общности. Вместе с тем при очевидном содержательном сходстве фольклорного и обрядного в повествовании Мишо Хаджийски и болгарских бытоописателей (Тодор Влайков, Цани Гинчев и др.), его произведения существенно различаются по энергетике и функциональности. Писатель не пытается скрывать патриархальность своих героев, как это было принято в его время. Он не дистанцируется от них, никак не противопоставляет себя им и общности, что проявляется в том, насколько гармонично и естественно этническое – и как сюжет, и как элементы – присутствует в литературном тексте Мишо Хаджийски.

Для нашей работы важны выводы, к которым привел анализ произведений Мишо Хаджийски (Рацеева, 2004) с точки зрения содержания, особенностей жанра, поэтики и ценностей: при несомненно болгарской основе его творчества они отражают «диаспорную» идентичность, которая «представляет собой процесс категоризации и оценки, который касается не только членов диаспоры, но и общества исхода и проживания» (Попков, 2003). Специфическим для творчества Мишо Хаджийски является удивительно гармоничное сочетание нескольких традиций, так или иначе противопоставленных друг другу в болгарской литературе. (Рацеева, 2004) Таким образом сознательная установка автора на этническую идентичность и в форме и в содержании отражает реальность: как *свое* принимается и аккумулируется болгарское во всем его многообразии без региональных культурных или языковых, диалектных фильтров.

В своей совокупности рассказы М. Хаджийски о переселенцах представляют собой эпический сказ, где оживает эпическое *абсолютное прошлое*, которое, как мы говорили, «замкнуто в себе и

отграничено непроницаемой преградой от последующих времен, прежде всего от того вечно длящегося настоящего детей и потомков, в котором находятся певец и слушатели эпopeи» (Бахтин, 1975:456): «Горди, сурови хора са живели в ония далечни времена, и се чудим на делата им, и се маяме, и не знаем на добро ли било всичко или на зло. Но и то отмина като облачни сенки, и няма такива хора нито в Таврия, нито в Болгарско, нито във Влашко или Богданско!» (Хаджийски, 1994:180).

Особенность концепта *Родина* для современных болгар Молдовы проявляется в несовпадении и несинонимичности понятий *Отчество* и *Родина*, наличие структурного компонента *Прапордина* и специфической взаимозависимости с концептом *язык*. Необходимый и достаточный материал для осмыслиения этого сложного концепта содержит стихотворения поэтов из метрополии (Иван Вазов, Кирил Христов, Елизавета Багряна и др.) и диаспоры (Таня Танасова, Тодор Стоянов, Петр Бурлак-Вылканов, Нико Стоянов, Георги Барбаров и др.), организованные в виде своеобразного диалога. Суть этого диалога своеобразно передает название стихотворения Нико Стоянова о переселении «Из Отчизны на Родину» или заглавие стихотворения Петра Бурлака-Вылканова «България – моята втора майка». Образ родины в стихотворениях и прозе бессарабских болгарских поэтов связывается с Буджаком, его природой и людьми, к примеру эссе Георгия Барбарова «Завръшане». Они очень естественно соотносятся с образами родного в произведениях молдавских авторов (см. стихотворение «Дома» Василе Романчука). И в этом смысле данный материал важен для осмыслиения исторического, этнического, культурного и регионального компонентов идентичности и для формирования ее как тождества и различия в их сложном диалектическом единстве.

При культурообразном изучении родной литературы возможно развивать этнокультурную идентичность болгар Молдовы как естественную основу для формирования поликультурной личности, поскольку именно в литературе, и во многом благодаря литературе, происходит постепенная концептуализация важнейших культурных категорий, антиномий и оппозиций, иными словами, констант культуры. Особенно если при изучении в литературных текстах актуализировать важнейшие культурные концепты, определяющие базовые характеристики национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Аретов Н. Национална митология и национална литература // <http://litternet.bg/publish8/naretovnacionalna.htm>
- Асман Я. Културна памет. Изд. Планета З. 2001.
- Баптист Х.П. Образоването в многокултурното общество. – Отворено образование, № 2, 1995;
- Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа). // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, С.447-483.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров. 2-е изд. М., 1986.
- Библер В. С. Понятие культуры. Культура как общение культур. Мир впервые // От научения — к логике культуры: Два философских введения в двадцатый век. М.: Политиздат. 1991. С.288-302
- Бондаревская Е. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростов. пед. ун-та, 2000.
- Бумбалов Л. „Хаджи Димитър“ на Ботев. Феноменология на българската душевност., С.1996
- Вазов Ив. Събрани съчинения в 22 тома. Т. 8. София, 1976,
- Волкогонова О. Д. Татаренко И. В. Этническая идентификация и искушение национализмом // Мир России, 2001, № 2.
- Велкова А. «Миттворчество в разказите на Иван Вазов» в «Критически текстове за Христо Ботев и Иван Вазов». В-Т., Слово, 1997
- Демирева К. Обучението по български език и литература в Молдова // Български език и литература, 2002, № 1.
- Елиаде М. 1994: Митът за вечното завръщане. София, 1994.
- Елиаде М. 1998: Сакралното и профанното. София, 1998
- Игов С. История на българската литература 1878-1944 , София, 1991
- Кауненко И. Психологические особенности этнической идентичности подростков в Республике Молдова: проблемы и перспективы (на основе социально-психологических исследований).// *Moldoscopie (Probleme de analiză politică)*. – Revistă științifică trimestrială. Chișinău: USM, nr.1 (XXXII), 2006. С. .36-66.
- Красных В., Гудков. Д. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 3. 1997
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Семиосфера. — С.-Петербург: «Искусство—СПб», 2000
- Мутафчиева В. За българската национална митология. // Септември, 1981, №11
- Полков В.Д.Феномен этнических диаспор. М.: ИС РАН. 2003
- Рацеева Е., Кара Н., Демирева К. Български език и литература. Учебник за 9 клас, Chișinău, Cartier, 2002.
- Рацеева Е. В. Относно етнокултурните особености на бесарабските българи.// Литературата, София, 2001.
- Рацеева Е.В.Писателят Мишо Хаджийски // Българите в Северното Причерноморие. Изследване и материали. Том 8. В-Търново 2004, Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий». С.119-130.

- Рацеева, Е.В. Сорочину Е.С. Учител - речевой партнер // Словесник Молдовы, 1993, № 2. С.12-14.
- Стоилова Е. Българският език в чужбина: основни аспекти при преподаването.// Болградската гимназия. София, КПЦ «Васил Априлов»,1993. С. 273-278.
- Рацеева Е.В. К проблеме изучения образа Другого через литературу (На материале болгарской главы в учебнике «Узнаем лучше друг друга») в сб."Educație interculturală în Republica Moldova" изд. «PRO-DIDACTICA», Chișinău 2003
- Русева В. Конструираната идентичност. // Култура и критика. Ч. III: Край на модерността?, LiterNet, 07.05. <<http://litternet.bg/publish2/vruseva/identichnost.htm>> (07.05).
- Стоянова Е. История одного языкового острова (1861-1983). Письменность болгарской диаспоры на Украине в социолингвистическом и стилистическом аспекте. София. В-Търново, 1997;
- Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания. М. 1989.
- Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. 1998.
- Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М. 2000.
- Хаджийски М. Пуста чужбина , София , 1994.
- Хофстеде Х. Култури и организации: Софтуер на ума. София. 2001
- Цанева М. Иван Вазов.Творчески портрети. София..Просвета. 1995
- Чобанов Г. Символичната родина. За преподаването на българска литература сред бесарабските българи. // www.online.bg/kultura/my_html/2030/b_bes.htm
- Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристические и исторические мифы, идентичность и этнология // Ресальность этнических мифов. М., 2000. С. 12 – 33. <http://www.carnegie.ru/tu/pubs/books/volume/36534.htm>

Емилия ТАРАБУРКА
Молдовски държавен университет

«ЧУЖДЕНЕЦЪТ» В КОНЦЕПЦИЯТА ЗА ЧОВЕКА НА
Й. РАДИЧКОВ И Й. ДРУЦА

Й. Радичков, както и И. Друца, се нареждат сред най-известните фигури в литературното пространство на България и Молдова. Опитът да се анализира в сравнителен план творчеството им е продуктивен по няколко причини. Двамата писатели произхождат от народи, които в общи линии са преминали един и същи исторически път от мъглата на вековете до днес. Творчеството им предлага възможността да се проследи индивидуалният подход, по който едни и същи изменения в социалната среда и в психологията на хората от различни страни са възприети и възпроизведени с помощта на специфически литературни средства.

И още един немаловажен момент: макар Молдова и България да притежават сродни черти и като историческо, и като литературно (най-вече след освобождението от турското робство) развитие, досега научните интереси проявяват повече внимание към първия аспект, докато вторият селимитира с единични разработвания на отделни проблеми (с изключение на фолклора).

По-задълбоченият компаративен анализ на творчеството на Й. Радичков и И. Друца, ситуиран, когато е възможно, върху по-широката основа на националната и световната литература, е интересен като отваряне голямата тема за съвременните българо-молдовски литературни връзки.

От цялото им литературно наследие ще изберем един аспект – виддането за чужденца – като емблематичен за общата им концепция за човека.

Нужно е да се отбележи, че Радичковия и Друцевия «чужд» е различен от «Чуждия» на Камю. Друцевото творчество изобщо няма допирни точки с философията на екзистенциализма. Радичковото, и

да демонстрира подобни настроения, то не е в смисъл на метафизическа самота. Но и според неговото видждане за живота (задълбочило се особено след «Ноев ковчег») днес личността все повече губи връзките си със света, а самият той остава непознаваем («... макар и да живеем в градината на живота, нямаме ключ от нея»)¹, дори абсурден. Все пак, и да е по-близо до Камю, акцентът се поставя не толкова върху абсурда, колкото върху бунта. Той се проявява в живота въпреки, в подвига на Сизиф (А.Камю «Митът за Сизиф»). Непосредствено в писането получава реализация чрез многобройните повтори (възвръщання), колкото на конкретно-събитийно, толкова и на общоконцептуално ниво. Абсурдът се преодолява чрез действието, смисълът се придобива и от осъзнаване на безсмислието. Макар черказщите му и да не се извисяват до решаване на екзистенциални проблеми (и тук е ясно очертана границата между повествователя и героите).

Все пак в трактовката на «чуждия» Й.Радичков, както и И.Друца, е по-близко до конкретно житейския, а не екзистенциалния смисъл на понятието «чужденец».

За основния Радичков герой чужденецът е друг, защото е непознат. Представата му за него е много обща, често пъти неадекватна, в зависимост от конкретните случаи, когато са общували или просто са се срещали. Освен това, традиционното съзнание доказва стремеж към етноцентризъм: съди другия според собствената си мярка. Тоест за основно (добро, правилно) се взима познатото, своето (като практика, светоусещане, житейска философия), а всичко останало се налага към вече установеното. По този начин, основният метод за опознаване и разпознаване на чуждото е сравнението му със своето. Така например, както Заяко, така и цялото селце съдят за Америка по най-простия начин – по единствения достъпен за тях експонат, отпращащ към тази страна. Свойствата на конкретния обект, в този случай гаширизона, се уголемяват до ролята на обща представа за един друг начин на живот, частта субституира цялото. Притежавайки гаширизон, човекът вече може да си позволи да твърди, че познава Америка, дори да разсъждава по повод особеностите на националната ѝ политика. Героят обаче никога не губи нишката за сравнение със своето. И както се оказва, то го привлича много повече от чуждото, защото и да е просто или дори грозно, то е по-трайно и по-истинско, такова, каквото е наистина, а не създадено за красота и впечатление.

В писцата «Суматоха», разказвайки приказката за умрялата лисица, Шушляка съчинява един модел на поведение, който според

него би съответстввал на представата за чужденеца. Основната конструкция се гради върху сигурността, че те са различни: («(не) са като нас прости»²). Затова и се налага нашата волска кола да бъде сменена с техния автомобил. И посрещането на жената му ще е различно, и самата тя ще се различава от нашите жени. Защото, продължава нишката на историята си Шушляка, макар и те да имат същите неща, както иниче «Ама те ги по' имат»³. Ако надникнем зад хумористичното наслаждение, дори само въз основа на този случай може да се щрихира общата представа на простия човек за чужденеца: затворен в пространството на собственото си село той не го познава, («Мигар и други народи имат кучета»); малкото нещо, което е чул за него само дразни любопитство му и му предоставя широко поле за работа на въображението.

Сравнявайки българското с чуждото, авторът създава общата концепция за «нашето», като запазена идентичност, неповлияна (още) от налагашото се отвън. По този начин героите му намират основните различия в това, че «нашето» макар и да е по-неподредено и по-бедно, е по-естествено и по-витално, дори (макар да звуци парадоксално) по-свободно от чуждото.

По силата на историко-политическата конюнктура и на по-изявеното предпочтение към анализа на подобна тематика, у молдовския белетрист най-честите чужденци са руснаците, румънците, украинците и турците. Всички те, явно или тайно, имат за цел да напомнят за загубената родова общност и наложеното различие. В творбите му дори мимоходом няма да срещнем скандинавци, италиянци, германци (за последните – освен в конкретния контекст на войната). Вероятно, този детайл е знаков, като указател за по-затворения характер на системата (Молдова в сравнение с България).

Особено място в разработване въпроса за чужденците заемат пътеписите. Подобни творби са написали и двамата белетристи. И макар този жанр да предполага повече документализъм, нито Й.Радичков, нито И.Друца не следват буквата на канона. Пътеписите им са своеобразна сплав на конкретни житейски наблюдения и художествена фикционалност; «документът» е основата, върху която се напластват безброй разсъждения, лирически и алгоритически отстъпления, спомени, аналогии и обобщения, въображаеми картини и т.н.

Повествователят – «пътешественик» (който по-скоро прилича на традиционния, а на «сантименталния пътешественик» на Стърн) на извървява пътя от своето към чуждото и отново към своето. Той е от

типа на Одисей, който винаги се стреми да се върне в родната си Итака. Освен това, чужденецът (а именно в тази роля се намират и молдовският, и българският писатели в пътеписите си) обръща внимание в наблюденията си на моменти, които остават незабелязани или просто подминати от вътрешната позиция на представителя на дадената култура. По този начин, чуждите наблюдатели реализират така наречения ефект на отстранението, известен още от философските новели на Волтер.

У Й. Радичков, макар и «Неосветените дворове», и «Малка северна сага» да са опити за опознаване на северния човек (в сравнение с южния – българина), руснаците от Сибир и шведите са доста различни и като еволюция, и като световъзприятие. Първите са още деца на природата, вторите – краен резултат на съвремената цивилизация.

Вероятно, една от причините да пише за Севера и неговите хора се корени в авторовото предпочтение към анализа на типа човек, съхранил детето в себе си, запазил традицията на предците си и живеещ по естествените закони на природното развитие. По този начин, истински чужди са шведите, докато северянците от «Неосветените дворове» предоставят обширен материал за наблюдение на «детскостта», като етап в развитието на човешката история. Самата концепция за Сибир у Радичков предполага диалектично възприятие: от една страна това са необятните простори, съхранили белези, подсказващи за хилядолетна култура, а от друга – това са хора, съумели да запазят детското си възприятие. Може би именно в подобен тип световъзприятие белетристът намира модела за запазване на изконото; тук истинският смисъл на нещата още не е изкривен или скрит под слой от новомодни напластвания, а хората са такива, каквито са: добри по природа, силни, свободни, по детски непосредствени, не страдащи от чувство за самота, дори ако наоколо километри наред няма друг човек; душевните им знаци се разчитат лесно, защото не познават още превземките на цивилизацията. В общилинии, философията на живота им може да се определи като мъдър примитивизъм (първичност). Северът интересува българския белетрист и като още една възможност да разбере по-добре собствената си родина (както оригинално обобщава Б. Ничев «черкезкият меридиан минава през Сибир»)⁵, началата на историята и народопсихологията й. Един от общите моменти и в двата случая е духът наnomadството: още запазен в Сибир, но загубен като практика, обаче съхранен в етнодуховността на българите.

Както обяснява героят – повествовател в «Неосветените дворове», ако в България би подминал, като вече познати много от нещата, срещнати на Севера, тук всичко събужда любопитството му, защото предполага, че дори под привидното подобие се крие различество. Съществува и друго, не по-маловажно, обяснение: ако все пак, се наблюдават и тъждествени черти, тогава би било интересно да се разбере как при толкова голямото различие в общата организация на нещата, се намират подобия на по-интимното, човешко ниво. По този начин авторът изоставя ролята на страничен наблюдател и се превръща в съ-чувстваш пътешественик, предразположен да види и опознае възможно повече, за да доближи до собствените мисли и сътива онова, което по отношение към него на пръв поглед изглежда непознато и друго. Така, макар и да пише за Севера, винаги когато е възможно, споменава и България. В резултат се създава впечатление, че запознанството със Севера служи за по-добро опознаване на България. Основното им различие се състои, общо казано, в размерите. Но макар на Север разстоянията да са огромни, а на юг изобщо да не се усещат, пространствените измерения често са обратно пропорционални на духовните. На Севера границата между хората е напълно заличена, в България – загубена или още съхранена, в зависимост от това колко дълбоки са връзките с традиционното световиждане.

Освен за руския, Й. Радичков пише и за така наречния европейски, по-цивилизован север – Швеция. Основното качество, характеризиращо обитателите му е самотата. Според авторовото виждане – всеобхватна и доминираща живота им изязло. По този начин, и да притежават обща географска основа – севера – Сибир и Швеция характеризират различни култури. Първото е началото, второто – краят; първите са отворени към света, не познават самотата, за вторите тя е основен белег във взаимоотношенията им. Макар че много неща ги сързват: за разлика от другия вариант на цивилизацията – същната, «стара ... Европа»⁶ шведите, като и северянците, са по-спокойни, по-мъдри и по-вгълбени в себе си, по-търпеливи и по-деликатни, уважават чуждото, дори ако не го приемат. Според авторовите наблюдения основното, характеризиращо шведите качество, е все по-задълбочаващото им се отчуждение. Тук всеки стои на стража сам до себе си. По правило, човекът не се интересува от друг човек, дори той и да е съседът му. Нещо повече, смята се за нарушение на морала да се навлиза в чуждо лично пространство. Така се оформя една

система, при която всеки човек по отношение към останалите е друг (сравнение със сибиряните, където «други» «няма») и не предприема никакви усилия, за да преодолее тази стена. Това е модел на съвременната цивилизация. Може би на залеза ѝ. След запознанството с подобен тип хора остава впечатление за тихо, спокойно угасване.

За България други (още или вече) са колкото сибиряните, толкова и шведите. Ако използваме като основа за сравнение етапите на еволюцията, тогава първите фиксират времето до , а вторите – след състоянието, в което България се намира в момента.

Наред със западните, Радичков понякога споменава и източните народи, съхранили по-силно връзката си с миналото. В този смисъл най-често се апелира към китайската, монголската и японската култура и светоусещане: кога в полушеговита, кога в неутрална интонация, но винаги с високо оценяване на хилядолетната традиция, запазваща и до днес една «детска» философия.

За българина изобщо японецът, монголецът са някои доста далечни, но за Й. Радичков те са близки като чувствителност. Предположението се гради въз основа на концепцията му за човека, гравитираща към източния тип отношения, възприемащи личността преди всичко сред и чрез други, за сметка на западния, автономизиращ и абсолютизиращ отделния индивид. Пред модерния западен индивидуализъм, самота и студенина Й. Радичков предпочита привидно по-примитивния, детски – източен поглед върху света, смятайки че Изтокът е съумял да запази онова, което на Запад вече е изчезнало. България, като страна на кръстопът , е още в стадий на изгубване. Въщност, чрез цялото си творчество Й. Радичков се стреми да предотврати не обратимостта точно на този процес.

Друцевите пътеписи представляват своеобразни ескизи за прибалтийските републики. Освен чисто формално – по обем, те се различават от Радичковите по структура: по правило са центрирани около едно сюжетно ядро. А в останалото – и българският и молдовският писатели използват един и същи ключ – възприятието на другого чрез аналогии с вече познатото, когато присъствието на чужденеца служи за по-добра идентификация на собственото, на «каз»-а; асоциативното мислене, когато едно сякаш незначително наблюдение (човек, явление, настроение и др.) става повод за пространни разсъждения, за създаване на цяла философска пирамида. И двамата белетристи са на мнение, че само чрез запознанство с различното е възможно истинското движение, преминаването на границите и диалога със света.

Намирайки се сред северни народи, и Радичков, и Друца обръщат основно внимание на почти едни и същи характерни за тях качества, стигат до удивително близки по концепцията си изводи. Както шведите, така и прибалтийците са предразположени към усамотяване. Според И. Друца това се проявява дори във факта, че по прибалтийските земи могат да се срещнат множество села, състоящи се само от една къща. Както и шведите, прибалтийците държат на самотата си, пазят я от чуждо посегателство. А може би в действителност те и не са напълно самотни: в «Утвърждане на разума» авторът отбелязва, че човекът, познаващ и почитащ корените си, поддържащ връзката с миналото си, никогда няма да е напълно самoten. И първите, и вторите са мъчалив народ. Дори тогава, когато нарушаат самотата си, предпочитат, все пак, да са сред своите, а не сред чуждите. Присъствието на последните ги притеснява и нарушава вътрешното им равновесие.

Интересно е, че освен Русия, Румъния, Украйна, Буковина, (или ако се възприеме заедно с Молдова – Бесарабия) и Турция най-често (относително, разбира се) споменатата от И. Друца чужбина е България. Вероятно тази картина е резултат от водената по онова време чуждестранна политика. Така, например в «Последният месец на есента», мислейки за чужбината, където би могъл да полети със самолета, бащата споменава само две страни : Румъния и България.

В Друцевите творби България присъства или се подразбира

1) – в общия контекст на Балканите; 2) – самостоятелно.

В първия случай, по правило, се прибягва към:

а) историческия; б) другите (условно определени така) аспекти.

1; а) най-вече присъства в романа «Бялата черква» в контекста на руско-турската война. Така например, във форма на бегъл екскурс в историята се споменават битките при Шипка и Плевен и европейският им резонанс.

1; б) по принцип, се работи с асоциативно-психологическата характеристика. Акцентите в този случай падат върху обобщената представа за балканския характер. Най-често се наблюга върху така наречения южен темперамент с някои от по-изявните му черти⁷. По този начин, и Молдова и България (като част от балканското семейство) се обединяват в едно неразделно цяло.

2) Конкретното назовани «България», «българи», «българско» се използват както и в предишния случай при анализа на историческите и «други» аспекти. Сега обаче по отношение към втория вариант най-

вече би могло да се говори освен за асоциативни паралели, за зародиши на общи разсъждения за живот. Така например, в новелата «Камбанарията» Хория споменава неотдавна прочетено историческо изследване, в което се твърди, че българите са могли да издържат векове робство и защото са се хранели предимно с фасул. Сторилото му се тогава необичайно твърдение, днес му предлага възможност за подобни наблюдения и в молдовски контекст: ако се приеме, че всеки народ си има хляба за черните дни, тогава за молдовците това ще е мамалигата, царевицата⁸.

Ако И.Друца понякога в различни произведения споменава България и българите, то Й.Радичков макар и да се обръща само в една от творбите си към Молдова и молдовците («Неосветените дворове»), картиите му са по-самостоятелни, акцентите – по-дълбоки, с опит да се проникне в същността на нещата, за разлика от молдовския белетрист, който апелира към този момент само във връзка с другите, като допълнение към друга водеща тема.

В пътеписната книга «Неосветените дворове» най-често споменатите чужденци са молдовците. Й.Радичков задълбочава този акцент няколко пъти: например, споменавайки пилота, с когото трябвало да летят на юг, молдовски българин, който «един много стар каравеловски език»⁹ им разказал различни истории, така че пътниците да забравят за сковаващия гистуд; «молдовански българи»¹⁰ ще срещне още веднъж в пътуванията си в лицето на петимата мъже, идващи всеки сезон от Молдова на Север да ловят риба.

Интересно е да се проследи какво представлява според Й.Радичков молдовският национален характер. В «Неосветените дворове» протагонист му е вездесъщият Политаев. Той е от типа действен човек, който навсякъде по света ще намери неща, предназначени да му напомнят за родината му. А самата тя, Молдavia, във възприемането му е опростена до структурата: «редливиadi, ред гора, после река, после пак ливади, пак гора и прочие»¹¹. Политаев е човекът, който не приема потенциалното наличие на «другия». За него всеки непознат веднага се превръща в приятел, с когото е готов да раздели всичко свое. Такъв модел на поведение предполага отвореност към света, диалогичност на всички равнища, липса на тайни и недомълвки. Молдовецът е човек, за когото движението и контактността са в кръвта му. Може би, и той е наследил нещо от древнотоnomадство със стремежа му към постоянна смя-

на. За Радичков тази черта предполага не толкова липса на корени, колкото способност да се приспособява навсякъде. Стига да се намери никакво общо звено (дори въображаемо, а природата е толкова разнообразна, че по един или друг начин ще го предостави), и всяко чуждо пространство се превръща в свое. Затова той и не страда от болестите на цивилизацията: не познава самотата, несигурността и отчуждението. Свободен от бремето на интелектуалното съзнание, той не се терзае от глобални въпроси и не търси задължителни отговори. За него светът е прост. Макар и да предпочита движението пред покоя, Политаев не бърза за никъде, знае, че всеки път си има начало, там, откъдето е тръгнал, и край, там, където ще стигне. А че ще стигне няма съмнение.

В общи линии именно такъв е Радичковият Политаев. Все пак, макар и да носи истински черти на националния характер, този тип в по-голямата си част е резултат на авторовото въображение.

Да не забравяме и това, че Й.Радичков му е придал черти от собствената си концепция за човека, основната сред които е детският поглед към света, смятайки може би, че в Бесарабия (чрез повишаване на инстинкта за самосъхранение от опасност да не бъдат асимилиирани от чужда (най-вече руска) култура) по-добре, отколкото в България е успял да се съхрани не само каравеловският език (за етническите българи), но и черти от традиционното патриархално светоусещане (за всичките, живеещи тук).

ЛИТЕРАТУРА

¹ Радичков Й. Ноев ковчег. С., 1992. С. 228.

² Радичков Й. Суматоха. С., 1982. С. 29.

³ Пак там. С.19

⁴ Пак там.

⁵ Ничев Б. Черказкият меридиан минава през Сибир // Ничев Б. Национална съдба и литература. С., 1968. С. 112.

⁶ Радичков Й. Сива сърна. // Радичков Й. Малка северна сага. С., 1980. С. 114.

⁷ Druță I. Frunze de dor.-În: Druță I. Scrieri. Vol. 1.Ch., 1989. P. .395; Druță I. Biserica ală-.În: Druță I. Scrieri. Vol. 3, Ch., 1990. P. 50 §.a.

⁸ Druță I. Clopotnița.- În: Druță I. Scrieri.Vol. 3. Ch., 1990. P. 390.

⁹ Радичков Й. Неосветените дворове. С., 1969. С. 197.

¹⁰ Пак там. С. 230.

¹¹ Пак там. С. 96.

Надежда ПОЛАЗ-КУЛА
Научно дружество на българистите

**ПРЕДСТАВА ЗА РОДНОТО В ТВОРЧЕСТВОТО
НА ХУДОЖНИКА И ПОЕТА ДИМИТЪР ПЕЙЧЕВ**

«За да възприемете пълноценно твореца Димитър Пейчев, - според Д. Михайлов, - е нужно да се слушат три неща. Те са стъпалата за влизане в неговия храм. Първо трябва да го чуете... После трябва да видите неговите картини... И тогава вече може да четете поезията му...»¹ За съжаление, не всички имат възможност лично да го познават, за да чутят словото му, но чрез негови интервюта, печатани във периодичния печат е налице една духовно богата личност. Целта на настоящето изложение да се откроят общите мотиви в художественото (живописта) и поетическото творчество на художника и поета Д. Пейчев. Да се проследи как авторът открива Родното за себе си, по какъв начин и с какви средства.

Темата за Рода и Родината и Прародината е особено актуална в бесарабската литература. Нейната актуалност идва от съвремието и от историческата ситуация. Отрязан от корените си, от историческата Родина, бесарабският българин до неоглавна имал само възможност да говори на български (на битово равнище), да спазва традициите и обичаите, за да се съхрани като етнос. Д. Пейчев е сред хората, за които думата Род, Родина не са празни звуци. Той засма особено място в творческата плеяда на бесарабските творци на художественото слово. «В него са се съюзили живописецът и поетът, пластикът и психологът, за да се отворят пред читателя необозримите бездни на човешкото подсъзнание и мистиката на непознаваемото.

Четката на художника рисува разнообразни картини, представени в различни техники: графика, станкова живопис и др. Пред нас са основно неговите графики - останалото, можем да видим в ателието му, на излож-

би или в частни колекции. Част от художественото му творчество (предимно графика) е представено в дебютната му книга «Завръщане», (излязла във В. Търново 2004 г. първо издание и 2005 - второ, разширено и допълнено издание). Перото на художника и поста е обхванато основно от една тема - живота в Бургаска степ. Роден в българско село, възпитан и израсъл в духа на българските традиции, творчеството му е напоено от български дух. Сред любимите му мотиви са: жената, като символ на красотата и жената, като майка; селянинът в празници и делници с по-малките му братя - животните: конете, овцете, петелът... Всички те са неразделна част от Бургаската степ - Родината на художника и поета.

Жената е тази, която вдъхновява и окрилява, не само художника и поета, но и всеки човек. Жените на Д. Пейчев (говорим за рисунките в книгата му) са представени в национални носии: пребрадени, закичени, с ред мъниста, с широки поли, най-често боси или с цървули - живи образи на българската традиция. Тези жени са запечатлени основно в движение, на колесница, до кладенеца или в танц, на хоро, което говори за виталността на образите, близостта с живота. Стиховете представлят жената като видение, като сън, «мелодия от тъньк смях», косите ѝ раззваят вятърът в небето, а в стълките се чува песен. Тя е неговата муз, при вида на която творецът се връща към младостта, тя е «хубавата Яна», «роза цъфнала в гърдите», «със очики на сърничка».

Особено място в творчеството на Д. Пейчев заема образът на майката (най-често повтарящ се образ у бесарабските поети). В книгата тя е ярко представена от два големи портрета с название «Тварница» и «Старушка». Едната е в пълната си младост, облечена в празнична носия, съответстващата на българската традиция - забрадка, сукман, на шията ред мъниста с маҳмуд ии. Погледът ѝ е устремен в далечината, замислен и тъжен. На другата - виждаме старица, облечена в тъмно, поела пътя, вероятно при сина си, натоварена и прегърбена. Лицето на жената не се вижда, но можем да предположим, че е какърна. С този щрих завършва книгата.

Образът на майката в стиховете му прелива от синовна обич, уважение и тъга от раздялата. В «Писмо до мама» лирическият герой води разговор с майка си чрез писмото. Препрочитайки старите й писма препълнени с многобройните новини от село, запознаваме се с безпокойната, грижлива, дълбоко религиозна майка. Спомените отнасят в далечното детство на поета, «от майчина песен унесен,/ от края забравен донесена...» («От обич буджакска съм станал...»: Ела, съньо, от горичка,

изземи Митко за ръчичка, та го хвърли в пъстра лулка-а-а-а-а-а... (Завръщане) Авторът рисува особено отношение към родното. То е традиционно българско. Дори най-малката подробност от портрета на майката, жената, селянина, говори за етническата му принадлежност: било то дрехите, предметите на бита, обкръжаващи бащина къща, оръдия на труда, постъпките, речта или песните, дори жестовете - всичко побира в себе си думата Родно.

Един от любимите му сюjetи - това са конете, символ на красота, грация, свобода. Теса намерили място в неговите зарисовки «Мой Буджак», «Бургуджи», «Кружевна колесница», «Очарованый странник» и др. Конете в Буджака са също и главни помощници при тежкия земеделски труд на селянина. Но са и част от поетичното му вдъхновение: «В зимен сън потънал спиши, мой Буджак.», «Отново натирен...», «Нощта ме гали и приспива...», «Нижкат се ноши безънни...», «Юздите ми даде на коня крилат.», «От обич буджакска съм станал...». Във всеки от тези стихове пряко или косвено е възлят образът на това благородно животно.

Петелът е другого животно, което често се повтаря в живописта на художника. Неговият образ винаги присъства на веселба. А и без него не минава нито една бесарабска сватба. Тук представа пред нас български обичай: сватбарите танцуваат с бъклища вино, закичени с цветя, а над всички най-високо кукурига петелът, известявайки цялото село за добрата новина.

За да разгледаме, осъзнам и прочетем неговите картини, както и стиховете му, ^ е необходимо време и особено настроение. Всеки прочит на неговите стихове дава различни усещания и представи за поетичното и изобразителното изкуство на човека, израсъл в Бургаската степ, сред българските седянки, хора и сватби. Колкото повече препрочиташ творбите му, толкова повече виждаш тази всесотдайна любов към родното - бащата и майката, къщата, селянина и неговите по-малки братя - животните. От биографията на художника знаем, че за разкриването на поетическия дар е послужила внезапната смърт на баща му. А магическата им сила се засилва от неговите картини.

Първото стихотворение, поместено в дебютната книга на Д. Пейчев «Завръщане» е покрито от някаква мистика:

През черните врати
изведоха овцата
и двата тъмни мълчаливи силуета
посече бавно

есенният дъжд.
 Прозорчето ни малко,
 замъждено,
 изтрявах петгодишното аз.
 И взирах се в покорната земя.
 И чух зад себе си
 въздишката на баба.
 Избля овцата.
 И силуетът ѝ черен
 отдалеч се тихо,
 слят с нощта.

Каква е тази овца? Какви са тези «двата тъмни мълчаливи силуести» - мистика, завоалирана в черно. На фона на тъмната къща прозират образите на бабата и внучето. Само, познавайки биографията на автора и историята на живота на бесарабските българи, тази мистика ще се превърне в реалност. Става дума за страшните гладни години през 1947-48 г.

Като илюстрация към това стихотворение и следващото, е необходимо да се върнем назад, да прелистим страницата. На тази страница е изобразена къща с отворени врата и прозорец, чрез които прозира тъмнина. Уж нищо особено не се вижда, обаче ефектът на гледката е необикновен. Намираш се на границата между двата свята — сякаш си вътре в къщата и в същия момент отвън. Такава илюзия създава прозорчето отгоре и вратата, която по стар обичай се отваря навътре. Тази граничност размитост на образите, преливането на цветовете е характерна за творчеството на Д. Пейчев. Това е състояние на душата, присъщо на твореца. За да разгледаш някакъв силует, неговите очертания, е необходима особена концентрация. Изцяло книгата му основнѣ илюстрирана в черно-бели Цветове. Най-често срещаните образи са българите в Буджака, в процес на работа или веселie. Темата за Рода и Родината проличава от първите стихове и рисунки с образа на бащината къща. Най-често тя е опустяла, останала без близки родни хора. «Завръщане» е ключовото стихотворение на стихосбирката, даващо название на й. Пред нас е представена традиционна картина на завръщането на блудния син. В къщата няма никой - единствените жители това са паякът, мухата, провираща се през вратата котка и два портрета на стената. Лирическият герой се завръща в опустялата къща, спомня си всяка подробност от интериора ѝ, пред него изплуват образите на майката, пееща при-

спивна песничка, бабата, молеща се пред черната икона и нейното малко сандъче - символ на паметта, което събрало в себе си цялата българска традиция: ...и килими, и гердани, царски рубли и гердани, рокли тънки и месали, шапки дядови от слама, чак на дъното - коприна, тънко везана, постлана... Паметта в поетическото творчество на Д. Пейчев играе огромна роля. Неговият лирически герой с помощта ѝ се пренася във времето. Като нейни помощници са и снимките, които изплуват пред нас една след друга. Цялото поколение стои пред читателя:

Разсейано дълго се взираам,
 мъждукат душите познати
 на вуйчовци, сваковци снажни,
 от времето приказно пратени...

(«Аз старите снимки обичам...») Представата за Родното в творчеството на поета-художник е не само любимата жена и майката с нейните пристивни песни, родната къща със цялата покъщнина и Буджака с препускащи в галоп коне, но и България - Прадината, с величието на цар Борис («Покръстени сме с пръстите на Царя...») и с безсмъртния подвиг на Ботев («Сирени, сирени се чуват отново...»). Тя е част от неговия живот:

«...дете на българи, избягали от турските кланета,
 аз прародината си нося като кръст в сърцето -
 и тя все още като сълнце ще ми свети...»

(На Костадин Мавров) Благодарение на нея бесарабският българин живее и продължава напред и нагоре.

А влиянието на българската литература като една част от Прадината ще намерим в стихотворението «В едно далечно прашно лято», което много напомня разказа на Елин Пелин «По жътва». Въщност, пред нас е представен само финалът от разказа, видян и предаден от един поет-художник. Разликата е в това, че сюжетът е пренесен в други географски реалии - в Буджака, в бесарабско село: погребват хубавата Елена (у Е. Пелин това е Пенка), най-красивото момиче в селото. Така както при Е. Пелин \У хората и природата скъсят по починалата. Така и тук много експресивно е предадена тъгата за Елена. Тя е много впечатляваща и заради това, че «хубавата Елена» е родната леля на автора. Споменът от далечното детство, дълбоко се е запечатал в паметта на петгодишното момче.

Поетическото творчество на Д. Пейчев разкрива един душевен свят, изпълнен с болка и тъга по напуснатите роден дом, семейство, близки и приятели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пейчев Д. Завръщане. Велико Търново. 2005.
2. «Роден край», бр.42, 19 октомври, 2002.
3. Георгиев Н. Анализ на лирическата творба. София. 1994.

Лилия ХАНГАНУ

Институт за литература и фолклор при АНМ

ТЕМАТА ЗА БОЖЕСТВЕНОТО ДЕТЕ В БЪЛГАРСКАТА И РУМЪНСКАТА ТРАДИЦИОННА КУЛТУРА

Събития и преживявания през дългата епоха на османското робство на Балканите – политически и икономически гнет, жестокостите и насилията на потисниците, страданията и мъченията, на които е било подложено балканското население – остават дълбоко запечатлени в съзнанието на народните маси като една от най-тъмните страници в историята.

От хуманна гледна точка тази апокалиптична действителност от история на човечеството издига, според М. Елиаде, една от най-ужасните социални проблеми – темата на историческото зло. А по-точно - „злото,“ което е свързано не със състоянието на человека, а с неговата дейност“. «Бихме искали да знаем, например, - продължава авторът, - как могат да се изправят и оправдават страданията и заличаването на толкова народи, които страдат и изчезват по-простата причина, че се намират на пътя на историита, че се оказват съседни на империи с постоянна разширяваща се експансия и така нататък. Как да се оправдае, например, фактът, че Юго-източна Европа е трябвало да страда в продължение на векове и затова е трябвало да се откаже от всякакви претенции за висше историческо съществуване, да отстъпи от духовното създание в световен мащаб - поради единствената причина, че се е оказала на пътя на азиатски те нашественици, а след това е трябвало да просъществува в съседството с Османската империя?» (Елиаде, 1994, стр. 172).

Ако историческият спомен запазва в своите архиви конкретни дати и събития, свързани с физическото истребление на балканското население по времето на османското робство, фолклорното историческо наследие проектира тази трагедия в други темпорални измерения. Категориите –

мит, архетипове, езикови формули и символи – се преплитат семантично в един своеобразен мистично-религиозен симбиоз за моралното и духовното безсъмъртие на тези народи.

Надникнем ли бегло в българското фолклорно наследие, картината за османското нашествие е ужасяваща. Появата на турците в българските села и градове предизвиква навсякъде страх и паника: «дебестаро, погубиле, дебемладо притупкале». Жестокостта им е беспрепределна: «- Какво е чудо станало / на Розенския камен мост: / двеста са моми изклали / и триста момки избили, / петстотин гроба станали. / Кога събота додеше, / петстотин свещи горяха, / петстотин майки плачеха, / плачеха и нареждаха» (Янков, стр. 70-80).

Народната болка за масовото физическо унищожение на населението излиза извън географските граници на България. Трагедията е общобалканска: българите пеят в техните песни за същата участ, сполетяла и съседите отвъд Дунава:

Разбягала са е Влашката земя,
Влашката земя и Богданската-
И Богданската, сичката Доброжа.
Кой горе ходи, кой долу бега
От люти турци, страшни маджари.
Стари сечеха, млади робеха,
Млади девойки отбор вземаха,
Та ги правеха млади робини,
И млади момчи отбор вземаха,
Та ги правеха все яничере.

(Миладиновци, стр. 124).

Тематиката на балканските исторически песни за османското нашествие е обширна и многоаспектна. Както отбелязахме, трагичните епизоди за физическото изтезаване на хората изпъкват на преден план. В този смисъл събирателният образ на българина балканджи Йово, който не дава сестра си на турците и понася с достоинство всички истезания – остава без очи, без ръце и без крака – придобива духовната сила на разъннатия Христос (Романска, 1969, стр. 117).

Немаловажни са и други реални исторически спомени: отвлечане на млади момчи и девойки в робия, смяната на християнската вяра и др. П. Динеков подчертава, че тези аспекти изразяват «дълбоката трагедия на нашия (български - бел. на авт.) народ, от чиято среда са откъсвани

в течение на векове най-добрите му чеда, за да бъдат превръщани по-късно чрез турския фанатизъм в негови най-големи врагове и потисници» (Динеков, 1990, стр. 540).

Друга категория народни балкански песни проектира историческата действителност за османското нашествие в сферата на митология и езикова семантика, разкривайки в този смисъл своеобразни следи на древните традиции.

По този повод ще напомним за известния балкански епически мотив – «три синжира роби», който обединява, включително българска и румънска традиция. Песните разказват, че Крали Марко вижда как гората е изсъхнала, тъй като чрез нея са преминали керваните от отвлечени моми, млади невести и юнаци. Всеки синжир от роби споделя с природата своята мъка. Момците тъгуват за земеделската работа: «... Тез наши църни биволи, / прегнати, неразпрегнати, / кой ли ще да ги разпрегне? / Тез наши църни угари, / орани, недоорани, / кой ли ще да ги иззоре? / Таз наша бяла пшеница, / сеяна, недосеяна, / кой ли ще да я досее?». Майките заплачат за техните невръстни деца: «... Тез наши дребни дечица, / сутрин без майка станали, / за майка плачат и питат». Когато девойките плачат за изгубената младост («... Тез наши тежки дарове, / ткаени, недоткаени, / белени, недобелени, / кой ли ще да ги изткае, / изткае, още добели?»), гората превива своите върше и им мете пътя (Романска, 1969, стр. 116; Динеков, 1990, стр. 542; СБНУ, 53, 1971, стр. 849-850: библиография и тематика).

В румънския фолклорен ареал темата е известна под название «Молдовян Доброжян», «Георге Витязу» (Amzulescu, vol. I, 1964, pag. 144, nr. 63; Fochi, 1975, pag. 111, nr. 18; Гацак, 1973, pag. 70). Адр. Фоки отбелязва, че и у румънците, и у българите тези песни са родени в сходни социални условия и се намират в тясна генетическа връзка.

В края на песните главните герои – Крали Марко, Молдовян Доброжян, Георге Витязу – тръгват по пътя на керваните и освобождават плениците от турското (татарското) робство.

Сходството между тези две традиции изтъква още Б.Н. Путилов върху основа на редица български и румънски варианти във връзка с баладите от цикъла «Гора и роби» и «Татари и роби» (Путилов).

Посоченият фолклорен мотив, известен в юнашките балкански песни и като «Крали Марко освобождава три синджира роби», се влива, според мнението на Р. Иванова, «в общия поток на културно-историческия процес, който бележи борбата на всички тези общности против

чуждия поробител, против нашественика и врага като обобщаващо понятие» (Иванова, 1995, стр. 57). Съвременните български изследователи отбелязват високохудожественото значение и многослойни семантично-художествени похвати, които съдържат този тип песни. Т. Ив. Живков, например, смята, че тези творби представляват в най-висока степен усета на самия народ за неговото историческо безсмъртие (Живков, 1987, стр. 208).

Големи научни спорове и дебати в балканската фолклористика предизвиква и конкретния образ на Крали Марко като събирателен прототип на героя-освободител.

Б. Н. Путилов нарежда образа на Марко като художествен тип в категория на юнаци и герои от епоса на другите народи. В резултат на смесването на различни традиции този «образ-прототип» получава завършен епически израз на народните въззрения и исторически опит от времето на турското иго (Путилов, 1983, стр. 175).

В. М. Гацак отбелязва, че силата на древната традиция придобива чрез образа на Марко своеобразен синтез на архаични безименни герои (Гацак, 1975, стр. 132).

Българските етнолози (М. Арнаудов, 1968, стр. 512-513; П. Динеков, 1990, стр. Й. Холевич, 1868, стр. 15, и др.) предполагат различни становища относно появата на Крали Марко в юнашките и историческите песни. Р. Иванова го смята в най-висока степен «българско» явление в балканската етнология (Иванова, 1995, стр. 58).

Сложният образ на Крали Марко заинтригува учениците от митологичния пласт. М. Елиаде разглежда героя амбивалентно: като конкретна историческа личност и митологичен архетип. Авторът отнася феномена «Марко» към примерите на една и съща «примитивна» онтологическа концепция – имитация или повторяне на един архетип. Чрез подражание на архетипите «човекът е проектиран в митичната епоха, където архетипите са били открити за пръв път». От тази гледна точка народната памет прояснява изцяло историческата личност на Крали Марко в света на митология, или «построява нова биография според нормите на мита» (Елиаде, 1994, стр. 48-55).

Нямаме за цел да цитираме и други научни мнения относно образа на Марко като балканско явление. Един пълен и обстоен анализ по този въпрос дължим на Р. Иванова (монографията «Епос, обред, миг»), която, всъщност, ни послужи за научна обзорна информация. Ще акцентираме само изводите на авторката, че Марковият цикъл е многослоен, а най-древен пласт –

митологичният – включва «мотиви и сюжети, които дължат своето съществуване на даден митологичен архетип» (Иванова, 1995, стр. 21).

От тази гледна точка темата за Крали Марко и робите, които той ги освобождава от турци, татари, латинци или други завоеватели, отговаря на събирателните образи на архаичните «културни герои». Самите поробители могат да бъдат интерпретирани като една сравнително късна алегория на митологичния «противник». Успоредно с този сценарий стои и традиционната битка между Марко и други чудовища, известни в балканския фолклор под форма на триглав дракон, юди, хали или змии като конкретни символи на световния хаос. Както отбелязва М. Елиаде, схемата напомня известните архетипни модели на Индра, Траетон, Херакъл и др. архаични герои (Елиаде, 1994, стр. 56).

Освен традиционния сценарий на древните ритуали за инициация (модел, за който споменаваше още Ж. Дюмезил), битката на културния герой срещу триглаво чудовище (alias: завоеватели, нашественици и т.н.) запазва и друго смислово значение. Според М. Елиаде, от космологична гледна точка в много други традиции самият дракон символизира «инволюцията, начина на съществуване, преди Светът да добие форма, неразчлененото «Едино» преди Сътворението», т.е. пълният Космически Хаос (Елиаде, 1994, стр. 56). Включен в митичния сценарий за «възраждане на време», този акт, подчертава авторът, предполага всички възможни форми на Възраждане на време – било «година, Нова година или космогония». В архаичните средновековни традиции този преход от Хаос към Космос е бил реактуализиран чрез известния мит за смъртта и възраждането на боговете на растителността – Атис, Тамуз, Озирис, Дионис и т.н. (Една обстойна реактуализация на този мит дължим на Дж. Фрайзър в томовете на «Златната клонка»).

Успоредно, продължава М. Елиаде, непрекъснатото обновяване на времето в архаичните цивилизации е било свързано и с «луния мистицизъм». А самите лунарни митове, отбелязва с пълно основание авторът, представляват «цялостни теории» във връзка със смъртта и възкресението, с плодовитостта и прераждането, с инициациите и т.н. (Елиаде, 1994, стр. 100).

В тясна връзка с мистическото циклично схващане за смъртта и възраждането на времето се намира и мотивът за Божественото Дете, който звучи с пълна нагласа в друга фолклорна тематика около турското рабство на Балканите, а именно – известните български и румънски балади за майката, принудена да се откаже от собствената си ръба.

Митическо-ритуалният сценарий за Божественото Дете, оставяно от родителите и от хората, но облaskanо и отгледано от природа, животните и Всевишните сили, може да се проследи като се започне от ведическа (Индра), иранска (Мардук), египетска (Ра), гръцка (Зевс, Херакъл) традиции и да се стигне до християнската религия чрез образа на Иисус Христос. Символ на непорочност и чистота, свързан с митологичното време на човечеството преди да испадне в грях, Божественото Дете се идентифицира със образа на « Световното Дете » - Сънце, който ще възприеме върху себе си функциите на демиурга и на културния герой. М. Елиаде отбележава, че самият сценарий носи предимно егейски характер и заема централно място в архаичните култове на Великата Майка (2, 1992, стр. 264).

Произходит и распространението на тази архаична тема е анализирана в колективната монография на К. Керени и К. Юнг (1994). Авторите разглеждат сценария на нивото на една « съвременна » митология в гръцката, финската и християнската религиозна мисъл.

Предполагаме, че темата за Божественото Дете в историческите песни на балканските народи представлява същата аrena за спорове и научни дебати, както и дискусии около образа на Крали Марко. Естествено, от съвременна научна мисъл трудно е да се съди доколко се запазват архаичните следи от сценарията за традиционните културни герои, боговете на растителността и лунарните митове в историческата памет на балканските народи, изразена чрез този тип народни творби. Още повече, като неоспорим факт за съвместното етнокултурно единство може да послужи и тракийското наследство. Без да претендирате на един пълен и изчерпателен анализ на дадената тема, ние предлагаме само опит да надникнем в света на дадените балади.

Присъствието на архаичния символ на Божественото Дете във фолклорната поетическа творба за майка, която напуска собственото сидете, включва обширен географски ареал. Още Б.Н.Путилов обръща внимание върху този цикъл песни в българска, румънска, сърбска, хърватска, моравска народна традиция и ги присъединява към песните за Крали Марко и три синжира роби (Путилов, 1965, стр. 40-43). Авторът не изключва вероятността, че българските балади представляват един от най-старите пластове в балканския ареал. Относно румънските паралели, цитират се само някои фрагментарни примери от сборниците на К. Брилою, Гр. Точилеску, И.А. Кандря, Ов. Денсушану, като се акцен-

тира, че люлчината песен на младата майка с пожелание дъждът да окъпе своето дете, вътърът да го полюе и кошута да го подои, напомня близо еквивалентния откъс от българската балада « Робиня и Стара планина ».

Извън цялата трагична атмосфера на баладите, българските варианти запазват в контекста си и никаква идеализация на майката. По национално потекло тя е « бяла българка », « бяла тракийка », « влашка влахиня », « виша гъркиня ». Придружението епитети « бяла », « виша » придават ѝ един висок сакрален статус. По този начин главната героиня кумулира висшите женски достоинства на всеки народ поотделно.

Забележителен е и нейният висок социален статус. Робинята не е просто една обикновена селянка, а « руса девойка – попова щерка, / попова щерка – кралова сноха » (Примовски, 1968, стр. 50) или « ... попова снаха, / попова снаха, дяку невеста » (Романска, 1969, стр. 117).

В някои варианти робинята се намира сред дългия керван от роби:

« Задали са са тихове прахове,
след праховене – три синжира робе,
най – напред върви руса Русанка...
послед ги кара турчин сейменин.
Турчин на Руска тихо говори:
- Ой Руско, Руско, попова щерко...
хвърли си Руско, малото дете,
ще те продадем за мома място.
(Примовски, 1968, стр. 50).

Както в историческите песни за три синжира роби и в този случай « гората » и « планината » представляват общ символичен код, където се развива действието на сценария.

« Турчин робиня по гора кара ,
той на робиня тихо говори:
- Робинчеце ле, ти, гола, гола,
Ти, гола, гола, ти, гладна, жъдна,
Фърли си, фърли мъжката рожба,
Дорде ти думам с добрата дума! ».
(БНТ, том 3, 1961, стр. 220).

Реалистичната картина на турската жестокост е покъртителна. Боса робиня с детето е подгонена от турчин, който

«... С кон я гази по бели пети,
с бич я бие по равна снага,
гази и бие и й говори:
« Я да си хвърлиш малко детенце,
па хайде напред роса отбивай,
да си не росят на коне крака».
(Миладиновци, стр. 194).
Във варианта на Ог. Дозон турчин кара робиня по
Стара планина:
«... лютот я кара по лютата слана,
бие я, бие по бело лице:
- Мари хвърли си мъжкото дете !»,
(Романска, 1969, стр. 117)

Робинята не иска да се раздели с детето си, то е било многожелано, дългоочаквано. Съгласно древните сценарии за появата на необикновените деца-юнаци и нейният син е роден след определено сакрално време:

- Кък да я фърля, като ми й мила:
девят съм година дича нямала,
сега десета година стана,
аз съм добила мъжка рожбица,
мъжка рожбица – мальк Иванчо !
(БНТ, том 3, 1961, стр. 220).

Друг път детето е било заченато след като майката е употребила различни билки:

« – Ой турчине ле, ты друга вяро,
как ще съм хвърлем малото дете,
га сам лижела девет години
и сам си пила билено,
та сам добила от сърце чодо,
от сърце чодо, от бога дарба «.
(Примовски, 1968, стр. 50).

В текста на Ог. Дозон мотивът за раждането на необикновеното дете е още по-изразителен:

« – А бре турчине, бре друга веро!
Как да си хвърлим мъжкото дете...
не съм родила девет години,
та па се пукна проклета пролет,

та па хокнаха клети биляре:
« Биле за глава, биле за рожба !»
Сека си даде златнио гердан,
та си купиха биле за глава,
ази си дадох златните гривни,
та съм купила биле за рожба,
та съм родила мъжко детенце».
(Романска, 1969, стр. 118).

Обикновено тук майката се прощава с детето.

Вългарските текстове:
«... робинка везе мъжко детенце,
та го отнесе на планината » (Романска, 1969, стр. 118).

« Тодорка, клета робиня,
влязла в гора зелена » (БНБ, 60, ч. 2, № 1265, стр. 506).
« Диня ми, черна робиня,
Вляла във козя пътека,
Де кон не може премина-
Невидима си станала,
Стигнала малка полянка,

При една скала висока... » (СбНУ, кн. 46, 1953, № 169, стр. 99).

В румънските песни формулата « Край гората » (« Pe sub poale de pădure ») придобива самостоятелен символически топос:

Foaie verde rugi de mure,
Pe din vale de pădure
Fuge o nevastă- n lume,
Alungată de bărbat,
C- un pruncuț nevinovat.
(Amzulescu, I, 1964, pag. 213).

Майчинските накити (било от злато, сребро или друг сплав) подчертават високия социален статус. Освен това, традиционно, тези елементи от женската материална култура се използват при различни магически въздействия, те се отнасят към сферата на чудесното, притежават уникални качества и различни фантастични възможности. Обикновено, в световните епически традиции културните герои получават пръстен, гердан, огърлица, забрадка, пояс или други подобни предмети от майка,

любима или стара жена. Както подчертава Б. Путилов, тези уникатни женски аксесуари свързват владетелите им с магическата сфера, но същевременно, те подчертават изключителността на героите, тяхната особена предназначеност и преемственост към архаичните традиции на богатирите (Путилов, 1988, стр. 124).

Ритуалната раздяла на майката с детето се разиграва почти винаги около някое дърво – поетически символ, свързан с мнозина архаични сакрални действия относно световното дърво като модел и център на света. В същото време този акт реактуализира и времето на първотворението (Елиаде, 1994, стр. 12-17; Топоров: Мифы, т. 1, 1980, стр. 396-406).

Самото понятие за божествена природа на този акт кумулира различни езотерически архаични концепции, свързани, според румънските изследователи, с дълбоки философски и религиозни понятия. Във връзка със символичното «изкачване на небето» Л. Блага, например, въвежда понятието за «иманентното», което се стреми биодуховно към небесата («*îmepnentul care urcă biospiritual spre ceruri*»).

Този митологически принцип може да бъде съзиран още и в трако-римската традиция, а самият феномен е наречен от румънските изследователи като «земното, което възхожда към божественото» («*lumescul care ascede spre divinitate*»). В подкрепата на дадената архаична концепция се привежда известното съобщение на Херодот за траките, които изпращали периодично един млад мъж на небето към Залмоксис, за да бъде оповестен за това, което става долу, на земята (Vulcănescu, 1987, pag. 357).

От тази гледна точка, «Детето» от българските и румънските балади кумулира общото понятие за духовното стремление на всеки народ към божествения свят, в момента на големи исторически катаклизми; в същото време, той може да се смята и като един праведник или земен пратеник към Всевишния, за да разкаже за трагедията, която е обхванала цялата земя, с цел да се промени съдбата на народа.

Символическият път от «земното» към «небесното» предполага различни изпитания.

Известен емотивът за зловещите птици, които разпокъсват тялото на детето. Когато майката

«... Обърнала се накрай гората,
та погледнала към бели габер:
та загледнала гарги - гарване,

де са стъпили на лулчицата,
та му пиеа църните очи
и му кинеа белото лице». (СБНУ, кн. XLVIII, стр. 74).

Съвременните изследвания върху общите семантични стойности в изграждането на образа на гарвана в етнокултурната традиция на българите и румънците отбелнязват една обща типологична представа, основана върху архаичните представи на народите, обитавали този регион на Европа от древността (Васева, 1998, стр. 89-109). Ако се възприема, че основният външен белег в символиката му е черният цвят, и българите, и румънците отбелнязват, в този смисъл, ролята му като злокобен вестител, носещ смърт и нещастия. Обикновено във фолклорната традиция на двата народа гарванът фигурира в редица митологически сюжети, свързани с войни, битки, размирици. Паралелно, народната представа свързва гарвана и с предите и отвъдния свят. И в двата случая гарваните се смятат за посредници, които могат да осигуряват връзката между хтоничното и ураническото (между «долния» и «горния» свят), да преминават границата между предите и боговете.

В този смисъл К. Леви-Строс изтъква, че тъждеството на гарвана като един от главните тотемни животни в широк географски ареал – от Азия и до Северна Америка – придава му качества не само на велик прародител или шаман, но и един от първостепенните образи в посветителните обреди на инициациите. Тези основни символични качества – тотем, шаман, инициатор, медиатор – позволяват му да осигури главната цел на мита: да разреши основните колизии в реалния живот (Леви-Строс, 1983, стр. 201).

В нашия случай гарваните разрешават основното противоречие между живота и смъртта на един етнос чрез символичната смърт и жертвоприношение на «Божественото Дете» към света на предите и духовното възраждане чрез пътя към божествения свят, към безсмъртието. Според текстовете, митологическия вертикален път е осигурен от символичния образ на всяко ботаническо дърво поотделно, като събирателен код на Световното Дърво, което се допира до небесата и по такъв начин става «митологическа идеограма на европейска езотерическа доктрина като космологически символ на възходящо движение на живота от земята към космоса» (Vulcănescu, 1972, pag. 35).

Румънците изграждат образно няколко типа природни майки.

Едната от тях е наречена Горската майка. За нея се споменава в един вариант, цитиран от Б.П. Хашдеу и поместен в сборника на И. Мушля и Ов. Бърля. Според текста, Горската майка живее в конурата на едно дърво и там отглежда отхърленото дете. Когато то пораства, научава, че родната му майка е кръчмарница на разбойниците и той ги изстрелва (Mușlea, 1970, pag. 55).

Ако се обърнем към народната психология на румънците, Горската майка носи предимно една отрицателна символика – изобразява се страшна, взима съня на децата. Същевременно, румънската традиция запазва и положителни конотации на този митичен образ. Наречена допълнително с различни апелативи - Чудото на Света (Ciuda Lumii, Mama Codrului, Mama Hiciului, Știma Pădurii, Vâlva Codrului) или Госпожата (Doamna) на гората, тя е господарка и пазителка на дърветата и билките и тъжно плаче, когато хората разрушават нейния горски свят. Облечена в дрехи от цветя и листа, Горската майка познава тайните на природното лекуване с помощта на билките, затова в тежките моменти майките я призовават на помощ. Освен това, тя е пазителка на животните и притежава един кон с девет сърца, с който се предвижва много бързо (Creatia, 1991, pag. 177).

Както посочва Л. Шъинеану, в Ардяли и Банат Горската майка е изобразена понякога като доброжелателна фея (Зъна), която напътствува изгубените деца в гората и ги въвежда на истинския път (Şăineanu, 1978, pag. 652).

Както изтъкват съвременните румънски етноложки изследвания, на тази географска територия е съществувал един древен матерински култ. Според Тр. Херсенъ, известните митологически синтагми, като Горската Майка, Майка на Дъжда, Майка на Цветята, Божа Майка означават в румънското традиционно мислене едно начало или произход. «Горската майка, - пише той, - има един архаичен характер, тя е майка на всичко, което съществува в планината, в гората и представлява всичко, което е материнско в тази зона (сърна, дива коза, мечка, заек), тя е божество – планинска майка, матерински принцип на планината, самата планина, с всички нейни превръщания. Само така могат да се обясняват някои вървания, които са битували до някое време, че Горската майка може да се превърне в различни животни» (Herseni, 1977, pag. 259).

Сигурно тези архаични реминисценции се запазват и в положителния образ на Горската майка от румънските балади за майката и детето. Още Тр.

Херсенъ, анализирайки митическия пласт на мотива за Божественото Дете от румънските коледни песни, отгледано от стихийните сили или една митична майка, предполагаше, че тази митема кодифицира в архаичното й ниво един дакийски мит за инициация, свързан с Великата Майка и детето й. Корените на този мит се крият още в неолитично общество и се основават върху приобщаването на младежите към сакралната същност на Божествената Майка, господарка на растителността и животните, символ на цикличното възраждане на природата (Herseni, 1977, pag. 175). Символично echo на този мит се запазва и във финалната част на румънските балади, където младият юнак, израснал сред гората, е наречен «горски син»:

Și-a crescut băiatul mare
Și fiu de codru se chemare.
(Folclor, 1993, pag. 308).

Предполагаме, че някои архаични елементи на този мит се запазват и в съответните български балади.

При финалната среща на Дамян с родната му майка, той ѝ признава, че е отгледан от гората:

«Дамянчо дума робиню:
- Робиню нипоробена,
Туркиньо нипутурчина,
Аз съм в гората пораснал,
Мен ме е гората гледала»
(СБНУ, кн. 27, № 215, стр. 305).

Може би някои атрибути на Великата майка като господарка на растителността съзирате и в други български текстове на баладата.

При раздялата Руска робиня оставя на сина сиедна вейка с пожелание:

«– На си ти, сину, суха вейчица,
Теб да е, сино, стара майчица;
Ага ми падна лягота сланица,
Теб да е, сино, чиста храница;
(СБНУ, кн. 2, № 11, стр. 137).

Според друг вариант на баладата, на прошаване майката подава на детето борова пръчка:

«Подаде му пръчка борина
И на Дамянчо думаше:
- На ти Дамянчо таз пръчка,

С нея да си заиграеш,
За мене като помислиш».
(СбНУ, кн. 26, 1912, № 72, стр. 84).

Най-съществена връзка с архаичните божества на растителността могат да се съзират и в символичния образ на детето Дамян, повит или превърнат в лоза. Според една българска версия булката Слава, изгонена от татари, подвързва люлката на сина си Дамянчо върху яворовото дърво с пожелание:

« - Да растеш, мамо, пурастеш,
Да станеш лоза червена,
Да родиш грозде винено,
От тебе грозде да ядат.

След време майката избягва от татарите и се връща обратно в гората. Тя намира Дамянчо превърнат в «лоза червена», която е «родила грозде винено». Дълбоко учудена майката възклицива:

«- Миленки, мами, Даменчу,
Каква й лоза червена,
Какво й грозде винено!».
(СбНУ, кн. 25, № 44, стр. 128).

Друг път робинята пожелава на Дамян да е повит от лоза:
«... Лозинка ще се развие
Дамянчо ще си повие».
(СбНУ, кн. 27, № 215, стр. 305).

Мотивът «Дете-Лоза» ни навежда да търсим някои паралели и в тракийското наследство, където е бил почитан Дионис, митическо божество на растителността и на виното. Още Дж. Фрейзер отбележаваше специфичната представа на Дионис като даймон на природата и връзката му с гроздето. Известно е, че древните гърци принасяли жертвоприношения и на «Дионис-дърво» или «Дионис в дърво». Той е бил почитан и като бор, смокиня (Frazer, vol. 3, 1980, pag. 197).

Същевременно, в архаичните традиции е съществувала връзката между гроздето и Божествените майки. Великата Майка е била наречена още и «Майка-грозде». Самото грозде в древността е било отъждествено със символиката на младостта, на вечния живот и безсмъртието (Chevalier, vol. 3, 1995, pag. 465).

Християнската традиция свързва този символ със образа на Христос.

В сравнително по-съвременна митологическа интерпретация духовната мисия на Божественото Дете е изразена чрез други символични аспекти.

Според едни български варианти, когато Руска робиня се връща при детето, намира го с книга в ръце:

« Чи си ми видя малото дете,
На стол седеше книга пеше».
(СбНУ, кн. 2, № 11, стр. 137).

Друг път при раздялата робинята е оставила писмо на сина ѝ, откъдето той е научил за произхода му и за пожеланието на майката да я освободи от рабството:

« Кога ме майка оставила,
Ситно ми писмо писала,
И го във люлка сложила;
Когато съм аз пораснал,
Че аз съм писмо научил,
Мамино писмо отчетох... ».
(Ангелов- Вакарелски, № 147, стр. 431).

Съществуват и варианти, където майката пожелава на детето да стане писар при царя, за да я освободи от турците:

« – Нани ми, нани, мамино чедо,
да даде господ да ми пораснеш,
да се научиш писмо да пишеш,
цар да те чуе, да та порука,
писар да му си на столината,
мама да чуеш къде е мама,
къде е мама- млада робинка,
да я отървеш от върли турци.
(Примовски, 1968, стр. 59).

Друг предполагаеми митологически аспект на Великата Майка, съхранен в румънските балади, е нейният образ на сакрална птица, която поема грижа за детето. Трудно е да се констатира дали в дадения случай се запазват древните следи на Деа-Птица, най-старо женско божество на природата от преарийската Европа, датиращо се още в палеолитика (по научните данни на М. Джимбулас, американска изследователка от естонски произход) (Gimbutas, 1989, pag. 70, 87).

ЛИТЕРАТУРА

1. Amzulescu Al. *Balade populare românești*. Vol. 1- 3, Editura pentru literatură, București, 1964.
2. Amzulescu Al. *Balada familială: Tipologie și corpus de texte poetice*. Ed. Acad. RSR, București, 1983.
3. Bilțiu P. *Poezii și povești populare din Țara Lăpușului*. Minerva, București, 1990.
4. Chevalier J., Gheerbrant Al. *Dicționar de simboluri, mituri, vise, obiceiuri, gesturi, forme, figuri, culori, numere*. Vol. 3 (P- Z). Editura Artemis, București, 1995.
5. Creația populară. Curs teoretic de folclor românesc din Basarabia, Transnistria și Bucovina. Col. de autori: Gr. Bostan, Gr. Botezatu, N. Băieșu și al. AŞM, Institut de Etnografie și Folclor. Știința, Chișinău, 1991.
6. Evseev Iv. *Dicționar de simboluri și arhetupuri culturale*. Editura Amarcord, Timișoara, 1994.
7. Eliade M. *Istoria credințelor și ideilor religioase*. Vol. 2. De la Guatma Budha până la triumful creștinismului. Universitas, Chișinău, 1992.
8. Fochi Adr. *Coordonate sud est europene ale baladei populare românești*. Editura ARSR, București, 1975.
9. Folclor din țara fagilor. Pref. Gr. Bostan. Hyperion, Chișinău, 1993.
10. Frazer J.G. *Creanga de aur*, vol. 1- 5. Editura Minerva, București, 1980.
11. Gimbutas M. *Civilizație și cultură. Vestigii preistorice în sud-estul european*. Trad. Sorin Paliga. Editura Meridiane, București, 1989.
12. Ispirescu P. *Legende sau basmele românilor*. Vol. 1.Ed. Cartea Românească, București, 1988.
13. Iung C.G., Kerenyi K. *Copilul divin. Fecioara divină. Introducere în esența mitologiei*. Timișoara, 1994.
14. Herseni Tr. *Forme străvechi de cultură poporană românească. Studiu de paleo etnologie a cetelor de feciori din Țara Oltului*. Editura Dacia, Cluj- Napoca, 1977.
15. Mușlea I., Bîrlea Ov. *Tipologia folclorului. Din răspunsurile la chestiunile lui B.P. Hașdeu*. București, Editura Minerva, 1970.
16. Șâineanu L. *Basmele române în comparațiune cu legendele antice clasice și în legătură cu basmele popoarelor învecinate și ale tuturor popoarelor române*. Ediție îngrijită de R. Niculescu; Prefață de Ov. Bîrlea.. Editura Minerva, București, 1978.
17. Vulcanescu R. *Coloana cerului*. București, 1972.
18. Vulcănescu R. *Mitologie română*. Ed. Acad. RSR, București, 1987.
19. Ангелов Б., Вакарелски Хр. Сенки из невиделица. Книга на българската народна балада. Изд. на Мин. на народното просвещение. София, Държавна печатница, 1936.
20. Арнаудов М. Очерци по български фолклор, том. 1, София, 1968.
21. Бояджиева Ст. Формули в баладното повествование. // Славянска филология, том 18. Литературознание и фолклор, София, 1983.
22. Български народни балади и песни с митически и легендарни мотиви. СБНУ, кн. 60, ч.2. Авт. Кол. Л. Богданова, Ст. Бояджиева, Н. Кауфман и др., Изд-во на БАН, София, 1994.
23. Българска митология. Енциклопедичен речник.Изд. група 7М ЛОГИС, София, 1994.

24. Българско народно творчество в 12 тома. Том 3. Исторически песни. Отб. и ред. Хр. Вакарелски. Български писател, София, 1961.
25. Българско народно творчество в 12 тома. Том 4. Митически песни. Отб. и Редактиран М. Арнаудов. Български писател, София, 1961.
26. Гаџак В.М. Эпос и героические коляды. // Специфика фольклорных жанров. Наука, Москва, 1973.
27. Динеков П. Български фолклор. Ч.1.Български писател, София, 1990.
28. Елиаде М. Митът за вечното завръщане. Архетии и повторение. Прев. от френски Л. Денкова, Г. Вълчинова. Изд. къща "Хр. Ботев ", София, 1994.
29. Живков Т. Ив. Етнокултурно единство и фолклор. София, 1987.
30. Жирмунски В.М. Сравнително литературоведение. Изтокът и Западът. Нау Извътство, София, 1986.
31. Иванова Р. Епос, обред, мит. Акад. Изд-во " Проф. Марин Дринов ", София, 1995.
32. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Советская энциклопедия Москва, 1991, 1992.
33. Леви-Строс К. Структурная антропология. Москва, 1983.
34. Попов Д. Тракийската богиня Бендида. София, 1981.
35. Примовски Ан., Примовски Н. Родопски народни песни. Народна пръсвета, София, 1968.
36. Пропп В. Я. Мотив чудесного рождения. // Фольклор и действительность. Наука, Москва, 1976.
37. Путилов Б.Н. Славянская историческая баллада. Изд-во « Наука ». Москва – Ленинград, 1965.
38. Путилов Б.Н. Эпический мир и эпический язык. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов (IX международный съезд славистов), Москва, 1983.
39. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Наука, Ленинград, 1988.
40. Романска Цв. Българско народно поетично творчество. Христоматия. Наука и изкуство, София, 1969.
41. Холевич Й. Проблеми на възрожденската култура. София, 1986.
42. Полк. Янков. Български народни песни от Елена В. Янкова. Пловдив, 1908.